

Римлянин и тевтон. Серия лекций, прочитанных в Кембриджском университете

Чарльз Кингсли, Макс Мюллер

The Roman and the Teuton

Charles Kingsley and F. Max Müller

Электронная книга проекта "Проект Гутенберг" "Римлянин и тевтон".

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Roman and the Teuton

Автор: Чарльз Кингсли

Редактор: Ф. Макс Мюллер

Дата выхода: 1 марта 2003 [eBook #3821]

Последнее обновление: 4 октября 2007 г.

Язык: Английский

Кредиты: Переписано с издания 1889 года Macmillan and Co. под редакцией Дэвида Прайса

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ "РИМЛЯНИН И ТЕВТОН".

Переписано с издания 1889 года, осуществленного "Macmillan and Co." Дэвидом Прайсом, электронная почта ssx074@pglaf.org.

РИМЛЯНИН И ТЕВТОН

Серия лекций, прочитанных в *Кембриджском университете*

by CHARLES KINGSLEY, M.A.

новое издание с предисловием профессора ф. макс мюллера

Лондон
MACMILLAN AND CO.
1889

[Все права защищены]

ОКСФОРД:
хорас харт, печатник университета.

Посвящается джентльменам университета, оказавшим мне честь присутствовать на этих лекциях.

Содержание

Предисловие профессора Ф. Макса Мюллера
Дети леса

Умирающая империя
Предисловие к лекции III
Человеческий потоп
Готический цивилизатор
Конец Дитриха
Немезида готов
Паулюс Диаконус
Духовенство и язычники
Монах-цивилизатор
Законы лангобардов
Папы и лангобарды
Стратегия привилегий
Приложение - Вступительная лекция: Пределы точных наук в применении к истории

ПРЕДИСЛОВИЕ

Никогда не забуду момент, когда я в последний раз взглянул на мужественные черты Чарльза Кингсли, черты, которые Смерть сделала спокойными, величественными, возвышенными. Постоянная борьба, которая при жизни, казалось, не давала покоя его выражению лица, дух, подобно льву в клетке, сотрясающий прутья своей тюрьмы, разум, стремящийся высказаться, душа, изнывающая от любви, - все это было позади. Осталось только удовлетворенное выражение триумфа и покоя, как у солдата, который хорошо повоевал и, погружаясь в безмолвие смертной дремы, слушает далекие звуки музыки и крики победы. Человек видел идеального мужчину, каким его задумала природа, и чувствовал, что нет более великого скульптора, чем Смерть.

Когда человек смотрел на мраморную статую, которая всего несколько недель назад так тепло сжимала его руку, в его мыслях промелькнула вся его жизнь. Вспомнились молодой викарий и "Трагедия святого"; пастор-чартист и Альтон-Локк; счастливый поэт и пески Ди; блестящий писатель, Гипатия и Вестворд-Хо; ректор Эверсли и его деревенские проповеди; любимый профессор в Кембридже, занятой каноник в Честере, мощный проповедник в Вестминстерском аббатстве. О нем думали у беркширских меловых ручьев и на побережье Девоншира, наблюдая за красотой и мудростью природы, читая ее торжественные уроки и посмеиваясь над ее неподражаемым весельем. Его можно было увидеть на городских аллеях, проповедующим Евангелие благочестия и чистоты, курящим свою трубку в компании солдат и штурманов. Его слушали в гостиных, слушали в терпеливом молчании, пока не прозвучит одна из его энергичных или причудливых речей, которую невозможно забыть. Как восторгались им дети! Как молодые, дикие мужчины верили в него и слушались его! Как женщины были очарованы его рыцарством, а мужчины постарше - его искренним смирением и сочувствием!

Все это теперь уходило - уходило. Но, глядя на него в последний раз на земле, человек чувствовал, что больше, чем викарий, поэт, профессор, каноник, был он сам, с его горячим сердцем, честными целями, доверием к друзьям, готовностью тратить себя, рыцарством и смирением, достойными лучшего века.

Обо всем этом мир знал мало, но мало кто вызывал более широкие и сильные симпатии.

Кто может забыть похороны 28 января 1875 года и большую печальную толпу, собравшуюся вокруг его могилы? Там был представитель принца Уэльского, а рядом - цыгане из Эверсли, которые называли его своим Патрико-раем, своим королем-священником. Здесь был старый

сквайр из его деревни и рабочие, молодые и старые, для которых он был другом и отцом. Здесь были губернаторы дальних колоний, офицеры и моряки, епископ его епархии и декан его аббатства; здесь были ведущие нонконформисты окрестностей и его собственные преданные прихожане, пэры и члены палаты общин, писатели и издатели; А за церковным двором - лошади, гончие и егерь в розовом, ибо, хотя Чарльз Кингсли был таким же хорошим священнослужителем, как и все остальные, он также был хорошим спортсменом и за свою жизнь прошел множество препятствий так же смело, как и последнее из всех, без страха и трепета. Все, кого он любил, и все, кто любил его, были здесь, и мало кто видел, когда его положили на его собственную желтую гравийную клумбу, старые деревья, которые он посадил и за которыми ухаживал, в последний раз помахали ему своими ветвями, а серое солнечное небо со спокойной жалостью смотрело вниз на опустевший ректорский дом и на короткие радости и короткие страдания смертных людей.

Все уходило домой с ощущением, что жизнь стала беднее, и каждый знал, что потерял друга, который в каком-то особом смысле был ему родным. Чарльза Кингсли будет не хватать в Англии, в английских колониях, в Америке, где он провел свой последний счастливый год; да везде, где понимают саксонскую речь и саксонскую мысль. Его будут оплакивать, по нему будут тосковать в каждом месте, где он провел несколько дней своей насыщенной жизни. Что касается меня самого, то я чувствую себя так, словно оборвался еще один трос, привязывающий меня к этому гостеприимному берегу.

Когда умирает писатель или поэт, лучшая часть его, как часто говорят, остается в его произведениях. Во многих случаях так оно и есть. Но в случае с Кингсли его жизнь и его произведения были единым целым. Все, что он писал, предназначалось для того дня, когда он это писал. Этого было достаточно для него. Он почти не давал себе времени думать о славе и будущем. По сравнению с хорошо сделанной работой, сказанным добрым словом, молчаливым пожатием руки юноши, которого он спас от беды, или "Спасибо, сэр" от бедной женщины, которой он был утешением, он презрел бы то, что люди называют славой, как ладан, улетающий в дым. Он был, в одном смысле этого слова, небрежным писателем. Он делал все, что мог, в свое время и для своего времени. Он делал это с концентрированной энергией воли, которая прорывалась сквозь все трудности. В полетах воображения, в легкости и огне языка ему было мало равных, если вообще были; но совершенство и классическая законченность, которые достигаются только упорным трудом и терпением, не боящимся никакой рутины, отсутствуют в большинстве его произведений.

Однако слава, о которой он так мало заботился, пришла к нему. Его бюст будет стоять в Вестминстерском аббатстве, в часовне Святого Иоанна Крестителя, рядом с его другом, Фредериком Морисом; а в Храме славы, который будет освящен в период Виктории и Альберта, будет ниша для Чарльза Кингсли, автора "Альтона Локка" и "Гипатии".

Рано или поздно потребуется полное издание его произведений, хотя мы можем сомневаться, что сам он пожелал бы сохранить все свои литературные труды. Исходя из того, что я знал о нем и его удивительной скромности, я бы сказал, что решительно нет. Особенно я сомневаюсь, пожелал ли бы он, чтобы данная книга *"Римлянин и тевтон"* была передана потомкам. Ни одна из его книг не подвергалась столь жесткой критике, как этот том "Лекций", прочитанных в Кембриджском университете и опубликованных в 1864 году. Сам он не стал переиздавать его, и кажется невозможным говорить о своих собственных исторических исследованиях в более уничижительных выражениях, чем он сам снова и снова делает это в ходе своих лекций. И все же следует помнить, что эти лекции посещались чаще, чем почти все другие лекции в Кембридже. Они произвели неизгладимое впечатление на многие молодые умы. О них спрашивают снова и снова, и когда издатели пожелали

получить мой совет относительно целесообразности выпуска нового и более дешевого издания, я не колебался, какой ответ дать.

Я не настолько ослеплен своей дружбой к Кингсли, чтобы утверждать, что эти лекции - все то, чем должны быть академические лекции. Я только хотел бы, чтобы кто-нибудь сказал мне, какими могут быть академические лекции в Оксфорде и Кембридже, пока сохраняется нынешняя система преподавания и экзаменов. Легко сказать, чем эти лекции не являются. Они не претендуют на то, чтобы содержать результаты длительных оригинальных исследований. Они не основаны на критической оценке авторитетов, с которыми приходилось консультироваться. Они не являются хорошо организованными, систематическими или полными. Все это внезапно избранный профессор истории в Кембридже первым бы признал. "Я здесь не для того, - говорит он, - чтобы учить вас истории. Я здесь для того, чтобы научить вас, как учить себя истории". Я должен сказать даже больше. Мне кажется, что эти лекции не всегда были написаны в совершенно беспристрастном и судейском духе, и что иногда они несправедливы по отношению к историкам, которые, не руководствуясь никакими другими мотивами, кроме искреннего стремления к истине, считали своим долгом не соглашаться со многими общепринятыми утверждениями средневековых летописцев.

Но, несмотря на все это, давайте посмотрим, что представляют собой эти "Лекции" и не найдется ли для них места рядом с другими работами. Прежде всего, по единодушному свидетельству тех, кто слышал их в Кембридже, они возбудили интерес молодых людей и заставили их просить книги, которые студенты никогда раньше не просили в университетских библиотеках. Они заставили многих людей, прочитавших их впоследствии, проявить новый интерес к старым и полузабытым королям и сражениям, и даже недоброжелательных критиков они заставили признать, что некоторые главы, такие как, например, "Монах как цивилизатор", неожиданным образом продемонстрировали его способность оценивать положительные стороны характеров, в противном случае наиболее антипатичных для апостола мужественного христианства. В них, по сути, содержатся мысли поэта, моралиста, политика, богослова и, прежде всего, друга и советчика молодых людей, читающих для них и вместе с ними один из самых ужасных периодов в истории человечества, агонию умирающей империи и рождение новых национальностей. История была лишь его текстом, его главной целью было быть учителем и проповедником, и как красноречивый толкователь целей истории перед аудиторией молодых людей, для которых история слишком часто является просто чередой событий, которые нужно выучить наизусть и быть готовым к периодическим экзаменам, он достиг того, чего хотел достичь. Историки по профессии, естественно, будут возмущены некоторыми частями этой книги, но даже они, вероятно, признают, что в ней есть целые главы, полные превосходства, поучительные отрывки, счастливые очерки, пронизательные замечания, мощные вспышки настоящего красноречия, которые, вероятно, не могут быть преданы забвению.

Невозможно было бы также попытаться внести какие-либо изменения или исправить то, что может показаться ошибками. Книга не является учебником или авторитетом, так же как и "История Тридцатилетней войны" Шиллера; ее следует читать в будущем, как то, чем она должна была быть с самого начала - размышлениями Кингсли о некоторых моральных проблемах, возникших в результате конфликта между римлянами и тевтонами. Невозможно не пожелать, чтобы вместо лекций Кингсли подарил нам другой роман, например "Гипатию", или настоящую историческую трагедию, "Дитриха фон Берна", воплотившую в живых персонажах одну из самых жестоких схваток человечества, гибель римского и рождение

германского мира. Позвольте мне привести здесь слова Бунзена, сказанные им о драматической силе Кингсли много лет назад:

"Я без колебаний (пишет он) называю эти две работы, *"Трагедию святого"* и *"Гипатию"*, самыми важными и совершенными произведениями этого гениального писателя. В них, в частности, я нахожу оправдание надежде, которую прошу позволить мне выразить, - что Кингсли продолжит исторические пьесы Шекспира. Я уже несколько лет не скрываю, что Кингсли кажется мне гением нашего века, призванным поставить рядом с этой возвышенной драматической серией от *короля Иоанна* до *Генриха VIII* другую серию равного ранга, от *Эдуарда VI* до *высадки Вильгельма Оранского*. Это единственное историческое развитие Европы, которое объединяет в себе все жизненно важные элементы, и на которое мы могли бы смотреть без непреодолимой боли. Трагедия *Святой Елизаветы* показывает, что Кингсли может бороться не только с романом, но и с более суровыми правилами драматического искусства. А *"Гипатия"* доказывает, в самом большом масштабе, что он может обнаружить в картине исторического прошлого истинно человеческое, глубокое, постоянное, и что он знает, как это изобразить. Как, при всем этом, он умеет попадать в свежий тон народной жизни, рисовать юмористические характеры и сложности с шекспировской энергией, доказывают все его произведения. И почему бы ему не взяться за эту великую задачу? Наступает время, когда истинный поэт, пророк современности, должен распрощаться с вопросами дня, которые кажутся такими великими, потому что они так близки, но на самом деле являются мелкими и непоэтическими. Он должен сказать себе: "Пусть мертвые хоронят своих мертвецов" - и пришло время, когда Кингсли должен это сделать".

Об ошибках, которые Кингсли якобы допустил в этих "Лекциях", написано немало, но я сомневаюсь, что эта критика всегда была совершенно справедливой и объективной. Например, использование Кингсли имени Дитрих вместо Теодорих было представлено как жемчужина промаха, а некоторые критики зашли так далеко, что намекнули, будто он принял Теодорих за греческое слово, как прилагательное от Теодоруса. Это, конечно, было лишь шуткой, поскольку на странице 120 Кингсли в примечании сообщил, что имя *Теодорих*, *Теудерик*, *Дитрих* означает "король народов". Поэтому он прекрасно знал, что *Теодорих* - это просто греческая адаптация готского имени *Theode-reiks*, *theod* означает "народ", *reiks*, согласно Гримму, *princeps*^[1]. Но даже если бы он назвал короля Теодором, ошибка не была бы непростительной, поскольку он мог бы апеллировать к авторитету Григория Турского, который использует не только *Theodoricus*, но и *Theodorus* как одно и то же имя.

Более серьезное обвинение, однако, было выдвинуто против него за то, что он использовал высокогерманскую форму *Дитрих* вместо оригинальной формы *Теодерих* или *Теодерик*, или даже *Теодорих*. Должен ли я был изменить это? Думаю, нет; ведь мне ясно, что у Кингсли были свои веские причины предпочесть Дитриха Теодориху.

Сначала он представляет его слушателям как "Теодориха, известного в немецких песнях как Дитрих Бернский". До этого он говорил о вестготском Теодорихе, и о нем он никогда не говорит как о Дитрихе. Тогда почему он принял это высокогерманское имя для великого Теодориха, и почему об Аттиле он тоже говорит как об Этцеле?

Один из величайших немецких историков, Иоганн фон Мюллер, поступает точно так же. Он всегда называет Теодориха Дитрихом Бернским; и хотя он не приводит никаких причин для этого, их легко угадать. Вскоре после смерти Теодориха влияние германских легенд на историю и истории на германские легенды стало столь велико, что на какое-то время стало невозможно разделить два персонажа, изначально совершенно разных: *Тьодрекр* из Эдды,

Дитрих из германской поэзии, с одной стороны, и король готов *Теодорих* - с другой. То, что издавна говорилось и пелось о Тьодрекре и Дитрихе, считалось случившимся с королем Теодорихом, и в то же время исторические и местные элементы жизни Теодориха, жившего в Вероне, были впитаны в легенды о Тьодрекре и Дитрихе. Имена легендарного героя и исторического короля, вероятно, были идентичны, хотя и это не совсем точно[2]; но, во всяком случае, после смерти Теодориха все многочисленные диалектические разновидности этого имени, как в высоком, так и в низком немецком языке, были понятны широким слоям населения, как герою, так и королю.

Немногие имена имели большее количество псевдонимов. Они были тщательно собраны Граффом, Гриммом, Фёрстеманом, Поттом и другими. Здесь я привожу основные разновидности этого имени, встречающиеся в средневековых источниках и расположенные в соответствии с изменениями основных согласных: - (1) C Th-d: c Th-d.

(1) C *Th-d*: Theudoricus, Theudericus, Θεουδέριχος, Θεοδέριχος, Thidiricus, Thiodericus, Thiodric, Thiodricus, Thiodrih, Theodoricus, Theodericus, Theoderic, Theodrich, Thiadric, Thiadrich, Thiedorik, Thiederic, Thiederik, Thiederich, Thiedorich, Thiedric, Thiedrich, Thideric, Thiederich, Thidrich, Thodericus, Thiaedric, Thieoderich, Thederich, Thedric.

(2) C *T-d*: Teudericus, Teudricus, Tiodericus, Teodoricus, Teodericus, Teodric, Teodrich, Tiadric, Tiedrik, Tiedrich, Tiedric, Tidericus, Tiderich, Tederich.

(3) C *D-d*: Δειδοριξ, Diodericus, Deoderich, Deodrich, Diederich, Diderich.

(4) C *Th-t*: Thiotiricus, Thiotirih, Thiotiricus, Thiotrih, Theotoricus, Theotericus, Theoterih, Theotrih, Theotrich, Thiatric, Thieterich, Thietrih, Thietrich, Theatrih.

(5) C *m. зр*: Teutrich, Teoterih, Teotrich, Teotrih, Tieterich, Teatrih, Tiheiterich.

(6) C *Д-т*: Диотерих, Диотерикус, Диотрих, Деотрих, Деотрих, Дитерих, Дитерих, Дитрих, Дитерих, Дитерих, Дитрих, Дитрикус.

(7) C *m. зр*: Теотерих, Теотирих.

(8) C *T-ым*: *deest*.

(9) C *D-th*: Dietherich.

Совершенно верно, что, строго говоря, формы с Th-d являются низкогерманскими, а формы с D-t - высокогерманскими, но прежде чем мы доверимся этому разделению в исторических целях, мы должны помнить три факта: (1) что имена собственные часто не подчиняются закону Гримма; (2) что в высокогерманских MSS. многое зависит от местности, в которой они были написаны; (3) что высокогерманский язык не является в строгом смысле слова разновидностью низкогерманского и, во всяком случае, не является, как предполагал Гримм, хронологически более поздним, чем низкогерманский, а представляет собой два параллельных диалекта, как дорийский и эолийский, причем низкогерманский представлен самыми ранними литературными документами, готским и саксонским, а высокогерманский утверждает свое литературное присутствие позднее, не намного раньше VIII века, но затем сохраняет свое литературное и политическое превосходство со времен Карла Великого до наших дней.

Когда Теодорих женился на Одефледе, дочери Хильдеберта и сестре Хлодвиг, я не сомневаюсь, что при дворе Хлодвиг или Хлодвиг его королевский шурин в разговоре назывался Диотимой, хотя в официальных документах и в истории Григория Турского он

фигурирует под своим классическим именем Теодорих, в Jornandes Theodericus. Тем, кто вместе с Гриммом[3], признает переход низкого языка в высокий немецкий и отрицает, что смена готского *Th* на высокий немецкий *D* произошла до шестого или седьмого века, будет трудно объяснить, что в первом веке имя Деудорикса, германского пленника, племянника Мело Сигамбрийского, упоминается Страбоном[4]. В древнейшей немецкой поэме, в которой встречается имя Дитрих, песне Хильдебранда и Хадебранда, записанной в начале IX века[5], мы находим обе формы, низкогерманскую *Theotrîh* и высокогерманскую *Deotrîh*, используемые рядом.

Однако очень скоро, когда в Германии более распространенным языком стал немецкий, немецкие историки знали и о старом легендарном герое, и об остготском короле под одним и тем же именем, высокогерманским *Дитрихом*.

Поэтому, если Иоганн фон Мюллер говорил о Теодорихе Веронском как о Дитрихе фон Берне, он просто хотел продолжить историческую традицию. Он хотел напомнить своим читателям о популярном имени, которое все они знали, и сказать им: "Этот Дитрих, с которым вы все знакомы с детства, этот Дитрих, о котором так много говорится и поется в ваших легендарных историях и поэмах, знаменитый Дитрих Бернский, это действительно Теодерик, первый немец, правивший Италией тридцать три года, более славно, чем любой римский император до или после него. Я не вижу в этом ничего плохого, если только это делается с целью, и если только цель, которую Иоганн фон Мюллер имел в виду, была достигнута.

Несомненно, лучший план для историка - называть каждого человека тем именем, которым он называл себя сам. Теодорих, как мы знаем, не умел писать, но ему сделали золотую табличку[6], на которой были вырезаны первые четыре буквы его имени, и когда она была закреплена на бумаге, король провел пером по промежуткам. Эти четыре буквы были ΘΕΟΔ, и хотя мы должны были бы ожидать, что, будучи готом, он написал бы свое имя *Thiudereik*, все же мы не имеем права сомневаться, что гласные были *eo*, а не *iu*. Но снова и снова историки пишут имена не так, как они были написаны самими людьми, а так, как они встречаются в исторических документах, благодаря которым они стали известны в первую очередь. Мы говорим о Платоне, потому что между нами и Грецией лежит римская литература.

Американские имена вошли в историю благодаря испанским, индейские - благодаря английским. Строго древнегерманская форма Carolus Magnus была бы Charal, A. S. Carl; однако даже в Страсбургской клятве (842) имя фигурирует как Karlus и как Karl, и остается таким с тех пор[7]. В том же документе мы находим Ludher для Lothar, Ludhuwig и Lodhuvig для Ludovicus, самая старая форма - Chlodowich: и кто установит закон, какая из этих форм должна использоваться в исторических целях?

Я почти не сомневаюсь, что цель Кингсли, сохранившего имя Дитрих для ост-готского короля, была во многом такой же, как и у Иоганна фон Мюллера. Вы знаете, он хотел сказать о Дитрихе Бернском, о всех чудесных вещах, рассказанных о нем в "Нибелунгах" и других немецких поэмах. Так вот, это Дитрих немецкого народа, это то, что сделали из него сами немцы, передав своему великому готскому королю некоторые из самых невероятных достижений одного из своих древнейших легендарных героев. Они изменили даже его имя, и как дети в школах Германии[8] все еще говорят о нем как о своем Дитрихе фон Берне, так пусть и для нас он будет Дитрихом, не просто ост-готским Теодерихом, а немецким Дитрихом.

Признаюсь, я не вижу в этом ничего плохого, хотя несколько слов о странном смешении легенды и истории могли бы быть полезными, потому что случай Теодориха - одно из самых ярких свидетельств того смешения фактов и фантазии в строго исторические времена, в

которое людям так трудно поверить, но которое дает ключ, и единственно верный ключ, ко многим самым сложным проблемам как истории, так и мифологии.

Изначально ничто не могло быть более разным, чем Дитрих из старой легенды и Дитрих из истории. Первого преследуют несчастья на протяжении всей его жизни. В юности его притесняет дядя, знаменитый Эрманрих[9]; большую часть жизни (тридцать лет) он вынужден провести в изгнании и возвращается в свое королевство только после смерти своего врага. И все же, когда его называют Дитрихом Бернским, это связано с тем, что настоящий Теодорих, самый успешный из готских завоевателей, правил в Вероне. Когда его врага называют Отахером, а не Сибихом, это потому, что настоящий Теодорих победил настоящего Одоакера. Когда короля, при дворе которого он проводит годы изгнания, называют Этцелем, это потому, что многие германские герои действительно нашли убежище в лагере Аттилы. То, что Аттила умер за два года до рождения Теодориха Веронского, не представляет трудностей для народного поэта, как и еще более вопиющее противоречие между смелостью и свирепостью реального Аттилы и трусостью его тезки Этцеля, как это представлено в поэме о Нибелунгах. Таким образом, легенда была ускорена историей.

С другой стороны, если историки, такие как Григорий I (Dial. iv. 36)[10], рассказывают, что итальянский отшельник был свидетелем в видении проклятия Теодориха, душа которого была ввергнута служителями божественного возмездия в вулкан Липари, одну из пылающих пастей адского мира, мы можем распознать в разгоряченном воображении православного монаха воспоминание о таинственном конце легендарного Дитриха[11]. В дальнейшем легендарный и реальный герой настолько прочно спаялись воедино, что уже в XII веке летописцы ломают голову над тем, как согласовать факты и даты.

Эккехард в своей "Универсальной хронике"[12], которая заканчивается 1126 годом, указывает на хронологическое противоречие между Йорнандом, который помещает смерть Эрманриха задолго до Аттилы, и народной историей, которая делает его и Дитриха, сына Дитмара, его современниками.

Отто фон Фрейзинг[13], в первой половине XII века, выражает такое же недоумение, когда обнаруживает, что Теодорих считается современником Германриха и Аттилы, хотя несомненно, что Аттила правил задолго до Германриха, и что после смерти Аттилы Теодорих, когда ему было восемь лет, был отдан отцом в заложники императору Льву.

Готфрид фон Витербо[14], во второй половине двенадцатого века, выражает свои затруднения в похожих словах.

Все эти хронисты, передававшие исторические традиции Германии, были высокогерманцами, и поэтому получилось так, что в Германии Теодорих Великий стал Дитрихом, как Стратабургум стал Страссбургум, или Турикум - Цюрихом. Принадлежит ли английский язык к низкогерманской ветви, и не позволено ли английскому историку, по сравнению с немецким, принимать эти высокогерманские имена, я не могу сказать: все, что я хотел сказать, это то, что была очень понятная причина, почему Кингсли должен был предпочесть популярное и поэтическое имя Дитрих, даже если оно было высокогерманским, либо его настоящему готскому имени Теодерейк, либо его классической метаморфозе Теодорих или Теодорус.

Некоторые другие ошибки, на которые также было указано, не показались мне настолько серьезными, чтобы оправдать их исправление в посмертном издании. Например, говорили, что Кингсли не следовало называть Одоакра и Теодориха королями Италии, поскольку они были всего лишь лейтенантами восточного цезаря. Кассиодор, однако, говорит нам, что

Одоакр принял имя короля (*nomen regis Odoacer assumpsit*), и хотя Гиббон указывает, что это может означать лишь то, что он принял абстрактный титул короля, не применяя его к какому-либо конкретному народу или стране, все же сам великий историк называет Одоакра королем Италии и показывает, как он был намерен упразднить бесполезную и дорогую должность наместника императора. Кингсли догадывается, что предполагаемый титул Одоацера, короля народов, возможно, был готским *Theode-reiks*, то есть именем самого Теодориха. Что касается самого Теодориха, то Кингсли, несомненно, знал его реальный статус, поскольку он говорит: "Почему он не поставил себя цезарем Рима? Почему он всегда считал себя сыном-оруженосцем и квази-вассалом константинопольского кесаря?"

Наконец, говоря об исчезновении Западной империи вместе с Ромулом Августулом, Кингсли снова просто последовал примеру Гиббона и других историков; и нельзя сказать, что это выражение не вполне правомерно, как бы ясно ни показали современные исследования, что Римская империя, хотя и умерла, но жива.

И так далее в защиту или, во всяком случае, в объяснение выражений и утверждений, которые были отмечены как наиболее вопиющие ошибки в лекциях Кингсли. Я думаю, должно быть ясно, что во всех этих случаях изменения были бы невозможны. Были и другие места, где я с удовольствием изменил бы или вычеркнул целые строки, особенно в этнологических отрывках и в попытках этимологии немецких имен собственных. Ни те, ни другие, как мне кажется, не принадлежат Кингсли, хотя я тщетно пытался выяснить, откуда он мог их взять.

Однако это второстепенные вопросы, о которых я упоминаю главным образом для того, чтобы избежать впечатления, что, поскольку я оставил их без изменений, я их одобряю. Постоянный интерес к этим лекциям вызван не фактами, которые в них приводятся. За ними студенты могут обратиться к Гиббону. Они будут цениться главным образом за мысли, которые в них содержатся, за воображение и красноречие, которые они демонстрируют, и, наконец, не в последнюю очередь, ради человека, человека, правда, скорее теплого сердца, чем холодного суждения, но человека, которым по этой самой причине многие восхищались, многие любили, и многие будут скучать почти каждый день своей жизни.

М. М.

ЛЕКЦИЯ I - ЛЕСНЫЕ ДЕТИ.

В этой первой лекции я хочу дать вам общее представление о причинах, побудивших нашу тевтонскую расу напасть на Рим и разрушить его. Для этой лекции я не возьму никакого специального учебника, но предположу, что вы все знакомы с "Германией" Тацита и 9-й главой Гиббона. И я начну, если позволите, с притчи, мифа, саги, таких, какие любили люди, о которых я собираюсь вам рассказать; и если это покажется кому-нибудь из вас ребячеством, имейте в виду, что детское не обязательно должно быть поверхностным. Я знаю, что это не история. Эти лекции вообще не будут историей в общепринятом смысле этого слова. Но я прошу вас помнить, что я здесь не для того, чтобы учить вас истории. Этого не может сделать ни один человек. Я здесь для того, чтобы научить вас, как преподавать историю самим себе. Я дам вам строительные леса, насколько это возможно; вы должны построить дом.

Представьте себе большой сад троллей, о котором мечтали наши предки лет пятнадцать назад; дворец фей с садом фей, а вокруг первобытный лес. Внутри обитают тролли, хитрые и злые, следят за своими сказочными сокровищами, работают в своих волшебных кузницах, делают и делают всегда редкие и странные вещи; а снаружи лес полон детей, таких детей,

каких мир еще не видел, но все же детей: дети в откровенности, чистоте, ласке, нежности совести и благоговейном трепете перед невидимым; и дети в фантазии, глупости, невежестве, капризах, ревности, ссорах, любви к азарту и приключениям и простому спорту, переполняющему животное здоровье. Они беззаботно играют среди лесных зверей и побеждают их в своих играх, но лес для них слишком скучен и беден, и они забредают к стенам Сада троллей и гадают, что там внутри. Можно легко представить себе, что с этого момента начнет происходить. Некоторые из них, более отважные, забираются внутрь. Некоторых тролли крадут и уносят в свой дворец. Большинство так и не возвращаются: но то тут, то там один вырывается наружу и рассказывает, как тролли убили всех его товарищей: рассказывает о чудесах, которые он видел внутри, о быстрых башмаках, острых мечах и темных колпаках; о зачарованных арфах, зачарованных драгоценностях и, прежде всего, о зачарованном вине: и, в конце концов, тролли были очень добры к нему - посмотрите, какую прекрасную одежду они ему дали - и он некоторое время расхаживает среди своих товарищей; а потом возвращается, и не один. Тролли околдовали его, как околдуют и других. Так распространяется слава о Саде троллей; и все больше и больше крадутся туда юноши и девы, и соблазняют своих товарищей через стену, и рассказывают о драгоценностях, и платьях, и вине, радостном безумном вине, которое равняет людей с богами; и забывают рассказать, как тролли купили их, душу и тело, и научили их быть тщеславными, и похотливыми, и рабскими, и слишком часто искушали их в грехах, которым нет названия.

Но временами в них вспыхивает лучшая натура. Они не хотят быть рабами и грубиянами в человеческом обличье, какими их хотели бы видеть злые тролли; и они восстают, и убегают, и рассказывают об ужасах этого прекрасного подлого места. И тогда возникает благородное негодование и война между троллями и лесными детьми. Но тролли все еще могут искушать и подкупать более жадных и тщеславных, и все еще чудеса внутри преследуют их умы, пока у всех не возникает идея завоевать сад для себя, одеться в прекрасные одежды и напиться вина. Снова и снова они врываются в сад, но тролли изгоняют их, перестраивают стены, отгораживаются от тех, кто снаружи, теми, кого они держат в рабстве внутри; пока мальчики не становятся юношами, а юноши - мужчинами, а сад троллей все еще не покорен, и все еще будет покорен. А тролли стареют и слабеют, и стены их рушатся. Возможно, они добьются успеха в этот раз, возможно, в следующий.

И вот наконец им это удастся - стены фей пробиты, дворец фей взят штурмом, а тролли склонились у их ног, и теперь все будет принадлежать им: золото, драгоценности, платья, оружие, все, чем владеет тролль, кроме его хитрости.

Ибо когда каждый из них пробирается к заколдованной земле, на него накладываются чары этого места. Он пьет вино, и оно сводит его с ума. Он набивает руки драгоценными букетами, а другой выхватывает их из его рук. Каждый завидует юноше, стоящему перед ним, каждый кричит - почему мне не посчастливилось войти первым? И тролли натравливают их друг на друга, разбивают на партии, каждая из которых сходит с ума от волнения, ревности и вина, пока, сами не зная как, каждый не набрасывается на своего товарища, а все - на тех, кто толпится в лесу, и они дерутся и дерутся, вверх и вниз по дворцовым залам, пока их триумф не превратился в настоящий пир лапитеев, а тролли смотрят и злобно смеются, подначивая их к неестественной борьбе, пока все сады не будут вытоптаны, убранство разорвано, залы разобраны, а мостовые скользкие от крови братьев. А потом, когда вино выветрится из них, оставшиеся в живых приходят в себя и с позором и печалью оглядываются вокруг. В какую уродливую, заброшенную, шатающуюся развалину превратился сказочный дворец! Сами ли они его испортили? Или тролли заколдовали? А все сокровища фей - что с ними стало? Никто не знает. Выбросили ли они их в ссоре?

Спрятали ли их самые хитрые? Улетели ли с ними тролли в сказочную страну за Восточными горами - кто может сказать? Ничего не остается, кроме упреков и раскаяния. И они снова уходят в лес, подальше от мрачных развалин, усеянных трупами, чтобы дуться каждый в отдельности над какой-нибудь мелочью, которую он спас из общего разгрома, ненавидя и боясь каждого звука шагов своего соседа.

Что же станет с лесными детьми, если среди них не появится какой-нибудь добрый святой или отшельник, чтобы связать их святыми узами братства и закона?

Такова моя сага, господа, и, кроме того, она правдива. Ибо она ни больше, ни меньше, чем история тевтонских племен и того, как они свергли Римскую империю.

Менцель, который, хотя и не занимает высокого положения как историк, по крайней мере, имеет истинно немецкое сердце, открывает свою историю поразительным отрывком.

Мудрецы Востока учили мудрости под пальмами; купцы Тира и Карфагена взвешивали тяжелые якоря и распускали пурпурные паруса в дальних морях; грек делал землю прекрасной своим искусством, а римлянин основывал свою колоссальную империю силой, а тевтон сидел, еще ребенок, неизвестный и нагой среди лесных зверей: И все же, невредимый и спортивный, он властвовал над ними, ибо ребенок принадлежал к королевскому роду и должен был снискать славу на все времена.'

На странное и сложное воспитание, которое Бог предназначил для этой расы и благодаря которому она стала, по крайней мере на многие века вперед, правящей расой мира, я хочу обратить ваше внимание в своих будущих лекциях. Сегодня же я хочу настойчиво внушить вам мысль о детскости наших предков. К добру или ко злу они были великими мальчиками; очень благородными мальчиками; очень часто очень непослушными мальчиками - такими, какими вполне могут быть мальчики с мужской силой. Попробуйте представить себе таких, и вы получите старых Маркманов, Оллманов, Готов, Ломбардов, Саксов, Франков. И это понятие может быть не просто метафорой. Расы, как и отдельные люди, как часто говорят, могут иметь свое детство, свою юность, свою мужественность, свою старость и естественную смерть. Это всего лишь теория - возможно, не более того. Но, по крайней мере, у нашей расы было детство. Их достоинства, а также их печальные промахи и неудачи я не могу понять ни по какой другой теории. Ближайший тип, который мы можем наблюдать сейчас, - это, как мне кажется, английский моряк или английский штурман. Отличный, простой, честный, полный сил и веселья ребенок, временами очень грубый и простодушный: но если с ним обращаться как с человеком, то он очень ласков, восприимчив, даже сентиментален и суеверен; любит азартные игры, грубый азарт, детские забавы в перерывах между огромными нагрузками; ссорится между собой, как и подобает мальчикам, и обладает духом дикой независимости, который кажется силой, но который, пока его не приучат к преданному послушанию и самопожертвованию, является просто слабостью; и под всем этим скрывается глубокая практическая проницательность, несгибаемое упорство, когда однажды его пробуждает нужда. Такой дух, как у английского моряка, мы видим и по сей день - это ближайший аналог, который я могу найти сейчас. О том, какими были эти люди, можно догадаться по тем временам, когда за сто два года до Рождества Христова кемперы и тевтоны, перейдя через Альпы в Италию, собрали 300 000 вооруженных людей и 15 000 рыцарей в кольчугах с широкими мечами и копьями, а на их шлемах были те же бычьи рога, крылья и перья, которые сейчас можно увидеть на гербах германских князей, наткнулись на Мария и его римлян и были полностью уничтожены, сначала мужчины, затем женщины, которые, как истинные женщины, вместо того чтобы отдать свою честь римлянам, повисли на рогах тележных лисиц и были затоптаны до смерти под их ногами; И тогда эти собаки,

которые продолжали сражаться, когда мужчины и женщины были убиты, - с того рокового дня и до того славного, когда через пятьсот лет Аларих стоял под стенами Рима и на их отчаянное хвастовство о численности римлян ответил: "Выходите к нам, чем гуще сено, тем легче косить", - за пятьсот лет, говоря я, все намеки на их характер - это намеки на мальчишескую натуру.

Временами они были жестоки: но мальчишки гораздо более жестоки, чем взрослые мужчины, и я не знаю почему - возможно, потому, что они сами не испытывали страданий и не знают, как тяжело их переносить. Характеры у них были разные. Франки всегда были лживы, тщеславны, капризны, эгоистичны, вступали в союз с римлянами, когда речь шла об их интересах или тщеславии - худшие из всех тевтонов, хотя отнюдь не самые слабые, - и в течение примерно пятисот лет во Франции они вели жалкое дело. Готы, говорит Сальвиан, были самыми невежественными из всех; большие ленивые лурданы; склонны к жестокости, по крайней мере вестготы, как доказали их испанские потомки к ужасу всего мира: но при этом они были людьми чести, как те старые испанцы. Саксы славились жестокостью - не знаю почему, ведь наша ветвь саксов с самого начала истории была наименее жестоким народом в Европе; но у них была репутация - как и у вандалов - самых чистых; *Castitate venerandi*. А среди нецивилизованных людей холодность и жестокость часто сочетаются. Чем менее страстна и чувствительна натура, тем менее она открыта для жалости. Карибы Вест-Индии славились и тем, и другим, в отличие от распутных и мягких жителей Кубы и Испаньолы; и в двойном контрасте с племенами краснокожих индейцев Северной Америки, которые с самого первого знакомства с ними сочетали два порока - жестокость и распутство - в такой степени, что истребили их больше, чем все огненные воды белого человека.

Но мы должны быть осторожны, сравнивая наших предков с этими или любыми другими дикарями. Те, кто, подобно Гиббону, пытались провести параллель между краснокожими индейцами и первобытными тевтонами, делали это в ущерб фактам. Во-первых, они упускают из виду тот факт, что если краснокожие индейцы с тех пор, как мы их знаем, были уменьшающейся расой, то тевтоны - быстро растущей; несмотря на войны, голод и все бедствия нестабильной лесной жизни, они доказывают свою молодую силу и жизнеспособность производством, не имеющим аналогов, насколько я знаю, в истории, за исключением, возможно, этой благородной и молодой расы, русской. Эти писатели не знают, что у тевтонов были свои определенные законы, более простые, несомненно, во времена Тацита, чем во времена Юстиниана, но все же основанные на абстрактных принципах, столь глубоких и широких, что они составляют основу наших английских законов и конституции; что вера тевтонов в отношении невидимого мира и божественных существ была столь же возвышенной и чистой, как глупые легенды Хиаваты, как нравы тевтонов были выше нравов сиу или команчей. Пусть любой прочтет честные рассказы о краснокожих индейцах; пусть прочтет Катлина, Джеймса, Льюиса и Кларка, Шульбрета; и, прежде всего, старый "Travels in Virginia", изданный Обществом Хаклюйта; а затем пусть прочтет "Germania" Тацита, и судите сами. Со своей стороны, я считаю, что если бы Гиббон был прав и если бы наши предки в германских лесах были похожи на людей Поухаттана, которых мы нашли в виргинских лесах, то римляне не заставили бы себя долго ждать, чтобы цивилизовать нас с лица земли.

Нет. Все заметки, которые приводит Тацит, - это заметки о молодой и сильной расе; не осознающей своих возможностей, но обладающей такими возможностями, что наблюдательные римляне сразу же с ужасом и трепетом поняли, что они столкнулись с таким народом, какого никогда не встречали прежде; что в их руках рано или поздно может оказаться судьба Рима. Безумный Каракалла, подражая тевтонам в одежде и причёске, с

ужасом слушая песни альрунов, говоря тевтонам, что они должны прийти за Рейн и разрушить империю, а затем убивая переводчиков, чтобы те не повторили его слов, лишь в безумной форме изрекал мысли, которые роились в самых дальновидных римских умах. Он чувствовал, что они могли бы совершить этот поступок, и правильно чувствовал, будучи безумцем. Они могли бы сделать это тогда, в дни войны с Олманом, если бы от них требовались только физическая сила и мужество. Они могли сделать это за несколько лет до того, когда маркмены сражались с Марком Аврелием Антонином; в тот день, когда кесарь, по совету своих авгуров, послал двух львов переплыть Дунай в качестве испытания победы; а простые маркмены приняли их за больших собак и убили своими дубинами. С этого дня тевтоны начали медленно, но верно завоевывать. Хотя Антонин победил маркменов на Дунае и вернул 100 000 римских пленников, это произошло только благодаря помощи вандалов; с этого дня империя была обречена, и тевтоны держались на расстоянии, лишь подкупая одно племя, чтобы оно воевало с другим, или зачисляя более смелых духом в римские легионы, чтобы сражаться с людьми их собственной крови; -недальновидная и самоубийственная политика; ведь именно таким способом они обучали тевтона всему, что ему было нужно, - дисциплине и военной науке римлян.

Но тевтоны могли бы сделать это и за сто лет до того, когда Рим находился в предсмертной агонии, а Вителлий и Веспасиан боролись за пурпур, а Цивилис и прекрасная Велледа, подобно Бараку и Деборе в древности, поднимали тевтонские племена. Они могли бы сделать это и раньше, когда Герман уничтожил Вара и его легионы в Тевтобургском валу; или еще раньше, когда Кемперы и тевтоны перебрались через Альпы, чтобы напиться роковых вин богатого юга. А почему тевтоны *не* сделали этого? Потому что они были мальчишками, сражающимися против хитрых мужчин. Бойорих, молодой Кемпер, прискакавший в лагерь Мария, чтобы назначить место и время битвы - ведь тевтон считал, что использовать сюрпризы и хитрости или победить только в честном и открытом бою - это тип тевтонского героя, у которого не было шансов в борьбе с хладнокровным, лживым, политичным римлянином, поседевшим от опыта форума и лагеря, и все еще таким же физически храбрым, как его молодой враг. Потому что и среди них не было единства, не было ощущения, что они братья одной крови. Если бы тевтонские племена во время одного из великих кризисов, о которых я уже упоминал, и во время многих других кризисов после этого, объединились хотя бы на три года под влиянием чувства общности крови, языка, интересов, судьбы, Рим бы погиб. Но они не смогли усвоить этот урок. Они не смогли отбросить свои мальчишеские ссоры.

Они усвоили этот урок только после своей окончательной победы, когда Евангелие Христа - Существа, которому все они были обязаны равной преданностью, в глазах которого все они были морально равны, - объединило их в христианство.

И хорошо, что они не узнали об этом раньше. Хорошо для них и для всего мира, что они не объединились на ложной почве интересов или амбиций, а дождались истинного основания для единства - познания Богочеловека, Царя всех народов на земле.

Если бы они разрушили Рим раньше, чего бы они не потеряли? Что потерял бы мир? Христианство было бы задушено в самой своей колыбели, а вместе с ним и все шансы - будьте уверены в этом - на собственный прогресс. Римское право, порядок и дисциплина, те самые вещи, которые они должны были приобрести в результате пятисотлетнего контакта, были бы сметены. Вся классическая литература и классическое искусство, которыми они научились восхищаться с почти суеверным благоговением, тоже погибли бы. Греческая философия, зачатки физической науки и все, чем мы обязаны древним, погибли бы; и мы действительно получили бы нашествие варваров, за которым последовали бы поистине

темные века, в которые Европе пришлось бы начинать все заново, без помощи предыдущих поколений.

Поэтому все было хорошо, и Бог был справедлив и милостив к ним и всему роду человеческому. У них была славная судьба и славные силы для ее исполнения, но они, как и все люди и народы, перед которыми открывается благородное будущее, должны были быть воспитаны страданиями. Перед ними был ужасный опыт скорби и разочарования, греха и крови, благодаря которому они впервые осознали, что они могут сделать и чего не могут. Как древний Адам, как каждый человек по сей день, они съели от древа познания добра и зла и были изгнаны из рая бессознательности; им пришлось снова стать более печальными и мудрыми людьми и есть свой хлеб в поте лица своего; и так подняться после своего падения в более благородную, более мудрую, более искусственную, а потому более истинно человеческую и божественную жизнь, чем та, из которой они сначала выпали, когда покинули свои немецкие дикие места.

Разумеется, параллель не должна соответствовать всем деталям. Падение тевтона от той благородной простоты, в которой его видел и почитал Тацит, длилось четыре столетия; возможно, оно продолжалось и во времена самого Тацита. Но кульминацией стало столетие, когда Италия была завоевана, а Рим разграблен вестготами, остготами, вандалами, пока от него не остались одни лишь руины, охваченные лихорадкой. Тогда невежественный и жадный ребенок, который так долго хватался за прекрасные яблоки Содомы, схватил их раз и навсегда и обнаружил, что они превратились в прах в его руках.

Да, именно так я хочу, чтобы вы взглянули на Вторжение варваров, Иммиграцию тевтонов, или как бы вы это ни называли. Прежде чем рассматривать вопросы миграции, этнологии, законов и классов, взгляните сначала на саму вещь; посмотрите со священной жалостью и благоговением на одну из самых печальных и великих трагедий, когда-либо разыгрывавшихся на земле. Бедные души! А ведь они были так просты. Их жалко, как жалко ребенка, который ворует яблоки и в конце концов заболевает ими. Для меня самым трагичным в этой истории является не огромные человеческие жертвы, а сама простота тевтонов. Кровопролитие - это, конечно, плохо, но, в конце концов, природа расточительна к человеческим жизням - одним землетрясением она убивает и двадцать тысяч, и пятьдесят тысяч; а что касается смерти в бою - иногда, сидя у многих смертных кроватей, я склонен думать, что наши старые предки были правы и что смерть в бою может быть не таким уж незавидным способом ухода из этого беспокойного мира. Кроме того, мы не имеем права винить тех старых тевтонов, в то время как мы каждый год убиваем больше подданных Ее Величества от предотвратимых болезней, чем они когда-либо убивали в своих самых кровавых битвах. Давайте подумаем об этом и исправим это, прежде чем обвинять старых немецких героев. Нет, есть трагедии более жалкие, чем те, что могут показать поля сражений; и на первом месте среди них, конечно, разочарование юных надежд, деградация молодых душ.

Их можно пожалеть, говорю я. И они жалели себя. Раскаяние, стыд, печаль - все это можно найти в немногих легендах и песнях тех дней, которые последовали за падением Рима. Они совершили великое дело. Они уничтожили могущественную тиранию; они разделили между собой добычу, вырванную у всех народов; они избавили землю от могущественного людоеда, чьи руки веками простирались над всей землей, утаскивая всех девственников в свое логово, убивая и мучая тысячи людей ради своей забавы; нецензурные преступления, для которых их язык, как и наш собственный (слава Богу), едва ли нашел название. Вавилон Великий, опьяненный кровью святых, пал, наконец, перед простыми лесниками севера: но если для нас это выглядит триумфом, то для них - нет. Они могли только думать о том, как

запятнали свои руки в крови братьев. Они заполучили роковой клад нибелунгов, но он исчез между их руками, и им оставалось только убивать друг друга, пока не осталось ни одного.

Вы знаете "Нибелунгову ложь"? В ней, как мне кажется, выражена ключевая нота сердца старого тевтона после того, как его работа была закончена. Зигфрид убит своим шурином; прекрасная Хримхильд превратилась в мстительную фурию; герои избивают друг друга, сами не зная зачем, в зале гуннского Этцеля, пока Хаген и Гунтер не остаются одни; Дитрих Бернский входит, чтобы связать последних уцелевших героев; Хримхильд трясет разможенной головой Хагена перед лицом Гунтера, которого сам изрубил старый Хильдебранд, пока не остается ничего, кроме трупов и напрасных слез: -А клад Нибелунгов, причина всех бед, лежит утопленным в глубинах Рейна до самого судного дня. Что все это, как не правдивая история о падении Рима, о безумных распрях тевтонов-завоевателей? Имена перепутаны, мифичны; даты и места искажены: но история правдива - слишком правдива. *Mutato nomine fabula narratur*. Они продолжали убивать, пока не осталось ни одного человека. Поступки, столь же странные, ужасные, братоубийственные, совершались снова и снова, не только между Франком и Готом, Ломбардом и Гепидом, но и между Ломбардом и Ломбардом, Франком и Франком. Да, они упивались кровью друг друга, эти наши старшие братья. Будем благодарить Бога, что мы не разделили их добычу и не погибли, как они, от прикосновения рокового клада Нибелунгов. Счастье для нас, англичан, что мы были вынуждены искать приключений здесь, на этом одиноком острове; свернуть в сторону от великого потока тевтонской иммиграции; и поселиться здесь, каждый на своей лесосеке, чтобы обрабатывать землю в сравнительном покое, сохраняя нерушимыми старые тевтонские законы, незапятнанными старую тевтонскую веру и добродетель, не проклиная ни бедности, ни богатства, но питаясь пищей, достаточной для нас. Нам, правда, после долгих веков мир принес лень, а лень - иноземных захватчиков и горькие беды: но лучше так, чем чтобы мы отбросили и добродетель, и жизнь в той безумной ссоре за сказочное золото Рима.

ЛЕКЦИЯ II- УМИРАЮЩАЯ ИМПЕРИЯ.

Не мне описывать взлет или даже падение Римской империи. Это было бы обязанностью скорее профессора древней истории, чем современной. Все, что мне нужно сделать, это набросать, как можно короче, то состояние, в котором молодой мир застал старый, когда вступил с ним в контакт.

Римская империя во второй половине четвертого века находилась во многом в том же состоянии, что и Китайская или Турецкая империя в наши дни. Частная мораль (как скажут вам Ювенал и Персий) исчезла задолго до этого. Общественная мораль, разумеется, исчезла тоже. Единственными признанными силами были сила и хитрость. Единственной целью было личное удовольствие. Единственным Богом был Божественный Сезар, императорский полубог, чья безграничная грубая сила давала ему безграничные возможности для самоудовлетворения и делала его таким образом образцом и идеалом человечества, которому все завидовали, льстили, ненавидели и повиновались. Дворец был раковиной коррупции, где евнухи, наложницы, шпионы, доносчики, вольноотпущенники, авантюристы, боролись в самых подлых кознях, каждый за свою долю общественного грабежа. Сенат существовал только для того, чтобы регистрировать эдикты своего тирана и, если нужно, уничтожать друг друга или кого-либо еще путем судебных убийств - добровольных орудий императорской жестокости. Правительство управлялось (по крайней мере, со времен Диоклетиана) чиновничьей бюрократией, о которой профессор Голдуин Смит хорошо сказал: "Земля кишела всепоглощающей иерархией вымогательства, так что говорили, что тех, кто получал налоги, было больше, чем тех, кто их платил". Свободный

средний класс исчез или остался в городах, слишком гордый, чтобы работать, питаясь государственными щедротами и развлекаясь правительственными зрелищами. Вместе с ними умерли искусства и науки. Все это осталось за рабами и стало, в буквальном смысле, подневольным подражанием прошлому. А что, собственно, не было оставлено рабам? Привлеченные без уважения к рангу, а также к полу и возрасту из всех народов под небесами организованной работорговлей, для которой наш поздний африканский был лишь крошечным ручейком по сравнению с могучей рекой; работорговлей, которая однажды купила 10 000 человеческих существ на Делосе за один день; "servorum nationes" были единственными землепашцами, теми "latifundia" или большими поместьями, "quæ perdidere Romam". Лишенные прав на брак, самого названия человечности; не защищенные никакими законами, кроме интересов или капризов своих хозяев; подвергнутые за незначительные проступки жестоким мучениям, они тысячами убивались в амфитеатрах, чтобы устроить римский праздник, или коротали свою жизнь в "эргастулах" или казармах, которые были мраком и ужасом. Их хозяева - сенаторы, клариссимы или, по крайней мере, куриалы - проводили жизнь в городах, роскошную и развратную, оставляя своих рабов на милость "виллици", управляющих и погонщиков, которые сами были такими же рабами.

Более изнеженными, но и более униженными были толпы жалких существ, отрезанных от всех надежд человечества, которые служили нечестивым удовольствиям своих хозяев даже во дворцах номинально христианских императоров - но над этой стороной римского рабства я должен набросить завесу. Скажу лишь, что зверства римлян по отношению к своим рабам, особенно этого последнего и самого мрачного рода, несомненно, навлекли на них справедливый гнев и месть тех тевтонских народов, у которых было похищено так много рабов. [19]

И все же они называли себя христианами, которым было сказано: "Не обманывайтесь, Бог не смеется над вами. За сие придет гнев Божий на детей непослушания". И гнев действительно пришел.

Если таковы были нравы империи, то каково же было ее политическое состояние? В полной дезорганизации. Единственным объединяющим звеном, похоже, была бюрократия, сообщество сборщиков налогов, которые считали, что в целом безопаснее и выгоднее отдавать в императорскую казну часть награбленного, чем оставлять все себе. Она стояла просто *vi inertiae*, просто потому, что так получилось, и не было ничего другого, что можно было бы поставить на ее место. Подобно старому дереву, у которого истлели все корни, он не упал только потому, что буря еще не пришла. Бури, конечно, случались, но они были частичными и локальными. Нельзя заглянуть на страницы Гиббона и не увидеть, что нормальным состоянием империи были бунты, гражданские войны, вторжения - притворщики, такие как Караузий и Аллект в Британии, на некоторое время ставившие себя императорами - разбойничьи шайки, такие как Багауды в Галлии, тевтонские племена, совершавшие вылазки на границу, набирались в римские армии, откупались или нанимались, чтобы сдерживать племена позади себя и погибать от мечей своих собратьев.

Как ни парадоксально, но империя держалась за счет собственной слабости. По крайней мере, изнутри ее невозможно было свергнуть. Массы были слишком подавлены, чтобы подняться. Лишенные единства, цели, мужества, они покорялись неизбежным страданиям, как дождю и грому. В лучшем случае они уничтожали собственных детей от нищеты или, как в Египте, тысячами бежали в пещеры и каменоломни и становились монахами и отшельниками; в то время как высшие классы, лишенные единства и цели, говорили каждый сам с собой: "Давайте есть и пить, ведь завтра мы умрем".

Положение дел в Риме, а после возвышения Византии при Константине и в Византии, было совершенно фантастическим, ненормальным, совершенно не похожим на то, что мы видели или можем представить себе без особых усилий. Я не знаю лучшего способа проиллюстрировать это, чем процитировать из превосходной книги мистера Шеппарда *"Падение Рима и подъем новых национальностей"* отрывок, в котором он переносит всю коми-трагедию из Италии прежних времен в Англию 1861 года.

Я не счел нужным дать отдельный и четкий ответ на теорию мистера Конгрива, согласно которой римский империализм был типом любого хорошего правительства и желательным прецедентом для нас. Тем, кто испытывает хоть какую-то склонность к этой идее, я настоятельно рекомендую прочитать ответ профессора Г. Смита в *"Оксфордских эссе"* за 1856 год, который является настолько полным и сокрушительным, насколько обычно бывают полны выступления этого джентльмена. Но чтобы донести до непосвященных некоторое представление о состоянии общества под властью кесаря, которое кесарево правление, в той мере, в какой это касается простого правительства, если и не порождает, то никогда не проявляло тенденции к предотвращению, давайте на мгновение дадим волю воображению и представим себе несколько социальных и политических аналогий в нашей собственной Англии XIX века.

В наших принципах, нравах и форме правления произошла целая революция. Парламенты, собрания и все обычные формы выражения национальной воли больше не существуют. Свободная пресса разделила их судьбу. Нет аккредитованного органа общественного мнения; более того, нет общественного мнения, которое можно было бы зафиксировать. Лорды и общины были сметены, хотя несколько богатейших старых джентльменов Лондона ежедневно собираются в Вестминстере, чтобы получить приказы из Букингемского дворца. Но в самом дворце разразился один из тех кровавых заговоров, которые в последнее время стали непрекращающимися. Последний наследник дома Брауншвейгов лежит мертвый с кинжалом в сердце, и все вокруг в страшном смятении. Вооруженные силы столицы, конечно же, "хозяева положения", и гвардейцы, после бурного собрания в Виндзоре или Найтсбридже, продали трон барону Ротшильду, получив за это солидное пожертвование 25 фунтов стерлингов за штуку. Однако лорд Клайд, мы можем быть уверены, не выдержит этого и через несколько месяцев будет маршировать на Лондон во главе индийской армии. Тем временем Флот Ла-Манша объявил себя командующим, захватил Плимут и Портсмут и намерен уморить метрополию голодом, прекратив ввоз "хлебных продуктов" в устье Темзы. И это стало вполне возможным, ведь половина населения Лондона при нынешнем положении вещей живет за счет бесплатной раздачи кукурузы, которую пока что осуществляет занимающий трон. Но более фатальные изменения, чем даже это, произошли с населением столицы и всей страны. Свободные граждане и префекты Лондона, крепкие рабочие Дорсетшира и восточных графств, искусные ремесленники Манчестера, Шеффилда и Бирмингема, моряки и корабельщики Ливерпуля были давно призваны в походные полки и оставили свои кости истлевать под индийским солнцем и полярными снегами. Их место заняли бесчисленные стада негров-рабов, которые обрабатывают поля и заполняют мастерские наших городов, полностью исключив свободный труд; ибо свободное население, или, скорее, жалкие его остатки, презирают любой ручной труд: они делят свое время между голодом и унижительным развратом, средства для которого старательно предоставляются правительством. Проверенные временем институты "бычьей наживки", "кабины" и "ринга" действуют ежедневно под самым высоким покровительством. Гайд-парк превращен в гигантскую арену, где преступники из Ньюгейта "скрещиваются" с животными из Зоологического сада. Каждые две недели проводится день Дерби, и все население с бешеным азартом устремляется на Даунс, оставляя город на растерзание рабов. А

моральное состояние этой огромной массы! О делах во дворце нам было бы жаль говорить. Но дамы-покровительницы Алмака еще более усердно покровительствуют призовым боям, и одну из них видели в канатах, в боевом облачении, рядом с самим Сейерсом. Нет слов, чтобы рассказать об оргиях, устраиваемых с помощью французских поваров, итальянских певцов и иностранных артистов всех мастей в позолоченных салонах на Парк-Лейн и Мейфэр. Достаточно сказать, что в них самые худшие страсти человеческой природы получают полный размах, не сдерживаемые никакими человеческими или божественными ограничениями, и лишь время от времени их немного приглушает опасение, что рабы могут восстать и устроить чистую зачистку метрополии с помощью огня и стали. Но *неважно* - да *здравствует багатель!* Марио только что назначили премьер-министром, а из оперного певца герцога Мидлсекса и генерал-губернатора Индии сделали певца хора. Все мудрецы и все хорошие люди отчаялись в государстве, но им не позволено ничего говорить, а тем более действовать. Мистер Дизраэли потерял голову несколько дней назад; лорды Пальмерстон и Дерби находятся в Тауэре под страхом смертной казни; лорд Броам, архиепископ Кентерберийский и мистер Гладстон вскрыли себе вены и умерли в теплой ванне на прошлой неделе. Внешние отношения предъявляют еще более высокие требования к воображению читателя. Мы больше не должны воспринимать Англию как

"Драгоценный камень, оправленный в серебряное море,
Который служит ей в качестве стены,
Или как ров, защищающий дом".

но скорее как открытую для вторжения каждого врага, которого спровоцировал ее агрессивный и колонизаторский гений. Краснокожие Запада, кафры, сикхи и сипаи, китайские храбрецы и свирепые восточные люди всех мастей витают на ее границах в "бесчисленном количестве", как хлопья снега в северную зиму. Это не те бессильные враги, которых мы знаем, а энергичные расы, питающиеся из неиссякаемых источников населения и испытывающие неутолимый аппетит к золоту и серебру, пурпуру и виссону, богатым блюдам и опьяняющим напиткам нашей увядшей цивилизации. И мы больше не можем противопоставить им те победоносные легионы, которые сражались и покоряли все регионы мира. Людей Ватерлоо и Инкермана больше нет. Мы вынуждены набирать свои армии из тех самых племен, перед мечами которых мы отступаем!

'Несомненно, обычный читатель сочтет эту картину перегруженной, нарисованной с явным преувеличением и несколько сомнительным вкусом. *Каждое содержащееся в ней утверждение* можно сопоставить с обстоятельствами и событиями упадка Римской империи. Аналогичная ситуация была и с подданными этого типа всякого хорошего правительства, *всегда возможного*, а часто и фактического. Мы думаем, что это избавляет нас от теории г-на Конгрива. С ней можно выгодно сравнить мнение человека более государственного склада ума. "Преимущества деспотизма недолговечны; он отравляет те самые источники, которые открывает; если он проявляет достоинство, то оно исключительное; если добродетель, то она порождена обстоятельствами; и когда этот лучший час проходит, все пороки его природы вспыхивают с удвоенной силой и утяжеляют общество во всех направлениях". Так пишет М. Гизо. Неужели это язык пророчества и личного опыта?

Мистеру Шеппарду следовало бы добавить для полноты картины, что ирландцы только что установили папизм через канал Св. Георгия через Ла-Манш с помощью реэмигрантов из Америки; что Свободный Кирк и Национальный Кирк ведут кровопролитную гражданскую войну в Шотландии; что девонширские уэслианцы только что разграбили собор в Эксетере и убили епископа у алтаря, а епископ Лондона, поддерживаемый евреями и богатыми

церковниками (которые все замешаны в финансовых операциях с бароном Ротшильдом), только что приказал всем диссентерам покинуть метрополию в течение трех дней под страхом смерти.

Я должен добавить еще одну особенность к этой страшной, но точной картине и сказать, что через несколько поколений можно было бы увидеть еще более уродливую вещь. Английская аристократия была бы поглощена иностранными авантюристами. Внуки этих рабов и наемников занимали бы высшие посты в государстве и армии, называя себя в честь освободивших их хозяев или маскируя свои варварские имена английскими окончаниями. Де Фунг-Чоувиллы станут герцогами, Литтл-Гризли-Бир-Джо-Смиты - графами, а Фиц-Стенлейсоны, происходящие от цыганского короля, который поступил на службу, чтобы избежать транспортировки, и в свое время стал главнокомандующим, будут править в Ноусли вместо графа Дербя, унаследовав его в результате суммарного процесса убийства. Нищие на лошадях, в буквальном смысле слова; женатые, в большинстве своем, на англичанках самого высокого ранга, но смотрящие на Англию лишь как на добычу; без патриотизма, без принципов; они уничтожали бы старую аристократию законными убийствами, перемалывали бы народ, боролись бы со своими пока еще варварскими кузенами снаружи, пока им сопутствовала удача: но как только удача обернется против них, они призовут на помощь этих варварских кузенов и каждые десять лет будут вторгаться в Англию с языческими ордами, вооруженными уже не тулваром и спичками, а винтовкой Энфилда и пушкой Уитворта. И это, надо согласиться, будет примерно последним этапом существования Британской империи. Если вы просмотрите имена, которые фигурируют на высоких постах Римской империи в четвертом и пятом веках, то увидите, как мало среди них действительно римских. Если вы попытаетесь исследовать не их генеалогии - у них их нет, среди них нет ни одного деда, - а те немногие факты из их жизни, которые дошли до нас, вы увидите, как на нее обрушилась та Немезида, которая в конце концов должна обрушиться на каждую нацию, которая пытается утвердиться на рабстве как на законном основании. Рим стал рабом своих собственных рабов.

Именно в этот последний период, когда Рим стал рабом своих собственных рабов, я берусь рассказать о нашей тевтонской расе.

Я не думаю, что кто-то назовет преувеличенными утверждения мистера Шеппарда или мои, кто знает горькие жалобы на нечестие и глупость того времени, которые можно найти в трудах императора Юлиана. Педант и отступник, каким бы он ни был, он посвятил свою короткую жизнь одной великой идее - восстановлению Римской империи, какой она была (как ему казалось) во времена добродетельных стоических императоров второго века. Его мечта оказалась мечтой из-за мертвой кучи легкомыслия, чувственности, жестокости, полного неверия не только в мертвых языческих богов, которых он тщетно пытался восстановить, но и вообще в любого бога, как в живую, правящую, судящую, награждающую, карающую силу.

Никто не назовет эти утверждения преувеличенными, кто знает римскую историю его верного слуги и солдата Аммиана Марцеллина, особенно поздние книги, в которых он описывает состояние империи после смерти Юлиана, при Иовиане, Прокопии, Валентиниане, (который держал рядом со своей опочивальней двух медведиц, питавшихся людьми, одну из которых звали Золотой Верблюд, а другую - Невинность, и которую, когда она пожирала достаточное количество его живых жертв, он отпускал в леса в награду за ее услуги - жестокий тиран, единственной добродетелью которого, кажется, было его целомудрие); и Валенс, бесстыдный вымогатель, погибший в великой битве при Адрианополе, о которой мы расскажем далее. Последние пять оставшихся книг истории

честного солдата - это целая ткань ужасов, от чтения которых отворачиваешься, как от скотобойни или шабаша ведьм.

Никому, опять же, не покажутся преувеличенными эти утверждения, кто знаком с "De Gubernatione Dei" Сальвиана. Он всегда и по праву пользовался большим уважением, как один из величайших авторитетов, описывающих состояние Галлии, когда ее завоевали франки, готы и вандалы.

Сальвиан был христианским дворянином, родившимся неподалеку от Тревеса. Он женился на язычнице из Кельна, обратил ее в христианство, родил от нее дочь, а затем убедил ее посвятить себя безбрачию, в то время как сам поступал так же. Из-за этого его тесть, Ипатий, поссорился с ним; сохранилось письмо, в котором он пытается успокоить старика, - любопытный образец стиля культурных людей того времени. Затем Сальвиан отправился на юг Франции и стал священником в Марселе, а также наставником сыновей Эвхерия, епископа Лиона. Евхерий, сам хороший человек, говорит в выражениях страстного восхищения Сальвианом, его добротой, святостью, образованностью, талантами. Геннадий (который описывает его еще живым, когда он писал, около 490 года) называет его, помимо прочих похвал, магистром епископов; и оба они часто упоминают именно этот труд, которым он прославился в свое время, и который он написал около 450 или 455 года, во время вторжения бриттов. Так что мы можем полностью доверять тому, что у нас в руках подлинная современная работа, написанная хорошим человеком и правдивая.

Позвольте мне сначала сказать несколько слов о том, что он, как и многие хорошие люди, разошелся со своей женой, чтобы вести так называемую религиозную жизнь. Это имеет прямое отношение к истории тех дней. Не стоит превозносить его за то, что он (как и все христиане его времени), несомненно, придерживался мнения, что брак сам по себе является деградацией; что, хотя церковь может несколько исправить его, возвысив до таинства, все же чем меньше плохого, тем лучше: доктрина, против которой в Англии не нужно использовать (слава Богу) тот же язык, который Мишле справедливо использовал во Франции. Мы, находясь в безопасности от яда, можем позволить себе говорить об этом спокойно. Но я смело утверждаю, что мало, насколько мне известно, когда-либо проповедовалось людям более практически безнравственное учение, чем учение о достоинстве безбрачия и осквернении брака (которое было доктриной всех христианских приверженцев в течение 1000 лет). Это сильное заявление. Возможно, на него ответит тот очевидный факт, что за эти самые 1000 лет нравственность Европы улучшилась больше и быстрее, чем когда-либо прежде. Я знаю это; и я благодарю за это Бога. Но я остаюсь при своем мнении и отвечаю: "А насколько быстрее улучшилась нравственность Европы с тех пор, как эта доктрина была сметена, а женщина и любовь к женщине вернулись на свое законное место в воспитании человека?"

Но если мы не восхваляем Сальвиана, то не должны порицать ни его, ни любого другого, кто хотел быть честным и добрым человеком. Они не предвидели, к чему приведут их безбрачные представления. Если бы они понимали, то, надо полагать, действовали бы иначе. И более того, их предпочтение безбрачия было не фантазией, а здравым смыслом весьма возвышенного толка. Будьте уверены, что когда два христианина среднего возраста считают, что им лучше расстаться, у них есть очень веские причины для такого торжественного шага, над которыми посмеются только мальчишки или циники. И эти причины в случае Сальвиана, как и во многих других случаях в его время, очевидны для обычного человеческого понимания. Не думайте, что у него были какие-то частные причины, о которых мы с полным правом можем говорить сейчас: общественные причины, и такие, которые, дай Бог, не увидит ни один живой человек, заставляли мудрых людей благодарить

Бога за то, что они не обременены женой и детьми. Вспомните годы, в которые жил Сальвиан, - от 416-го, возможно, до 490-го. Это был день Господень, такой, какой видел Иоиль; "день облаков и густой тьмы, как утро, распространившееся по горам; народ великий и сильный; никогда не было подобного, и не будет больше после него: земля была перед ними садом Эдемским, а позади них - пустыня безлюдная: Да, и ничто не могло ускользнуть от них". Все шло к краху; страну захватили иноземные захватчики; банкротство, разорение, резня и плен были, возможно, в течение 100 лет нормальным состоянием Галлии, да и большинства других стран. Я почти не сомневаюсь, что Сальвиан был благоразумным человеком, когда решил больше не производить на свет человеческие существа. Это отвратительная мысль - надеюсь, вы чувствуете, насколько она уродлива, неестественна, отчаянна. Если нет, подумайте над ней, пока не почувствуете, пока она не испугает вас. Тем самым вы сделаете большой шаг в человеческом сочувствии, а значит, и в понимании истории. Много раз и во многих местах люди говорили, справедливо или нет: "Лучше не оставлять после себя таких, как я". Страдания жизни (и того, что будет после этой жизни) больше, чем радости. Я совершаю акт жестокости, принося в мир новое человеческое существо". Я хочу, чтобы вы внимательно изучили эту мысль и применили ее к себе. У нее много применений, и поэтому она была очень распространена.

Но представьте себе - мне слишком больно это делать - случай женатого джентльмена, который видит, как его страна постепенно опустошается и доводится до полного разорения иностранными захватчиками; и он чувствует - как чувствовал бедный Сальвиан - что нет никакой надежды или спасения; что страдания заслужены, заслужены, справедливо *заработаны* (ибо таково истинное значение этих слов) и поэтому должны прийти. Представьте себе, что он видит вокруг себя разрушенные поместья, сожженные фермы, дам и господ, собственных друзей и родственников, в один час доведенных до нищеты, разграбленных, ободранных, сбившихся в банды... Не хочу заканчивать картину: но спросите себя, захотел бы благородный человек привести в мир сыновей, а тем более дочерей, чтобы терпеть такое?

Поставьте себя на место Сальвиана. Забудьте на несколько минут, что вы англичане, самая свободная и храбрая нация на земле, сильная во всем, что дает реальную силу, и с добровольческой армией, которая сейчас грозна по численности и храбрости и которая, если придет страшный призыв, может быть увеличена в десять раз за столько же месяцев. Забудьте на время обо всем этом; поставьте себя на место Сальвиана, господина Галлии, в то время как франки и готы, бургунды и вандалы волна за волной прокатывались по этой прекрасной земле; оцените его рационально, как можно меньше говорите о его суеверии и как можно больше о его человеческом чувстве, благоразумии, самообладании и здравом смысле. Поверьте, ни безбрачие, ни любое другое, казалось бы, противоестественное суеверие не продержалось бы на плаву целое поколение, если бы не было подкреплено некоторыми практическими соображениями здравого смысла. Мы удивляемся, почему в старые времена мужчины уходили в монастыри. Самый простой ответ: их побуждал к этому здравый смысл. Они устали быть рабами своих собственных страстей; они устали убивать и рисковать быть убитыми. Они видели, как общество, весь мир, как им казалось, разваливается вокруг них: что они могли сделать лучше, чем позаботиться о том, чтобы их собственные характеры, мораль, бессмертные души не развалились вместе с остальными. Мы удивляемся, почему женщины, особенно знатные, уходили в монастыри; почему, как только создавалась община монахов, рядом с ними возникала община монахинь. Самый простой ответ - здравый смысл побудил их к этому. Мужчин, особенно из высших боевых

классов, быстро убивали; женщин не убивали, и всегда оставалось большое количество тех, кто, если бы и хотел жениться, не мог. Что может быть лучше для них, чем искать в монастырях тот покой, который не мог дать этот мир?

Возможно, к этому простому желанию покоя они примешивали мысль о том, что они должны быть подручными Бога, невестами Христа и так далее. Да будет так. Давайте вместо того, чтобы жаловаться, возблагодарим небеса за то, что у них был какой-то мотив, неважно, правильный или нет, чтобы сохранить в них самоуважение и чувство, что они не совсем бесполезны и бесцельны на земле. Взгляните на этот вопрос в таком свете, и вы поймете две вещи: во-первых, насколько ужасными были времена, а во-вторых, почему в начале средних веков возникла страсть к безбрачию.

Одним словом, Сальвиан уже возмужал и образумился, когда увидел, что в его родной стране наступили времена, в которые с ужасающей точностью исполнились слова пророка Исаяи

"Вот, Господь опустошает землю, и делает ее пустынею, и переворачивает ее вверх дном, и рассеивает по ней жителей ее. И будет, как с народом, так со священником; как с рабом, так с господином его; как со служанкой, так с госпожой ее; как с продавцом, так с покупателем; как с ростовщиком, так с заемщиком; как с берущим ростовщичество, так с дающим ему ростовщичество. Земля будет совершенно опустошена и совершенно испорчена, ибо Господь изрек слово сие".

И Сальвиан пожелал узнать причину, по которой Господь изрек это слово, и читал свою Библию, пока не узнал, и написал на ее основе свою книгу *De Gubernatione Dei*, о правлении Божьем; и это очень благородная книга. Он отстаивает свою позицию на основании Писания, с которым он прекрасно знаком. Немногие добрые люди ожидали конца света. Христос должен был прийти, чтобы положить конец всем этим ужасам, но почему Он откладывал Свое пришествие? Многие слабые кричали, что Бог отказался от мира; что Христос покинул Свою Церковь и предал христиан на растерзание язычникам и арианским варварам. Многие плохие открыто богохульствовали, в отчаянии отбросив всякую веру, все узы религии, все приличия, и кричали: "Давайте есть и пить, ибо завтра мы умрем". Сальвиан отвечает им, как древнееврейский пророк: "Рука Господня не сократилась. Глаза Господа не закрыты. Господь все так же близок, как и прежде. Он управляет миром так, как управлял им всегда: по вечным нравственным законам, по которым возмездие за грех - смерть. Ваши беззакония лишили вас благ. Вы заслужили ровно столько, сколько заплатил вам Бог. Вы сами являетесь своим наказанием. Вы были злыми людьми, а потому слабыми; ваши собственные пороки, а не готы, были вашими истинными победителями". Как я уже говорил в своей инаугурационной лекции, это, в конце концов, истинная теория истории. Люди могут забыть об этом в мирные времена. Дай Бог, чтобы в мрачный час испытаний Бог всегда мог воздвигнуть для них пророка, подобного старому доброму Сальвиану, чтобы вновь проповедовать им вечные суды Божьи; и научить их, что не несовершенные конституции, не несовершенные законы, не несовершенные обстоятельства любого рода, но пороки их собственных сердец и жизней являются причиной их несчастий.

М. Гизо в своем обширном труде "История цивилизации во Франции" есть несколько любопытных страниц, посвященных причинам упадка гражданского общества в римской Галлии и его последующей слабости и гибели. Он рассказывает, что сенаторы, или клариссимы, не составляли истинной аристократии, способной руководить народом и защищать его, находясь в зависимости от милости императора, назначаясь и смещаясь по его желанию. Как куриалы, или богатые представители среднего класса, обязанные по

закону исполнять все муниципальные должности и отвечать за сбор доходов, находили свои обязанности настолько большими, что всеми возможными способами уклонялись от должности. Как, по словам М. Гизо, центральная деспотия Рима лишала куриалов всего, что они зарабатывали, чтобы платить своим собственным чиновникам и солдатам, и давала им право назначать магистратов, которые в конце концов были лишь имперскими агентами этой деспотии, ради которых они грабили своих сограждан. Как плебс, состоящий из мелких торговцев и свободных ремесленников, был совершенно неспособен отстаивать свое мнение или права. Как рабы, хотя их положение было значительно улучшено, представляли собой просто мертвый груз беспомощной жестокости.

А потом он говорит, что Римская империя умирала. Очень верно: но, часто цитируя Сальвиана, он всегда упускает из виду, от чего умирало римское общество. Сальвиан говорит, что оно умирало от порока. Не от плохих законов и сословных порядков, а от плохих людей. Месье Гизо принадлежит к школе, которая склонна приписывать счастье и процветание людей исключительно политической конституции, при которой они живут, независимо от нравственности самих людей. От этой школы конституционалистов в последнее время произошла сильная реакция, высшим выразителем, а может быть, и корифеем которой является мистер Карлайл. Он недооценивает, даже презирает влияние законов и конституций: по его мнению, частная добродетель, из которой проистекает общественная добродетель, является первой и единственной причиной национального процветания. В моей вступительной лекции я рассказал вам, как глубоко я симпатизирую его взглядам, занимая, как и мистер Карлайл, позицию в отношении древнееврейских пророков.

Тем не менее, в конституционалистской точке зрения есть доля истины, которую мистер Карлайл, как мне кажется, упускает из виду. Плохая политическая конституция действительно порождает бедность и слабость: но только в той мере, в какой она имеет тенденцию порождать моральное зло; делать людей плохими. Этому она может способствовать. Она может поощрять порок, ложь, казнокрадство, лень, невежество и тем самым склонять массы к нравственной деградации, от премьера до раба. Россия вот уже два столетия является слишком ярким доказательством истинности этого утверждения. Но и в этом случае моральный элемент является самым важным и как раз тем, который упускается из виду. Чтобы иметь хорошие законы, как забывает М. Гизо, нужно, во-первых, иметь хороших людей, которые их принимают; и, во-вторых, нужно иметь хороших людей, которые их выполняют после того, как они приняты. Плохие люди могут злоупотреблять самыми лучшими законами, самыми лучшими конституциями. Посмотрите на работу наших парламентов во время правления Вильгельма III и Анны, и вы поймете, насколько бессильны хорошие конституции, когда люди, которые их исполняют, лживы и продажны. С другой стороны, посмотрите на Римскую империю со времен Веспасиана до Антонинов и увидите, как хорошо работает даже плохая конституция, когда ее исполняют хорошие люди.

Плохие законы, говорю я, будут сносно работать при хороших людях, если их приспособят к существующим обстоятельствам люди мира, каковыми были все римские законы. Если бы они не были таковыми, как бы Римская империя, по крайней мере в первые годы своего существования, стала благословением для безопасности, процветания и богатства каждой поработанной ею страны? Но когда неполноценные римские законы стали использоваться плохими людьми, и так на протяжении 200 лет, тогда действительно наступили времена зла. Итак, давайте рассмотрим рассказ Сальвиана о причинах упадка Рима. Он, очевидец, приписывает все это нравам римских граждан. Они, по его словам, были самыми худшими. К общей распущенности он приписывает, говоря простыми словами, успехи франкских и

готских захватчиков. И фактов, которые он приводит и в которых нет причин сомневаться, вполне достаточно, чтобы доказать его правоту. Дом каждого великого человека, говорит он, был раковиной распутства. Женщины-рабыни находились во власти своего хозяина, а рабы копировали его нравы между собой. Это отвратительная картина: но здравый смысл подскажет нам, если мы немного подумаем, что так будет и должно быть в рабовладельческих странах, где христианство не присутствует в своей чистейшей и сильнейшей форме, чтобы контролировать страсти произвола.

Но среди этих галлов было не только распутство. Само по себе это не привело бы их к немедленной гибели. Нравы были достаточно плохи в старой Греции и Риме, как и впоследствии у турок: тем не менее, пока раса сильна, пока есть благоразумие, энергия, глубокое национальное чувство, оскорбленная добродетель не мстит за себя сразу всеобщим разорением. Но в конце концов она отомстит за себя, как показывает Сальвиан, как показывает весь опыт. Как в отдельных людях, так и в нациях безудержное потворство страстям должно породить и порождает легкомыслие, женолюбие, рабство сиюминутному аппетиту, огрубленный и безрассудный нрав, перед которым благоразумие, энергия, национальное чувство, любое чувство, не сосредоточенное на себе, погибает окончательно. Старая французская аристократия дала доказательство этого закона, который будет служить предупреждающим маяком до конца времен. Испанское население Америки, как мне говорят, дает сейчас страшное доказательство этого же ужасного наказания. А разве Италия не доказывала это на протяжении веков? Так и должно быть, господа. Ибо национальная жизнь основывается на жизни семьи, является ее развитием. А где корень порочен, там и дерево должно быть порочным. Так и должно быть. Ибо Асмодей не ходит в одиночку. За ним следуют нетерпение и разочарование, подозрительность и ревность, ярость и жестокость, все страсти, которые натравливают человека на ближнего своего. Так и должно быть. Ибо распутство - это эгоизм, а семья, общество, нация существуют только благодаря отбрасыванию эгоизма и соблюдению закона: - не только внешнему закону, который говорит от имени Бога: "Ты не должен", но и внутреннему закону, закону Христа, который говорит: "Ты должен"; закону самопожертвования, который эгоистическая похоть попирает ногами, пока между человеком и человеком не останется больше сплоченности, больше доверия, больше взаимопомощи, чем между оленями, которые дерутся за оленей; и да поможет Бог народу, который довел себя до этого!

Поэтому неудивительно, что, если рассказы Сальвиана о галльском распутстве правдивы, галльское безрассудство достигло в конце концов просто невероятных масштабов. Можно верить, но шокирует то, что, как он говорит, он сам видел в Тревезе и в другом большом городе (вероятно, Кельне, Colonia Agrippina, или "Колония" par excellence), когда разрушение государства было неизбежным, "стариков в чинах, дряхлых христиан, рабов чревоугодия и похоти, бешеных от криков, неистовых от вакхических оргий". Достоверно, но шокирующе, что по всей Галлии плен "предвидели, но не боялись". И "когда варвары расположились лагерем почти на виду, среди людей не было ни ужаса, ни заботы о городах. Все было охвачено беспечностью и ленью, обжорством, пьянством, сном, как говорит пророк: "Сон от Господа сошел на них". Достоверно, однако, то, что, хотя Тревес четыре раза брали варвары, он оставался таким же беспечным, как и прежде; и что - я все еще цитирую Сальвиана - когда население было наполовину уничтожено огнем и мечом, бедняки умирали от голода, трупы мужчин и женщин валялись на улицах, размножая мор, а собаки пожирали их, немногие оставшиеся вельможи утешали себя тем, что посылали к императору просить о проведении Черкесских игр.

Эти Черкесские игры, да и вообще все публичные зрелища, являются свежим доказательством того, о чем я только что говорил: если плохой народ зарабатывает плохое правительство, то плохое правительство зарабатывает плохой народ.

Они были самым необычным примером, который когда-либо видел мир, когда правительство за огромные деньги развращало своих подданных. Сознательно ли римские правители ставили перед собой эту цель, утверждать не берусь. Вероятно, они считали (ибо были столь же житейски мудры, сколь и беспринципны), что чем более легкомысленными и чувственными будут люди, тем спокойнее они подчинятся рабству; а лучший способ держать их легкомысленными и чувственными римляне хорошо знали; настолько хорошо, что после того, как империя стала христианской и многие языческие вещи были упразднены, они не сочли возможным отказаться от публичных зрелищ. Храмы богов могли исчезнуть, но не пантомимы.

В одном отношении, правда, эти государственные зрелища стали хуже, а не лучше при христианстве. Несомненно, они были менее жестокими, но и менее красивыми. Старый обычай показывать представления из древнегреческих мифов, в которых было что-то изящное и поэтическое и которые возвращали зрителей к более благородным и чистым героическим векам, исчез до принятия христианства; но старый порок не исчез. Он остался, но уже не облагороженный старыми героическими мифами, вокруг которых он группировался, а просто самый глупый и вульгарный. Мы знаем в деталях, какие мерзости, столь же бесстыдные и нелепые, происходили через столетие после Сальвиана в театрах Константинополя, под взглядом христианнейшего императора Юстиниана, и которые принесли этой позорнейшей женщине, Феодоре, долю в его императорской короне, право диктовать учение христианским епископам Востока и обречь душу Оригена на вечное проклятие за то, что он выразил надежду на окончательное помилование грешников. Поэтому мы вполне можем поверить жалобам Сальвиана на нечестие тех пантомим, о которых он говорит, что "*honeste non possunt vel accusari*"; он не может даже обвинить их, не сказав того, что ему стыдно сказать; я верю также его утверждению, что они не позволяют людям быть скромными, даже если бы они этого хотели; что они разжигают страсти и развращают воображение молодых и старых, мужчин и женщин, и - но я здесь не для того, чтобы утверждать, что грех есть грех, или что население Лондона стало бы хуже, если бы самые бесстыдные из них были поставлены правительством во владение Друри-Лейн и Ковент-Гарден; и это, и не что иное, означали римские пантомимы со времен Ювенала до времен самой святой и ортодоксальной императрицы Феодоры.

"Которые, зная суд Божий, что делающие такие вещи достойны смерти, не только делают то же самое, но и имеют удовольствие в тех, кто их делает".

Теперь в противовес всем этим мерзостям старый Сальвиан смело и честно заявляет о превосходной нравственности варваров. В этом, говорит он, причина их силы и нашей слабости. Мы, исповедующие православие, - распутные лицемеры. Они, наполовину язычники, наполовину ариане, более честные и чистые люди, чем мы. Бесполезно, говорит он, презирать готов как еретиков, хотя они лучшие люди, чем мы. Они лучшие христиане, чем римляне, потому что они лучшие люди. Они молятся Богу об успехе и уповают на Него, а мы самонадеянно уповаем на себя. Мы клянемся Христом, но что мы делаем, как не хулим Его, когда клянемся: "*Per Christum tollo eum*", "Я избавлюсь от него", "*Per Christum hunc jugulo*", "Я перережу ему горло", а затем считаем себя обязанными совершить убийство, в котором поклялись? . . "Саксы, - говорит он, - свирепы, франки неверны, гепиды бесчеловечны, гунны бесстыдны". Но разве вероломство франков так же повинно, как и наше? Разве пьянство альманаха или хитрость алана так же прокляты, как христианство?

Если гунн или гепид обманывает вас, что ж удивляться? Он совершенно не знает, что в лжи есть какой-то грех. Но что делать с христианином, который поступает так же? Варвары, - говорит он, - лучшие люди, чем христиане. Готы, - говорит он, - вероломны, но целомудренны. Аланы нецеломудренны, но менее вероломны. Франки лживы, но гостеприимны; саксы свирепы, но почтенны за свое целомудрие. Вестготы, завоевавшие Испанию, - говорит он, - были самыми "ignavi" (грузными, полагаю, он имеет в виду, и буйными) из всех варваров: но они были целомудренны, и поэтому они завоевали".

В Африке, если верить Сальвиану, дела обстояли еще хуже, во времена нашествия вандалов. Однако в его яростных инвективах против африканцев следует сделать поправку. Сальвиан был большим любителем монахов, а африканцы, по его словам, ненавидели их и избивали толпами, где бы они ни появлялись; для такого оскорбления он, конечно, не может найти слишком сильных слов. Однако святой Августин, сам их земляк, умерший, к счастью, незадолго до того, как на эту несчастную землю обрушилась буря, с горечью говорит об их чрезмерной распущенности, в которой он сам в своей бурной молодости имел слишком печальный опыт. Сальвиан утверждает, что африканцы были самыми распутными из всех римлян; и что если в каждом варварском племени было (как мы только что видели) немного хорошего, то у африканцев его не было.

Но были среди них и благородные души, свет которых сиял еще ярче в окружающей тьме. На страницах книги "Виктор Витенсис", где рассказывается печальная история преследования африканских католиков вандалами-арианами, вы найдете много трогательных историй, свидетельствующих о том, что у Бога были свои, даже среди этих деградировавших карфагенян.

Причины ненависти ариан к католикам очень туманны. Все, что известно, вы найдете в "Истории латинского христианства" декана Милмана. Простое объяснение можно найти в том, что католики считали ариан, и не скрывали своего мнения, буквально и фактически обреченными на муки вечного огня; и что, по словам Гиббона, "герои севера, которые с некоторой неохотой подчинились вере в то, что все их предки были в аду, были поражены и возмущены, узнав, что они сами лишь изменили способ своего вечного осуждения". Тевтоны (по признанию самого Сальвиана) пытались благочестиво служить Богу, в целомудрии, трезвости и честности, в соответствии со своим светом. А африканские распутники говорили им, что именно это, а не что-либо другое, является их погибелью. Не стоит удивляться и тому, что они принимали католическое вероучение за причину католической безнравственности. Этим можно объяснить вандалский обычай перекрещивать католиков. Это, безусловно, объясняет тот факт (если, конечно, это факт), о котором говорит Виктор, что они пытались монахинь, чтобы вырвать у них постыдные признания против священников. Но история африканских гонений - это история всех гонений, что неоднократно подтверждали древние отцы, что доказывают аналогии более поздних времен. Грехи Церкви влекут за собой наказание, заставляя ее врагов путать ее учение и ее практику. Но в ответ на это наказание Церковь очищает ее, и ее благородство проявляется заново, как змея сбрасывает кожу от боли и снова становится молодой и прекрасной; и в каждый темный час Церкви вспыхивает какая-то яркая форма человеческого героизма, чтобы быть маяком и утешением для всех будущих времен. Виктор, например, рассказывает историю Дионисии, прекрасной вдовы, которую вандалы пытались пытками заставить отрицать Божественность нашего Господа: "Когда они увидели, что она смелее и красивее всех остальных матрон, они схватили ее и стали раздевать, а она кричала им: "Qualiter libet occidite: verecunda tamen membra nolite pudare", но тщетно. Ее повесили за руки и бичевали до тех пор, пока по всем конечностям не побежали струйки крови. Ее единственный сын, хрупкий мальчик, стоял рядом и дрожал,

зная, что его очередь наступит следующим; она видела это и звала его среди своего позора и агонии. Он был крещен во имя Пресвятой Троицы; пусть он умрет в этом имени и не потеряет брачного одеяния. Пусть он боится боли, которая никогда не кончается, и цепляется за жизнь, которая длится вечно". Мальчик смирился и, когда пришел его черед, умер под пытками, а Дионисия взяла маленький трупик и похоронила его в своем доме, и до самой смерти поклонялась могиле своего мальчика.

Да. У Бога были свои люди, даже среди павших африканцев Карфагена.

Но ни там, ни в Испании вандалы не смогли излечиться от этого зла. "В наши дни, - говорит Сальвиан, - среди готов нет распутников, кроме римлян; среди вандалов нет распутников, кроме римлян. Краснейте, римляне, повсюду, краснейте за свою нравственность. Вряд ли найдется город, свободный от притонов греха, да и вообще от нечистоты, кроме тех, которые начали занимать варвары. И стоит ли удивляться, что нас превосходит в силе враг, превосходящий нас в благопристойности? Не природная сила их тел заставляет их побеждать нас. Нас победили лишь пороки нашей собственной морали".

Да, Сальвиан был прав. В этих последних словах не было простого всплеска национального тщеславия, готового признаться в любом грехе, кроме трусости. Он был прав. Не только мускулы тевтона позволили ему сокрушить дряхлые и развратные рабские народы, галльские и бриттские, иберийские и африканские, как бык давит лягушек на болоте. Юношеская Венера, неистощимая в пубертатном возрасте, дала ему нечто большее, чем высокий рост и могучие конечности. Если бы у него не было ничего, кроме них, он мог бы до конца оставаться слепым Самсоном, перемалываемым среди рабов на мельнице Сезара, зарезанным для римского праздника. Но это дало ему больше, эта его чистота; она дала ему, как может дать и вам, господа, спокойный и твердый мозг, свободное и верное сердце; энергию, которая истекает из здоровья; самоуважение, которое истекает из самоограничения; и дух, который не боится ни Бога, ни человека и считает за счастье умереть за жену и ребенка, за народ и за королеву.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЛЕКЦИИ III.- О ДОКТОРЕ ЛАТЭМЕ "ГЕРМАНИЯ". LATHAM'S 'GERMANIA'.

Если в этих лекциях я придерживаюсь более известной и широко распространенной этимологии названия "гот", то делаю это не из неуважения к доктору Лэтэму, а просто потому, что его теория кажется мне полезной. Насколько я понимаю, она заключается в следующем. Что "готы" не были исконным названием расы. Что они, вероятно, не назывались так до тех пор, пока не пришли в землю гетов, около устья Дуная. Тевтонское название остготов было Grutungs, а вестготов (которые, по его мнению, не означают вестготов) Thervings, Thüringer. Что, достигнув земли гетов, они взяли их имя; "подобно тому, как кентинги англосаксонской Англии взяли имя от кельтской страны Кент"; и что имена Goth, Gothones, Gothini были первоначально даны литовцам их соседями-славянами. Я лишь излагаю теорию и оставляю ее на суд других.

Основные положения, которые, по мнению доктора Лэтэма, он установил, таковы.

Что площадь и население тевтонских племен были, на основании Тацита, сильно завышены; многие племена, которые до сих пор считались тевтонскими, на самом деле были славянскими и т.д.

Это не должно шокировать нашу гордость, если будет доказано - как мне кажется. Народы, повлиявшие на судьбу мира, не были великими в современном американском понимании

"большими", но великими сердцем, какими были наши предки. Греки были всего лишь горсткой при Саламине; римляне Республики - тоже; испанцы Америки - тоже; ацтеки и инки, которых они свергли, - тоже; и, конечно, наши собственные завоеватели и повторные завоеватели Индостана достаточно доказали, что не количество, а душа дает расе силу править.

Не стоит возражать и против мнения доктора Лэтхема, что не одно из племен, участвовавших в разрушении империи, было не коренными германцами, а германизированными склавонцами под руководством германских вождей. Возможно, так оно и есть. Обычай порабощать пленников сделал бы чистую тевтонскую кровь среди низших классов племени исключением, а не правилом; в то время как обычай вождей выбирать "тегнов", "гезитов" или "комитов", которые жили и умирали как их соратники, из числа самых доблестных несвободных, имел бы тенденцию производить смешанную кровь и в высших классах, и постепенно ассимилировать всю массу к манерам и законам их тевтонских господ. Только таким фактическим превосходством высших классов над низшими я могу объяснить то глубокое уважение к рангу и крови, которое отличает и, возможно, всегда будет отличать тевтонские народы. Если бы среди нашей расы существовало хоть что-то похожее на первобытное равенство, наследственная аристократия никогда бы не возникла, а если и возникла на какое-то время, то никогда бы не смогла остаться фактом, в который верили все, от самых низких до самых высоких. Справедливый или несправедливый, этот институт представлял собой, как я убежден, этнологический факт. Золотоволосый герой сказал своему шатену: "Я - джентльмен, у которого есть "gens", "stamm", "pedigree", и он знает, от кого я произошел. Я - Гардинг, Амалунг, Скилдинг, Осинг или кто там еще. Я сын богов. В моих жилах течет кровь асов. Разве ты не видишь этого? Разве я не мудрее, не сильнее, не добродетельнее, не красивее тебя? Ты должен повиноваться мне, быть моим человеком и следовать за мной до самой смерти. Тогда, если ты окажешься достойным таном, я дам тебе коня, оружие, браслеты, земли и женю тебя, быть может, на своей дочери или племяннице. А если нет - оставайся сыном земли, копошись в пыли, из которой ты создан". И кабальеро поверил ему, и стал человеком своего господина, и пошел за ним на смерть, и тем самым не деградировал, а вырос из эгоистичной дикости и грубой независимости в преданность, полезность и самоуважение. По сути, именно таким способом все и делалось: делалось - очень плохо, как и большинство человеческих дел; но способ был неизбежным и, возможно, правильным, пока (как сейчас в Англии) низшие классы не стали этнологически идентичны высшим, и равенство стало возможным по закону, просто потому что оно существовало на самом деле.

Но часть "Germania" д-ра Лэтэма, на которую я вынужден обратить наибольшее внимание, поскольку не следил за ней, - это интересная часть "Пролегомены", в которой он борется с общепринятой теорией, согласно которой между временем Тацита и временем Карла Великого огромные массы германцев мигрировали на юг из междуречья Эльбы и Вислы; и что их заменили склавонцы, которые, несомненно, были там во времена Карла Великого.

Доктор Лэтэм приводит множество фактов и доводов против этой теории. Но не преувеличивает ли он в некоторых моментах свои аргументы?

Должны ли миграции, необходимые для этой теории, быть "беспрецедентно масштабными и быстрыми"?

Что касается "беспрецедентной полноты", на которую он делает большой акцент, то из того факта, что в эвакуированных странах не обнаружено никаких остатков тевтонского населения:

Разве дело в том, что "история говорит нам только о продвижении немецких армий на юг"? Разве мы не находим четыре известных случая - вторжение кимбров и тевтонов в Италию; переход вестготов через Дунай; вторжение в Италию сначала остготов, а затем лангобардов, - когда народы приходили с мужчинами, женщинами и детьми, лошадьми, скотом и собаками, с мешками и поклажей? Разве не таков был обычай этой расы с ее сильным чувством семейных уз; и разве не этим объясняется отсутствие следов их пребывания?

Не слишком ли теория доктора Лэтэма основывается на предположении, что скьявонцы лишили тевтонов собственности силой? И не является ли это предположение его основанием для возражения, что перемещение было осуществлено неправдоподобно "тем разделением европейского населения (славонцев и литовцев), которое в течение исторического периода отступило перед германцами"?

Действительно ли эти миграции, хотя и "не представлены ни в одной истории" (т. е. современны), "не представлены ни в одной традиции"? Разве традиции Йорнанда и Павла Диакона о том, что готы и лангобарды пришли из Скандинавии, не отражают именно этот факт? И разве их следует отбрасывать как ничтожные? Конечно, нет. В мифах такого рода обычно заключено ядро истины, и к ним следует относиться с уважением; ведь часто, после того как все споры о них закончены, оказывается, что они содержат самую суть дела.

Так ли уж странны "феномены замены и замещения" - не скажу, что по популярной теории, но, по крайней мере, по той, что находится на полпути между ней и теорией доктора Лэтэма? А именно:

Что тевтонские расы изначально пришли, как утверждают некоторые из них, из Скандинавии, Дании, Южной Балтики и т.д.

Что они прокладывали себе путь вниз, волна за волной, по линии наименьшего сопротивления - по маршам между галлами, романизированными или иными, и славонцами. А Альпы и сплошной фронт Римской империи повернули их на восток, пока их авангард не оказался на Дунае.

Это согласуется с ценнейшим замечанием доктора Лэтэма о том, что Маркмены, "люди маршей", возможно, были названием многих германских племен, сменявших друг друга.

Что они сражались по мере продвижения со славонцами и другими племенами (как сообщают их традиции) и оттесняли их на восток; и что по мере того, как каждое тевтонское племя проходило по линии, славонцы снова отступали, пока не проходила последняя колонна.

Тевтоны также унесли с собой, в качестве рабов или союзников, часть этого старого славянского населения (с чем, возможно, согласится доктор Лэтэм); и этот факт вызвал перерыв, который постепенно заполнили племена, которые в конечном итоге были немногим лучше кочевников-охотников и занимали (весьма номинально) очень большой участок с небольшим населением.

Разве эта теория не согласуется одновременно и со старыми традициями, и с новыми фактами доктора Лэтэма?

Остается вопрос, который является главным для всех. Что заставило эти германские народы отправиться на юг? Неужели не было причин, достаточных для столь отчаянной решимости?

(1) Все ли они пошли? Разве история Паулуса Диакона о том, что одна треть лангобардов должна была эмигрировать по жребью, а две трети остались дома, не является приблизительным примером того, что обычно происходило - того, что происходит сейчас в наших современных эмиграциях? Разве избыток населения не был изгнан голодом в более теплые и надежные края?

(2) Не является ли тевтонское население Англии, Северной Германии и Прибалтики потомками, сильно перемешанными и с сильно измененными диалектами, той части, которая осталась позади? Таково мнение, как я полагаю, нескольких крупных этнологов. Разве это не так? Если против этого будут выдвинуты филологические возражения, я спрошу (но со всей скромностью): не начались ли эти миграции на юг задолго до времен Тацита? Если это так, то не могли ли они начаться до того, как различные тевтонские диалекты стали столь же отчетливыми, как в исторический период? И стоит ли полагать, что диалекты не менялись во время долгих путешествий через множество народов? Возможно ли, чтобы тервинги и гютунги сохранили на Дунае тот же язык, на котором говорили их предки в родной стране? Разве моэсо-готский язык Ульфиласа не был бы совершенно непонятен готам, которые, по старой теории, остались в шведском Готланде?

(3) Но не было ли более веских причин, чем простая нужда, которые отправили их на юг? Не была ли здесь замешана особая неугомонность расы? Беспокойство не кочевое, а миграционное: возникающее не от безразличия к земле и дому, а от стремления основать дом на новой земле, как и беспокойство нас, их детей? Как только мы встречаем их в исторические времена, они постоянно движутся, мигрируют, вторгаются. Разве не то же самое они делали в доисторические времена, то и дело перемещаясь, несомненно, с периодами возбуждения, упадка и отдыха? Когда мы вспоминаем вторжение норманнов, массовую миграцию крестоносцев на восток, мужчин, женщин и детей, а затем колонизацию тевтонцами всех уголков земного шара, разве есть что-то удивительное в вере в то, что подобные миграционные мании могли охватить старые племена; что дух Водена, "движителя", мог двигать ими и заставлять их идти вперед, как сейчас? Несомненно, теория странная. Но тевтоны были и остаются странным народом; настолько странным, что они покорили - можно почти сказать, что они и есть - все народы, живущие на земном шаре; и поэтому мы можем ожидать от них странных поступков даже в младенчестве.

Римляне видели, как они завоевали империю, и говорили, что это произошло благодаря их превосходной добродетели. Но помимо добродетели, благодаря которой они добились успеха, должна была быть и авантюра, которая заставляла их предпринимать попытки. Они были народом, любящим "авантюрины", как и их потомки; они отправились на их поиски и нашли достаточно и с избытком.

(4) Но, кроме того, разве они никогда не слышали о Риме? Конечно, слышали, причем в очень ранний период существования империи. Мы склонны забывать, что на каждое открытие германцев римлянами, было такое же открытие римлян германцами, и такое, которое могло бы сильно подействовать на их детское воображение. Разве ни один кемпер или тевтон не вернулся после резни, устроенной Марием, чтобы распространить среди племен (хотя его можно было назвать нидерландцем за то, что он вернулся живым) найденную ими прекрасную землю, пригодную для богов Валгаллы; землю солнца, фруктов и вина, где кости его братьев и сестер белеют без присмотра? Разве не хвастался галл из Легиона Жаворонка в пограничной винодельне германскому трапперу, зашедшему продать свои шкурки, что он теперь джентльмен, цивилизованный человек и римлянин, и что он последовал за Юлием Цезарем, царем людей, за Рубикон и дальше в город, подобный которому человеку и не снился, где есть место для всех богов небес? Неужели ни один

пленный трибун из легионов Вара, которого с ужасными криками водили вокруг алтаря Тора в Тевтобургском валу, пока его труп не повесили среди лошадей и коз на первобытных дубах, не обратился к римлянину и не рассказал своим диким похитителям о Вечном городе и о могуществе того Сезара, который отомстит за каждый волос на его голове жизнью германца, и не получил в ответ крики смеха и возгласы: "Вы пришли к нам, и когда-нибудь мы придем к вам?" Ни один комиссар, торгуясь с немцем за скот, который должен быть отправлен через границу в такой-то день недели, и обучая его неправильному переводу тех имен Тора, Водена, Фрейи и так далее, которые они теперь носят, еврейско-ассирийско-римских дней се'ннайт, развлекают простого лесовика, рассказывая ему о том, что улицы Рима были вымощены золотом, и никому не оставалось ничего другого, как есть и мыться за государственный счет, ходить в театр и смотреть на бои 20 000 гладиаторов одновременно? Ни один германский Регул, олдермен или король не приезжал в Рим с посольством и не возвращался с воздетыми глазами и руками, заявляя, что видел неопишущие вещи - "прекрасное ограбление", как говорил Блюхер о Лондоне, и что если бы не стены, то они могли бы получить все это; Ибо не только дамы, но и дворяне ходили в литаврах из серебра и золота и носили марлевые платья, бесстыжие убожества, сквозь которые можно было разглядеть каждую конечность, так что убить их было не страшнее, чем стадо овец: Но что он не видел, как войти в великий город, потому что все это время был более или менее не в себе от спиртного, от диковинной дряни, которую они называли вином? Или ни один пленник, чудом спасшийся от резни в амфитеатре, не вернулся, чтобы рассказать своим соотечественникам, как все остальные погибли как германцы, и призвать их подняться и отомстить за кровь своих братьев? Да, конечно, тевтоны еще во времена Тацита хорошо знали о "миклегарде", великом городе и всей его славе. Каждое новое племя, проходившее по границе Галлии или Норикума, слышало о нем все больше и больше, видело все больше и больше людей, побывавших там. Если слава города оказывала на его жителей опьяняющее влияние, как место всемогущее, сверхчеловеческое, божественное, то она (в преувеличенном виде) оказывала еще более сильное влияние на внешних варваров: и что удивительного, если сначала они устремились на юг в надежде взять могучий город, а затем, когда его реальная сила стала более известна, захватить хотя бы некоторые из этих колониальных городов, которые в их глазах были такими же сверхчеловеческими, как и сам Рим? Во времена крестовых походов дети, приходя в какой-нибудь большой город, спрашивали родителей, не Иерусалим ли это. И, возможно, многие галантные молодые тевтоны, впервые попадая в такие города, как Кельн, Лион или Вена, с полудрожающим шептали своему господину: "Конечно, это должен быть Рим".

Подобные аргументы, несомненно, могут быть приведены в пользу большей миграции, чем доктор Лэтэм склонен допустить: но я должен оставить этот вопрос для людей более глубоких исследований и более широкой образованности, чем те, которыми обладаю я.

ЛЕКЦИЯ III.- ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТОП

"Я взял в руки, - сказал однажды сэр Фрэнсис Дрейк экипажу бессмертного "Пеликана", - то, что я не знаю, как осуществить. Да я даже думать об этом разучился".

Так и я должен сказать о предмете этой лекции. Я хочу дать вам некоторое представление об истории Италии на протяжении почти ста лет, скажем, с 400 по 500 год. Но это очень сложно. Как может человек нарисовать картину того, что не имеет формы, или определить порядок в абсолютном беспорядке? Все это - ужасная "ссора народов", похожая на работу муравьиной кучи, на насекомых, пожирающих друг друга в капле воды. Тевтонские племена, славянские племена, татарские племена, римские генералы, императрицы, епископы, придворные, авантюристы, появляются на мгновение из толпы, тусклые фантомы, не более,

большинство из них с именем, и затем исчезают, доказывая свою человечность только тем, что оставляют после себя еще одно пятно крови.

А что стало с массой людей за это время? С мужчинами, рабами, если не со всеми, которые обрабатывали землю и молотили кукурузу - ведь человек должен был питаться, как тогда, так и сейчас? У нас нет ни малейшего намека. Остается верить, что Бог смилостивился над ними, если не в этом мире, то в мире грядущем. У человека, по крайней мере, ее не было.

Если встать в Риме и посмотреть на север, что можно увидеть на протяжении почти ста лет? Волна за волной поднимаются с севера, земли ночи, чудес и ужасной неизвестности; их видно только тогда, когда свет римской цивилизации освещает их гребни, и они устремляются к Альпам, и перекачиваются через горные перевалы на плодородные равнины внизу. Наконец их становится видно, но слишком хорошо; и вы обнаруживаете, что волны - это живые мужчины, женщины и дети, лошади, собаки и скот, все они с головой бросаются в этот великий водоворот Италии: и все же пропасть никогда не бывает полной. Земля впитывает кровь, кости разлагаются в плодородной почве, имена и память целых племен смываются. А результат иммиграции, которая может исчисляться сотнями тысяч, таков: вся земля пустует.

Лучшие авторитеты, которые я могу вам дать (хотя вы найдете много других у Гиббона), - для основной истории, это Jornandes, De Rebus Geticis. Сам гот, он написал историю своей расы, а также историю Аттилы и его гуннов на хорошей грубой латыни, не лишенной силы и смысла.

Затем Клавдиан, поэт, напыщенный панегирист современных римских негодяев, но полный любопытных фактов, если только на них можно положиться.

Затем ранние книги Прокопия De Bello Gothico и Хроника Зосима.

Сальвиан, Эннодий и Сидоний Аполлинарий, будучи христианами, сообщат вам любопытные подробности, особенно в отношении Южной Франции и Северной Италии; многие подробности первого разграбления Рима с комментариями к ним, выражающими высочайший интеллект того времени, вы найдете в "Письмах" святого Иеронима и "Городе Божьем" святого Августина.

Но если вы хотите, чтобы вам *объяснили* эти ужасные времена, я не думаю, что вы можете сделать лучше, чем взять свои Библии и прочитать Откровения святого Иоанна Апостола. Я не раз буду цитировать их в этой лекции. Я не могу не цитировать их. Эти слова сами собой приходят мне на ум, как более подходящие к фактам, чем любые мои собственные слова.

Я пришел сюда не для того, чтобы толковать Книгу Откровений. Я не понимаю эту книгу. Но, хотя я и не могу истолковать книгу, я могу сказать прямо, что книга истолковала для меня те времена. Ее ужасные метафоры дают мне более живые и точные картины того, что происходило, чем те, которые могут дать достоверные подробности Гиббона.

Вы можете увидеть, если у вас есть духовные глаза, чтобы видеть, Дракона, змея, символ политической хитрости и дьявольской мудрости римлян, дающего власть Зверю, символу грубой силы; беспородных Итиусов и Бонифациев, варваров Стилихосов, Рицимеров и Аспаров и множество подобных авантюристов, единственной силой которых была сила.

Вы можете увидеть мир, удивляющийся зверю и поклоняющийся грубой силе, как единственному, во что осталось верить.

Вы можете увидеть, как народы мира грызут свои языки от боли, хулят Бога, но не раскаиваются в своих поступках.

Вы можете увидеть веру и терпение святых - таких, как Августин, Сальвиан, Епифаний, Северин, Деограций Карфагенский и еще множество других, чьи имена мир никогда не услышит, - соль земли, которая не дала всему этому сгнить.

Вы можете увидеть, как пал Вавилон великий, и все цари и купцы земли оплакивают его вдали и наблюдают дым его мучений.

Вы можете увидеть, как предупреждает святой Иоанн, что после ее падения, если люди будут продолжать поклоняться зверю, а тем более его образу - призраку и тени грубой силы, после того как реальность исчезнет, - они будут пить вино гнева Божьего и будут мучиться вечно. Ибо вы можете видеть, как эти выродившиеся римляне продолжали поклоняться тени грубой силы, и как они мучились вечно; они не имели покоя ни днем, ни ночью, потому что поклонялись зверю и его образу.

Вы можете видеть, как все птицы небесные слетаются на пир великого Бога, чтобы есть плоть царей и капитанов, коней и всадников, рабов и свободных. - Все птицы-карьеристы, как человеческие, так и звериные, все жадные злодеи и авантюристы, весь подлый мир, слетаются сюда, чтобы получить свою долю от туши умирающей империи; как стервятник и ворон слетаются на падаль, когда королевские орлы наедаются досыта.

И наконец, если Бог даст вам благодать, вы сможете увидеть Того, Кто верен и истинен, с именем, которого не знал никто, кроме Него Самого, ведущего войну праведную против всякого зла; восстанавливающего порядок из беспорядка, надежду из отчаяния, свежее здоровье и жизнь из старых болезней и смерти; совершающего справедливый суд над всеми народами земли; и ниспослать с неба город Божий, в свете которого должны ходить народы спасенных, и цари земные должны принести в него свою силу и славу; с деревом жизни посреди него, листья которого должны быть для исцеления народов.

И снова я говорю, что не собираюсь здесь толковать Книгу Откровений; но я говорю, что эта книга толкует для меня те времена.

Оставляя, по крайней мере, на данный момент для лучших историков, чем я, общую тему тевтонских переселений; завоевание Северной Галлии франками, Британии саксами и англами, Бургундии бургундами, Африки вандалами, я буду говорить скорее о тех тевтонских племенах, которые действительно вошли и завоевали Италию; и сначала, конечно, о готах. Особенно интересна их судьба для нас, англичан, ведь они, как говорят, очень близкие родственники нам; по крайней мере, тем ютам, которые завоевали Кент. Как готы, геаты, геты, юты, антиквары находят их в ранние и совершенно мифические времена на Скандинавском полуострове, островах и материковой части Дании.

Говорят, что их название совпадает с именем Верховного существа. Goth, Guth, Yuth означает "война". Бог - это высший воин, Господь воинств и прародитель расы, будь то "герой-эпоним" или верховное божество. Физическая сила была их грубым представлением о Божественной силе, и Тиу, Тив или Тир, который изначально был богом ясного неба, Зевсом или Иовом греков и римлян, в силу своего воинственного характера стал тождественен римскому Марсу, до тех пор, пока римская неделя dies Martis не превратилась в германский вторник.

Пробираясь вниз из Готландии и Ютландии, мы не знаем, почему и когда, отбросив в сторону родственных бургундов и встретившиеся им на пути славянские племена, они в третьем веке

распространились по всему югу России, а на запад - по Дунайским провинциям и Венгрии. Остроготы (восточные готы) лежали от Волги до Бористена, вестготы (западные готы?) - от Бористена до Тейса. За ними стояли гепиды, германское племя, пришедшее с ними на юго-восток, чье имя, как говорят, обозначало людей, которые "остались" позади остальных.

Что это были за люди, сказать трудно, так мало подробностей дошло до нас. Но мы можем представить их как высоких, светловолосых людей, одетых в рубахи и плащи из вышитого льна и гетры, подпоясанные шкурами; их руки и шеи опоясаны золотыми и серебряными кольцами; воины, по крайней мере из высшего сословия, хорошо оседланы, вооружены копьем и тяжелым мечом, в кольчугах и шлемах, украшенных плюмажами, рогами, башнями, драконами, кабанами и другими странными устройствами, которые до сих пор можно увидеть на гербах немецких дворян. Об этом мы можем догадываться, поскольку именно в таком виде их предки или, по крайней мере, родственники, Военные Геаты, появляются в старой великой песне Беовульфа. Их земля, должно быть, обрабатывалась в основном рабами, обычно пленными, захваченными на войне: но благородное таинство кузницы, где изготавливалось оружие и украшения, было почетным ремеслом для знатных людей; а их дамы, как и в средние века, гордились своим мастерством владения иглой и ткацким станком. Их язык счастливо сохранился для нас в переводе Писания Ульфилы. Эти готы, по крайней мере, большая их часть, к тому времени были христианами или почти христианами. Добрый епископ Ульфилас, воспитанный в христианстве и посвященный в сан по приказу Константина Великого, годами трудился над тем, чтобы обратить своих соотечественников от поклонения Тору и Водену. Он перевел для них Библию и создал для этой цели готский алфавит. Однако он благоразумно опустил книги Царей с их историями иудейских войн. Готы, по его мнению, и так слишком любили воевать и "нуждались в этом деле скорее в бите, чем в шпоре". Теперь у него было много новообращенных, некоторые из которых даже перенесли гонения от своих языческих собратьев. Атанарик, "судья" или олдермен тервингов, отправил через лагерь - так гласит история - повозку, в которой везли идола Водена, и сжег вместе с палатками и семьями тех, кто отказался поклоняться.

Ими, как и всеми другими германскими племенами, правили две королевские расы - сыновья Водена и асы. Остроготы были Амалунгами - "небесной" или "безупречной" расой; вестготы - Бальтунгами - "смелой" или "доблестной" расой; от этих двух семей, а также от нескольких других, но все они, как считается, происходят по линии Водена и теперь сильно перемешались, произошли все старые королевские семьи Европы, в том числе и дом Брауншвейгов.

О том, что они не были дикарями, достаточно убедительно свидетельствуют их имена, по крайней мере, имена их вождей. Такие имена, как Аларих, "весь богатый" или "весь могущественный", Атаульф, "отец-помощник", Фридигерн, "добровольный миротворец", и так далее - все имена, которые можно вернуть в их родную форму из романизированных искажений, являются признаками народа, далекого от того варварского состояния, в котором людей называют в честь личных особенностей, природных объектов или полевых зверей. По этому вопросу вы можете ознакомиться со списком тевтонских имен, приведенным в "Муратори", который представляет большой интерес и поучительность.

Они не раз прорывались через римскую границу и брали города. Они вынудили императора Грациана выкупить их. Они построили себе плоскодонные лодки без железа и плавали из Крыма вокруг берегов Черного моря, раз за разом грабя Трапезунд, а в конце концов и сам храм Дианы в Эфесе. Они проникли даже в Грецию и Афины, разграбили Парфенон и угрожали столице. Они сражались с императором Децием, пока его самого и многих его легионеров не утопили в болоте в момент победы. Аврелиан с трудом оттеснил их за Дунай, а

Пробус вместе с аллеманами отгородил их от империи стеной "Теуфельс-Мауэр", протянувшейся от Дуная до Рейна. Их время еще не пришло на сто лет. Но они видели и вкушали прелести солнечного юга и не забывали их среди степей и снегов.

Наконец их постигла тяжкая нужда. Около 350 года среди них был великий король Эрманарик, "могучий воин", сравнимый, по словам Йорнанда, с самим Александром, покорившим все завоеванные племена вокруг. Когда ему было уже за 100 лет, вождь одного из этих племен - роксоланов (угров, согласно доктору Лэтэму; люди Роса, или России) - устроил против него заговор и послал за помощью к новому народу - гуннам, которые только что появились на границах Европы и Азии. Старый Эрманарик разорвал жену изменника на куски дикими конями, но гунны все равно пришли. Волшебный олень, говорили готы, провел новый народ через степи в страну готов, а потом исчез. Они сражались с готами и победили их. Старый Эрманарик закололся от стыда, а сердца готов стали как вода перед бурей народов. По мнению готов, это были сверхъестественные существа, порожденные ведьмами и демонами в степях; свиноглазые отвратительные существа с пирогами вместо лиц, "*offam magis quam faciem*", под шапками из крысиной кожи, вооруженные стрелами с костяными наконечниками и лассо из шнура, ели, торговали, спали верхом, так вросшие в седло, что едва могли ходить в своих огромных сапогах. С ними были акациры, выкрашенные в синий цвет, волосы и кожа; аланы, бредущие со своими повозками, как гунны, вооруженные тяжелыми кирасами из плетеного рога, их кони украшены человеческими скальпами; гелоны, вооруженные косой, закутанные в плащ из человеческой кожи; булгары, которые закалывали пленников - дикари, бесчисленные, как стаи саранчи. Кто мог противостоять им?

В 375 году вестготы спустились к берегу Дуная и умоляли римлян позволить им переправиться. Среди них была христианская партия, преследуемая язычниками и надеявшаяся на защиту Рима. Афанарий поклялся никогда не ступить на римскую землю и, защитившись от гуннов, удалился в леса "Каукаланда". Добрый епископ Ульфилас и его новообращенные с тоской смотрели в сторону христианской империи. Наверняка христиане примут их как братьев, радушно встретят, помогут. Простой германец мечтал о том, чтобы римлянин был даже таким, как они.

Ульфилас отправился с посольством в Антиохию, к императору Валенсу. Валенс, низкого происхождения, жестокий и жадный, был арианом и не мог упустить возможность обратиться в христианство. Он послал богословов встретить Ульфила и пытками склонить его к арианству. Когда Ульфилас прибыл, Валенса сам стал его мучить. Пока готы голодали, он доказывал, что отступничество - непременное условие его помощи, пока Ульфилас в слабый момент не дал слово, что готы должны стать арианами, если Валенса даст им земли на южном берегу Дуная. Тогда они станут людьми императора и будут охранять походы от всех врагов. С тех пор арианство стало вероучением не только готов, но и вандалов, суэвов и почти всех тевтонских племен.

Это был (если верить истории) греховный и глупый договор, к которому доброго человека вынудил вид крайней опасности и несчастья его соотечественников. Вскоре она отомстила и готам, и римлянам.

Самим готам перемены, должно быть, казались не только незначительными, но и незаметными. Не привыкшие к точности мышления, которую Гиббон слишком часто высмеивает как "метафизическую тонкость", они могли знать лишь об изменении нескольких букв в вероучении, написанном на неизвестном языке. Они не могли знать, (как не мог знать и сам Ульфилас, всего через два года после смерти св. Афанасия в Александрии, когда

Никейский Символ веры был принят лишь половиной империи, а он тем временем годами трудился в дунайских дебрях, не зная, возможно, о спорах, которые тем временем сотрясали Церковь) - ни готы, ни он, говорю я, не могли знать, что арианство, которое они приняли, было на самом деле последним и, как бы сказать, апологетическим прибежищем умирающего политеизма; что именно оно, а не католическая вера, отрицало бездонное единство Божества; что, делая Сына ниже Отца в том, что касается Его Божества, оно изобретало двух Богов, большего и меньшего, отрицая тем самым абсолютность, бесконечность, безграничность, не поддающуюся никаким категориям количества, того Единого Вечного, о Котором написано, что Бог есть Дух. Еще меньше они могли предположить, что когда Арий, красивый популярный проповедник (чье имя, возможно, Ульфилас никогда не слышал) спросил прекрасных дам Александрии: "Был ли у вас сын до рождения этого сына?" - "Нет". "Тогда Бог не мог иметь сына до рождения этого сына и т. д." - что он смешивает идею времени с идеей того Вечного Бога, который создал время, и унижает случайности до и после того Безвременного и Вечного Порождения, о котором написано: "Ты Сын Мой, в сей день Я родил Тебя". Еще меньше Ульфилас или его готы могли знать, что естественная человеческая склонность обуславливать Бога временем станет в последующие века, даже спустя долгое время после полного разгрома арианства, родителем многих жестоких, грубых и глупых суеверий. Для них было просто вопросом, были ли Воден, Всеотец, выше одного из своих сыновей, асов: и католическая вера, вероятно, казалась им нечестивым предположением о равенстве одного из асов с самим Воденом.

О битве между арианством и православием я сказал достаточно, чтобы показать вам, что я считаю ее междоусобной битвой между истиной и ложью. Но она уже давно была оценена поединком: успехом того поединка времени, в котором мы должны верить (как наши предки верили во все честные поединки), что Бог защищает право.

Итак, готы должны были переправиться через Дунай, но сдать оружие и выдать своих детей (надо полагать, высокопоставленных) в качестве заложников, чтобы римляне воспитали их как римлян.

Они перешли через роковую реку; переправа длилась целые дни; те, кому было поручено сосчитать их, в отчаянии бросили это занятие; Аммиан говорит: "Тот, кто хочет узнать их число".

*'Libyci velit æquoris idem
Discere quam multæ Zephyro volvuntur arenæ'.*

И когда они прошли, то отдали детей. У них не хватило духу отказаться от любимого оружия. Римские комиссары позволили им сохранить оружие, ценой чести многих готских женщин. Случилось много гадостей, о которых у нас есть только намеки. Затем их нужно было кормить, пока они не смогут возделывать свою землю. Лупицин и Максим, два правителя Фракии, прикарманили средства, которые прислал Валенс, и уморили готов голодом. Рынки были полны падалью и собачьей плотью. Для варваров годилось все. Их ковры с бахромой, красивое постельное белье - все пошло в дело. Немного полезного мяса стоило 10 фунтов серебра. Когда все закончилось, им пришлось продавать своих детей. Устроить работоторговлю красивыми мальчиками и девочками было как раз тем, чего хотели злые римляне.

Наконец наступил конец. Они начали подниматься. Фридригерн, их король, не давал им покоя, пока не настало время для мести. Римляне, пытаясь сдержать вестготов, так запутались, что, похоже, позволили всему народу восточных готов (о которых мы еще

услышим в дальнейшем) переправиться через Дунай и обосноваться на севере нынешней Турции, к востоку от вестготов.

Затем в Марцианополисе, столице Нижней Моезии, Лупицин пригласил Фридигерна и его вождей на пир. Голодающим готам снаружи отказали в припасах с рынка, и они вступили в драку со стражниками. Полупьяный Лупицин услышал об этом и отдал приказ о резне. Фридигерн выбежал из дворца с мечом в руке. Тлеющие угли вспыхнули, раздался боевой клич, и злодей Лупицин бежал, спасая свою жизнь.

Затем началась война к югу от Дуная. Римские легионы были разбиты готами, которые вооружились оружием мертвых. Огнем и мечом была охвачена Моезия. Адрианополь был атакован, но тщетно. Рабы на золотых рудниках были освобождены от страданий и показали готам горные проходы и запасы зерна. По мере продвижения готы возвращали своих детей. Бедняжки рассказывали страшные истории, а готы, обезумев, мстили римлянам всех возрастов и полов. Они не оставляли, - говорит святой Иероним, - ничего живого, даже полевых зверей; пока не осталось ничего, кроме растущих зарослей и густых лесов".

Валенс, император, находился в Антиохии. Теперь он спешил в Константинополь, но слишком поздно. Восточные готы присоединились к западным, а к конфедерации Фридигерна присоединились полчища гуннов, аланов и тайфалов (отвратительных дикарей, о которых мы не знаем ничего, кроме зла).

Грациан, коллега и племянник Валенса, сын Валентиниана Медвежьего, только что одержал великую победу над аллеманнами при Кольмаре в Эльзасе, и Валенс ревновал его к славе. Говорят, что он был добродетельным юношей, но его мономания привела к стрельбе. Он полюбил диких аланов, несмотря на их конские скальпы, просто за их умение стрелять из лука; сформировал из них телохранителей и проводил с ними время на охоте вокруг Парижа. Тем не менее, эту великую победу он одержал, судя по всему, с помощью некоего графа Рицимера ("вечно могущественного"), графа Доместика, чье имя провозглашает его германцем.

Валенса ревновал к славе Грациана; его уязвляли упреки константинопольской толпы; он недооценивал готов из-за некоторых успехов своих лейтенантов, которые вернули большую часть захваченной ими добычи и полностью разгромили поганных тайфалов, переправив их в земли около Модены и Пармы в Италии. Он отверг совет графа Рицимера подождать, пока Грациан подкрепит его победоносными западными легионами, и решил дать сражение в нескольких милях от Адрианополя. Если бы он дождался Грациана, история всего мира могла бы сложиться иначе.

Ибо девятого августа 378 года н. э., в роковой день, во время второй Канны, от которой Рим так и не оправился, как от первой, молодой мир и старый мир встретились и сразились, и молодой мир победил. Легкая римская кавалерия бежала перед длинными копьями и тяжелыми мечами германских рыцарей. Рыцари бросились на пехоту, разбили ее, выслеживали, нанося удар за ударом, и оставили пехотинцев доделывать работу.

Две трети римской армии были уничтожены; четыре графа империи; генералы и офицеры без числа. Валенс бежал, раненый, в коттедж. Готы подожгли его и сожгли в нем его самого и его посох, не зная, что в их руках находится император Рима. Воистину, есть Бог, который судит землю.

Так думали католики того времени, которые видели в страшной смерти Валенса наказание за то, что он заставил готов стать арианами. "Было справедливо, - говорит один из них, - чтобы

он сгорел на земле, по чьим советам столько варваров будут вечно гореть в аду". В поведении римлян по отношению к готам есть (как я уже показывал) и более мрачные моменты; их достаточно (если верить Библии), чтобы обрушить на виновных быстрые и страшные суды Божьи.

По крайней мере, это была вторая Канна, смертельная рана Рима. С этого дня конец был определен, пусть и медленный. Тевтон наконец-то испытал свои силы против римлянина. Дикий лесной ребенок внезапно оказался в смертельной схватке с чародеем, которого он так долго боялся и почти боготворил; и вот, к его собственному удивлению, он уже не ребенок, а вырос в мужчину, причем более сильного, если не более хитрого из них двоих. На него было наложено заклятие: "Romani nominis umbra". Но с того дня чары были сняты. Перед ним стоял римский император, божество Сезар, человек-бог, чьей головой клялись все народы, богатый волшебным богатством, мудрый волшебной хитростью, веками стяжавший сверхчеловеческую славу; и он убил его, и вот он умер, как другие люди. Так он и поступил. Что же оставалось ему теперь, чего он не мог сделать?

Он был сильнее, но еще не хитрее. Готы больше ничего не могли сделать. Им пришлось оставить позади Адрианополь с императорскими сокровищами в его стенах; с детским удивлением смотреть на Босфор и его дворцы; с трепетом отшатываться от "длинных стен" Константинополя и огромных камней, которые их двигатели бросали в них с помощью "арсметрики и нигромантии", как считали их потомки о римских механиках даже через пятьсот лет; услышать (не имея возможности отомстить) ужасную весть о том, что готские юноши, распределенные по всей Азии для получения образования как римляне, были заманиваемы в города обещаниями земель и почестей, а затем хладнокровно истреблены; а затем поселиться, оставив своих детей без присмотра, на двадцать лет на богатой земле, которую мы теперь называем Турцией в Европе, ожидая, пока придет время.

Ждать, говорю я, пока не придет время. Мысль о том, что Рим, если не Константинополь, может быть наконец взят, вероятно, никогда не покидала умы ведущих готов после битвы при Адрианополе. Изменившаяся политика Сезаров сама по себе была достаточна, чтобы поддерживать эту идею. Новый император не только не изгнал их из захваченной ими страны, но и начал льстить и почитать их.

До этого их считали дикарями, которых нужно было либо оттеснить основной силой, либо склонить к вступлению в ряды римлян. Феодосий рассматривал их как народ, и в его интересах было нанимать, доверять, потакать за счет своих римских подданных.

Феодосий получил фамилию Великий как бы в сравнении; "Inter sæcos luscus rex"; и для римского императора в те времена было очень почетно быть не грубияном и не злодеем, а красивым, воспитанным, обходительным джентльменом, чистым в быту, ортодоксальным христианином и достаточно послушным Церкви, чтобы простить монахов, сжегших еврейскую синагогу, и покаяться в Миланском соборе за резню в Фессалонике. Нравы в империи (если верить Зосиму) становились все более женственными, развращенными, безрассудными; солдаты (если верить Вегетию) с царского разрешения снимали шлемы и кирасы, как слишком тяжелые для их дегенеративных тел; что римская тяжелая пехота, покорившая весь мир, прекратила свое существование, а ее место заняла тевтонская тяжелая кавалерия, которая решала все битвы в Европе, пока английский йомен в Креси и Пуатье не изменил баланс вооружений в пользу пеших воинов; что готы стали "fœderati" или союзниками Империи, которым платили за сражения с Максимом Испанцем и Арбогастом Франком, мятежниками, которые после убийства молодого Грациана попытались создать отдельную империю на западе; что вандал Стилихо был верным другом императора и

мастером коня; что Аларих Балтский и другие знатные готы учились сочетать со своей родной храбростью те римские приемы, которые были им необходимы, чтобы стать хозяевами мира; что во всех городах, даже в королевском дворце, огромный гот щеголял в римском костюме, его шея и руки были увешаны золотыми торками и браслетами; или даже (как в случае Фравитты и Приульфа) безнаказанно колол своего врага за императорским столом; что κίεiv το Σκυθικόν, беспокоить готов, было смертельным преступлением во всей империи: Все это не помешало воздвигнуть тысячу новых статуй в честь великого Сезара и вызвало лишь ворчание бессильной ревности у народа, чьей максимой стало: "Давайте есть и пить, ведь завтра мы умрем".'

Три анекдота в достаточной степени проиллюстрируют политику Феодосия по отношению к неудобным гостям. В начале своего правления, когда готы после смерти великого Фридигерна были разбиты и ссорились между собой, он склонил королевского амала, Модара по имени, к титулу генерального магистра, чтобы тот напал на соперничающее племя готов и зарубил их во сне, а огромную добычу унес с собой в императорский лагерь. Уничтожение германцев германцами было настолько старым методом римской политики, что не считалось унижительным для "величия" Феодосия.

Старый Афанарий, Тервинг, который поклялся никогда не ступить на римскую землю и сжигал всех, кто не падал ниц и не поклонялся повозке Водена, пришел через Дунай, из лесов Каукаланда, и встал во главе готов. Великий Сезар трепетал перед языческим героем; и они заключили мир; и старый Афанарий отправился к нему в Константинополь, и они стали друзьями. И ослепительный блеск римского имени пал на старика, который был уже слишком слаб, чтобы сражаться; и когда он, говорит Иорнанд, посмотрел на город, на флоты кораблей, на всемирно известные стены и на людей из всех народов земли, он сказал: "Теперь я вижу то, о чем мне часто рассказывали, но во что я никогда не верил. Кайзер - Бог на земле, и тот, кто поднимет на него руку, повинен в собственной крови". Старый герой умер в Константинополе, и добродушный император устроил ему пышные похороны и поставил статую, и так восхитил простых готов, что весь народ телесно поступил к нему на службу и стал людьми императора.

Знаменитая резня в Фессалониках и раскаяние Феодосия, увековеченное карандашом Вандика, - еще один показательный пример взаимоотношений между готами и римлянами. Некий Ботерик (вандал или другой тевтон по имени) был военным комендантом этого важного поста. Он посадил в тюрьму популярного возницу цирка за преступление, для которого тевтонский язык вынужден был заимствовать иностранное название и которое тевтоны, как и мы, карали смертью, хотя оно безнаказанно совершалось в любом римском городе. Во время публичных игр толпа, не имеющая права голоса, требовала освобождения своего любимца, но, не получив его, поднялась на Ботерика, убила его и его офицеров и протащила их трупы по улицам.

Это было действительно κίεiv το Σκυθικόν; и Феодосий, отчасти в искреннем негодовании, отчасти, возможно, опасаясь последствий, издал приказ из Милана, который, похоже, был равносителен разрешению готам отомстить за себя. Население, как обычно, пригласили на игры в цирк, и оно толпилось там, забыв о своем преступлении, не обращая внимания на опасность, поглощенное одной жадностью легкомысленного, а то и греховного удовольствия. Готские войска, скрытые вокруг, вошли внутрь, и тогда началось "убийство мрачное и великое". Три часа длилось оно. Погибли или, как говорят, погибли люди всех возрастов и полов, невинные и виновные, местные жители и иностранцы, по меньшей мере 7 000 человек; и душа Ботерика имела "хорошую компанию на пути в Валгаллу".

Готы, несомненно, считали, что совершают акт общественного правосудия над злодеями: но епископы Церкви смотрели на это дело с другой стороны. Обстоятельства предательства, смешение невинных с виновными, отсутствие судебного разбирательства и вынесения приговора пробудили в них чувство гуманности и справедливости. Преступление усугублялось тем, что жертвы были римлянами и ортодоксами, а убийцы - варварами и арианами; святой Амвросий с благородным мужеством остановил императора у дверей миланской базилики и запретил ему входить, пока он не искупит роковой приказ публичным покаянием. Цезарь благородно подчинился благородному требованию, и покаяние Феодосия - последняя сцена в нисходящей карьере Цезарей, которая может вызвать чувство восхищения и уважения.

В январе 395 года Феодосий умер, а за ним последовал потоп.

Империя была разделена между двумя его никчемными сыновьями. Запад достался Гонорию, восток - Аркадию, а настоящим хозяином империи стал Стилихон Вандал, чьи добродетели, доблесть и могучий рост воспеты (и небезосновательно) в напыщенных стихах Клавдиана. О последовавшей за этим смуте, об убийстве (вполне заслуженном) Руфина, позорного министра, чье благочестивое лицемерие так долго обманывало Феодосия, о восстании и зверствах Гильдо в Африке вы должны прочитать на страницах Гиббона. Сейчас же эти лекции ограничиваются историей готов.

В январе 395 года, как я уже говорил, умер Феодосий. Еще до конца зимы готы были вооружены, а во главе их стоял Аларих Балтский. Им было отказано, по крайней мере на время, в выплате обычной субсидии. Ему было отказано в командовании римскими войсками. Любой предлог был достаточным. Плод созрел для срывания. Вековые обиды должны были быть отомщены. Другие племена перешли Дунай по льду и присоединились к готам, и могучая рать пронеслась по Греции, без сопротивления прошла Фермопилы, разграбила Афины (где Аларих наслаждался греческой баней и общественным пиром и пытался хоть день вести себя как римский джентльмен), разграбила Коринф, Аргос, Спарту, все города и деревни, расположенные далеко и широко, и унесла с собой неоценимую добычу и войска пленных женщин.

Стилихон бросился в Пелопоннес у Коринфа, чтобы отрезать готфов, но после тяжелых боев Аларих, который, похоже, был действительно великим полководцем, перехитрил его, переплыл Коринфский залив у Риума со всей добычей и пленниками и благополучно скрылся в Северной Греции.

Там Аркадий, напуганный император Востока, наказал его за опустошение Греции, назначив генерал-магистром той самой страны, которую он опустошил. Конец был очень близок. Готы подняли его на щит и провозгласили королем вестготов; и вот он остался где-то у истоков Адриатики, застыв, как орел в воздухе, наблюдая за Римом с одной стороны и Византией с другой, не зная, на какую добычу ему опуститься.

Он принял решение в пользу Рима. Он будет тем человеком, который, наконец, совершит подвиг. Была сага, в которую он верил. Клавдиан передает ее гекзаметром,

"Alpibus Italiæ ruptis penetrabis ad urbem".

Да, он возьмет Город и отомстит за предательство Валенса и все обиды, которые тевтоны терпели от римлян вот уже четыре столетия. И он сделал это.

Но не с первого раза. Он пронесся через Альпы. Гонорий бежал в Асту, и Аларих осадил его там. На помощь пришел верный Стилихон, и Аларих был доведен до крайности. Его воины

советовали ему отступить. Нет, он должен взять Рим или умереть. Но в Поллентии Стилихон застал его врасплох, когда он со своими готами праздновал Пасхальное воскресенье, и последовало страшное сражение. Римляне ворвались в его лагерь, забрали греческие трофеи и увезли его жену, украшенную драгоценностями, в которых она собиралась войти в Рим. Хотелось бы знать, что с ней стало.

По крайней мере, так утверждают римляне: готы рассказывают совсем другую историю; и возникает подозрение, что Поллентия может быть еще одной из тех великолепных бумажных побед, в которых тевтоны были полностью истреблены, а затем восстали из земли, кажушиеся более сильными и многочисленными, чем когда-либо. По крайней мере, вместо того чтобы повернуть голову к Альпам, он двинулся к Риму. Стилихон не решился вступить с ним в бой и откупился от него. Он повернул на север, в Галлию, и в Вероне Стилихо получил преимущество, сразился с ним еще раз и, если верить Розино и Клавдиану, снова победил его. "Тасео де Аларико, победа, победа, победа, концовка, *semperque dimisso*". Поймать орла в ловушку - нелегкая работа, - говорит кто-то. Когда поймаешь его, то очень часто самое безопасное - это отпустить его снова".

Тем временем в Италию, вплоть до Флоренции (неважный эпизод в те страшные дни), хлынула очередная волна немецких захватчиков под командованием Радогаста, численностью 200 000 человек. Под стенами Флоренции они сели и погибли от вина, жары и дизентерии. Как вода, они вливались в город, как вода, они погружались в землю: и в каждом из них была человеческая душа.

Стилихон и Гонорий отправились в Рим и отпраздновали свой триумф над готами, устроив (в последний раз в истории) гладиаторские состязания. Прошло три года, и вот Стилихон был должным образом вознагражден за спасение Рима, как и положено каждому великому варвару, который был достаточно глуп, чтобы помочь вероломному римлянину, а именно - убит.

Аларих мгновенно поднялся, а вместе с ним и все готские племена. Он прошел через всю Италию, почти не нанеся ни одного удара. Равенну, печально известную, по словам Сидония, своей распущенностью, где находился двор императора, он миновал с презрением и сел перед стенами Рима. Он не пытался штурмовать его. Вероятно, он не смог бы. У него не было таких машин, как те, с помощью которых римляне громили стены. Он сидел тихо, он и его готы, "как волки вокруг умирающего буйвола", ожидая, пока римляне внутри проголодаются и умрут. Они действительно голодали и умирали; люди убивали друг друга ради еды; матери ели собственных младенцев; но они отправляли посольства, хвастаясь своей силой и численностью. Аларих рассмеялся: "Чем толще сено, тем легче его косить". На какие условия он согласен? Все ваше золото, все ваше серебро, лучшие из ваших драгоценностей. Всех ваших рабов-варваров". Последнее очень важно. Он отдаст свою собственную плоть и кровь. Тевтон должен быть свободен. Тролли больше не должны утаскивать детей леса в свое проклятое логово. Что же ты нам оставишь? Свои жизни.

Они выкупили его причудливым выкупом: 5000 фунтов золота, 30 000 серебра, 4000 одежд из шелка, 3000 кусков алой ткани и 3000 фунтов перца и всевозможных пряностей. Золото, и украшения, и специи - подарки, подходящие для детей, какими и были эти готы.

Кроме того, он вызволил из злого места 40 000 тевтонских рабов и включил их в свою армию. Теперь у него было 100 000 воинов. Почему он не стал королем Италии? Неужели его трусило благоговение перед этим местом, престиж римского имени? Он трусил перед

каждым из тевтонских захватчиков подряд. Сделать себя императорами Рима - вот о чем они не смели и мечтать. Как бы то ни было, он просил лишь о том, чтобы его приняли как своего рода вассала императора. Генерал-магистр Италии, субсидии для его армии, независимое командование в Тироле, откуда он прибыл, - вот что он требовал.

Преисполненные самодовольства, римляне отказали ему. Они не хотели слушать никаких условий. Они были настроены совершенно по-китайски. Спустя столетия вы найдете Византийскую империю в таком же настроении; ослепленные нынешней слабостью традициями силы своих предков. Они поклонялись зверю. Теперь, когда остался только его образ, они поклонялись и ему.

Аларих захватил Остию и лишил их снабжения. Они попытались умиротворить его, свергнув Гонория и поставив какую-то марионетку Аттала. Аларих уличил его в заговоре или сказал, что он это сделал, и публично унизил его в Римини перед всей своей армией. Он снова предложил мир. Обезумевшие римляне провозгласили, что его вина навсегда лишает его милосердия империи.

Тогда наступил конец. Он двинулся на Рим. Саларианские ворота были распахнуты в полночь, вероятно, находившимися внутри германскими рабами; и затем в течение пяти ужасных дней и ночей нечестивый город в агонии расплачивался за грехи веков.

И вот, наконец, клад Нибелунгов был завоеван.

И цари земные, жившие с нею в ласке, и купцы земные, разбогатевшие от нее, оплакивали ее, стоя вдали от страха мучений ее и восклицая: "Увы, увy, великий Вавилон! ибо в один час пришел суд твой".

В этих словах святой Иоанн переходит из области символов в область буквального описания. Великий ужас охватил все народы, когда пришло известие. Рим взят? Несомненно, близился конец всего сущего. Несчастные беглецы устремились в Египет и Сирию, особенно в Иерусалим; возможно, с суеверной надеждой, что гробница Христа или даже сам Христос могут спасти их.

Святой Иероним, видя, как патриции и женщины, прожившие жизнь в роскоши, изо дня в день выпрашивают хлеб в его вифлеемском скиту, писал о падении Рима как изумленный человек.

Святой Августин в Гиппо мог смотреть на это только как на конец всей человеческой власти и славы, возможно, и самой земли. Вавилон великий пал, и теперь Христос придет на облаках небесных, чтобы установить город Божий навеки. В этих размышлениях он написал свою книгу *De Civitate Dei*. Прочтите ее, господа - особенно те, кто собирается стать священниками, - не только ради подробностей падения Рима, но и как самую благородную теодицею, которая когда-либо исходила из-под пера человека.

Следуя за длинными поездами пленников, за длинными повозками с добычей всего мира, Аларих шел на юг, "с исконным инстинктом варвара", как хорошо сказал доктор Шеппард. Всегда в сторону солнца. Прочь от Муспельхейма и темного холодного севера, к солнцу и Валгалле, где Один и асы обитают в вечном свете.

Он попытался переправиться в Сицилию, но буря разбила его лодки, а готы боялись моря. Через некоторое время он умер. И дикие люди устроили по нему великий траур. Теперь у них не осталось никакого плана; не было у них сердца, чтобы отправиться на юг и искать Одина

за морем. Но в одном они были уверены: римляне не должны выкапывать Алариха из кургана и развеивать его кости по ветру.

Поэтому они не стали ставить курган над великим королем, а под стенами Козенцы повернули русло реки и в этом русле посадили Алариха, вооруженного и увешанного оружием, на коня, с золотом, драгоценностями, оружием и, возможно, пленными юношами и девушками, чтобы он вошел в Валгаллу с королевской пышностью и достойно предстал среди героев в зале Одина. А потом они повернули реку обратно в ее русло и убили рабов, которые выполняли эту работу, чтобы никто не знал, где лежит Аларих, и никто не знает до сих пор.

Как я уже сказал, теперь у них не оставалось никакого плана. Два года они оставались в Кампании, грелись в виллах и садах, пили вино, а потом снова устремились на север, никто не знает почему. У них не было желания оседать, как они могли бы сделать. Они следовали какому-то божьему инстинкту, который мы сейчас не можем разгадать. Атаульф, родственник Алариха, женился на Плацидии, прекрасной молодой сестре императора, и принял от него некое поручение сражаться с его врагами в Галлии. Так они отправились на юг Галлии, а затем в Испанию, сокрушая перед собой аланов, суэвов и вандалов и ссорясь между собой. Атаульф был убит, и все его дети; Плацидия была посрамлена. Тогда она отомстила. Для меня это не столько ужасно, сколько жалко. Им достался клад Нибелунгов, а вместе с ним и проклятие Нибелунгов.

Через сто лет после этого, когда франки разграбили готический дворец в Нарбонне, они нашли его остатки. Вещи неоценимые, неопишуемые; столы из цельного изумруда; требник, блюдо весом 2500 фунтов, усыпанное всеми драгоценными камнями Индии. Они были в храме Соломона, думали простые франки - и действительно, некоторые из них вполне могли быть такими. Наконец арабы получили большой изумрудный стол с тремя рядами огромных жемчужин. Где они теперь? Что стало с сокровищами Рима, господи? Помните, что драгоценности практически не поддаются разрушению; помните также, что время от времени огромные количества драгоценностей закапывались, а их местонахождение забывалось. Возможно, будущие поколения обнаружат множество таких кладов. Между тем, многие из тех же драгоценностей, должно быть, используются и сейчас. Многие драгоценные камни, которые сейчас висят на запястье английской леди, видели, как Аларих разграбил Рим, и видели до и после этого... А что? Дворцы фараонов или Дария, потом пышность Птолемеев или Селевкидов - они попадали в Европу на шею вульгарной пьяной жены римского проконсула, чтобы несколько веков сверкать на каждой бойне гладиаторов в амфитеатре; Затем она уехала с Плацидией на готической повозке, чтобы попасть в арабский сераль в Севилье; а потом, возможно, вернулась от султана к султану в родную Индию, чтобы фигурировать в павлиньем троне Великого Могола, и наконец была куплена каким-нибудь армянином за несколько рупий у английского солдата, и пришла - и куда дальше? Когда Англия станет тем, чем сейчас являются Александрия и Рим, этот маленький камень будет сиять так же ярко, как и прежде... Ужасный символ, если хотите, неизменности Божьих дел и Божьих законов среди диких случайностей и перемен грешного человека.

Затем последовали годы мира в Риме - такого мира, какой создают себе нечестивцы, - беспокойное море, вздымающее трясину и грязь. Порочные женщины, порочные графы (можно сказать, мэры дворца), такие как Аэций и Бонифаций, реальные правители номинальной империи.

Марионетка Валентиниан сменил своего отца, марионетку Гонория. В его дни появилось еще одно великое знамение - еще одна комета, вылетевшая из бесконечного пространства и

снова вернувшаяся в бесконечное пространство, - Аттила и его гунны. Неисчислимыми полчищами лежали они на Дунае, пока Гонория, сестра Валентиниана, заточенная в монастырь в Константинополе за распутство, не послала Аттиле свой перстень. Он должен стать ее защитником и освободить ее. Он, как и Аларих до него, долго раздумывал, на кого броситься - на Константинополь или на Рим, и наконец решился на Рим. Но сначала он хотел испытать Галлию; и он двинулся в Галлию со всеми своими татарскими полчищами, а с ними и со всеми тевтонскими племенами, которые собирались на его пути, как лавина собирает снег на своем пути. В великой битве при Шалоне, в 451 году, он сразился с ними: гунны, славяне, татары и финны, поддерживаемые тевтонцами Гепидом и Герулом, тюрклингами, восточными готами и лангобардами, против римлян и западных готов, франков и бургундов, а также бретонцев Арморик. Злой Аэций показал себя в тот день, как всегда, полководцем и героем - Мальборо своего времени - и победил. Аттила со своими полчищами двинулся на восток, в Италию, к Риму.

Это и есть гуннская битва; "битва", как называет ее Йорнандес, "atrox, multiplex, immane, pertinax". Античность, говорит он, не знает ничего подобного. Ни один человек, потерявший это зрелище, не мог сказать, что видел что-то стоящее... Гигантская битва, сверхъестественная по масштабам и ужасу, и легенды, которые до сих пор витают вокруг этого места. Вы можете увидеть одну из них в бессмертном замысле фон Каульбаха - призраки гуннов и призраки германцев поднимаются из могил в ночь битвы каждого года, чтобы снова сразиться с ними в облаках, а страна далеко-далеко дрожит от их призрачного "ура". Неудивительно, что люди помнят эту гуннскую битву. Многие считают, что она спасла Европу, что это была одна из решающих битв мира.

Не то чтобы Аттила был уничтожен. В течение года он пронесся по Германии, перешел Альпы и опустошил Италию почти до стен Рима. И там великий папа Лев, "Цицерон проповеди, Гомер теологии, Аристотель истинной философии", встретил дикого язычника: и священный ужас обрушился на Аттилу, и он повернулся, и пошел своей дорогой, чтобы умереть через год или два, как никто не знает. Помимо бесчисленных жен, он взял себе прекрасную германскую девушку. Когда утром пришли его люди, девушка сидела и плакала, или казалось, что плакала, а Этцель, бич Божий, лежал мертвый в луже крови. Она сказала, что у него лопнул кровеносный сосуд. Тевтоны шептались между собой, что она, как свободнорожденная тевтонка, убила своего тирана. Хотелось бы знать, что с ней стало.

И тут орда расступилась. Ардарих поднял тевтонов-гепидов и остготов. Тевтоны, покорившиеся Аттиле, ополчились на своих татарских завоевателей - единственный народ, который когда-либо покорял германцев, да и то лишь грубой силой, превосходящей численность. У Нетата, на великой равнине между Дравой и Дунаем, они сразились во второй гуннской битве, и германцы победили. Тридцать тысяч гуннов пали в тот страшный день, а остальные устремились в сердце Азии, в бесконечные неведомые пустыни, откуда вырвались эти злодеи и оставили тевтонов хозяевами мира. Битва при Нетате, а не Шалон, на мой взгляд, стала спасительной для Европы.

Рим был спасен, но лишь на несколько лет. Марионетка Валентиниан вознаграждал Аэция за спасение Рима, зарезав собственной рукой в собственном дворце героя Шалона, а затем продолжил наполнять чашу своего беззакония. Все это больше похоже на жуткий роман, чем на трезвую историю. Пренебрегая собственной женой Евдоксией, он вбил себе в голову изнасиловать ее близкую подругу, жену сенатора. Максимус заколол его, отомстил прекрасной императрице и сделал себя императором. Она послала через моря в Африку, к Генсерiku Вандалу, жестокому тирану и гонителю. Он должен прийти и стать ее защитником, как Аттила был защитником Онории. И он пришел, с вандалами, маврами, голыми

авсурийцами с Атласа. Несчастные римляне в ужасе разорвали Максима на куски, но было уже поздно. Евдоксия встретила Гензериха у ворот в королевских одеждах и драгоценностях. Он лишил ее драгоценностей на месте и разграбил Рим; такова была ее награда.

Это второе разграбление. Более страшный, чем первый - 455 год. Именно тогда статуи, фрагменты которых находят до сих пор, были напрасно сброшены на нападавших варваров. Не только золото и драгоценности, но и сокровища искусства Рима были унесены вандальским флотом, а вместе с ними золотой стол и семисвечник, которые Тит забрал из Иерусалимского храма.

Как эти вещи ускользнули от готов за сорок лет до этого? Мы не можем сказать. Возможно, готское разграбление, длившееся всего пять дней, было менее полным, чем это, продолжавшееся четырнадцать дней неописуемых ужасов. На этот раз грабителями были не крепкие честные готы, не германские рабы, обезумевшие от мести своим хозяевам: это были мавры, чернокожие дикари из Авсурии, а также все пираты и головорезы Средиземноморья.

Шестьдесят тысяч пленников были уведены в Карфаген. Все статуи потерпели крушение во время плавания в Африку и были потеряны навсегда.

И все же Рим не умер. Он продолжал существовать; его император по-прежнему называл себя императором, его сенат - сенатом; Она кормила свой ленивый плебс, как могла, остатками тех доходов, которые прежние императоры откладывали на их содержание - их общественным хлебом, общественной свининой, общественным маслом, общественным вином, общественными банями, - и оставляла их играть в азартные игры и ссориться, слушать адвокатов в лохмотьях и плутовстве, подниматься и убивать правителя за правителем, благодетеля за благодетелем, из подлой зависти и страха перед любым, кто менее подл, чем они сами. И так "дым ее мучений поднимался непрестанно".

Но если Рим не умер, то тем более не раскаялся; как сказано: "Остаток народа не раскаялся в делах своих, но грыз языки свои от боли и хулил Бога небесного".

По мере того как длится век, путаница становится все более ужасающей. Антемий, Олибрий, Орест и другие полукастовые римляне с греческими именами, которые становятся квазиимператорами и убиваются; Рицимер Суэвский, цареубийца и цареубийца; даже добрый Майориан, который в качестве марионеточного императора, поставленного Рицимером, пытается принять несколько приличных законов, но тем быстрее его убивают. Все это не должно нас задерживать. Они ничего не значат, они не представляют никакой идеи, они просто коршуны и вороны, ссорящиеся над тушей, и не могут научить нас ничему, кроме страшного урока, что во всех революциях худшие люди обязательно поднимаются на вершину.

Но только на время, господа, только на время. Злодейство по своей сути саморазрушительно, и если у жуликов есть свой день, то приходит время, когда жулики отпадают, а честные люди приходят сами.

Однако этот день для несчастного Рима так и не наступил. В третий раз ее разграбил Рицимер, ее собственный полководец; затем ею правили еще большие злодеи; еще больше коршунов и воронов разграбили ее. Последний из них лишь ненадолго задержал нас. Он - Одоакер, великан Герул, Гуд-и-Вакер, как, по некоторым данным, его зовут на самом деле; возможно, это субрикет от его боевого клича: "Держись крепко", "Стой твердо". Его отцом был Айдекон, секретарь Атилы, вождь маленького племени тюрклингов, которое, хотя и

было тевтонским, преданно держалось за сыновей Аттилы, но после битвы при Нетаве пришло в упадок. Об Одоакере ходят странные истории. Одна из них - из Жития святого Северина: как Одоакер и его братья отправились через Альпы с рюкзаками на спине, чтобы искать счастья в Италии и поступить на службу к римлянам; как они пришли в келью святого Северина под Веной и вошли туда, язычники, чтобы получить благословение от святого отшельника; и как Одоакеру пришлось опуститься и стоять, настолько он был огромен. И как святой увидел, что он не простой парень, и сказал: "Иди в Италию, одетый в свои потрепанные овечьи шкуры: скоро ты дашь больше подарков своим друзьям". И он пошел, и брат его с ним. Один из них, по крайней мере, должен нас заинтересовать. Это Онульф, Хунвульф, Вульф, Гельф, Волчонок, который отправился в Константинополь, видел странные вещи, делал странные вещи и, наконец, вернулся в Германию, поселился в Баварии и стал предком всех Гельфов, а также Виктории, королевы Англии. Его сын, Вульфганг, сражался под началом Белизария с готами; его сын, Ульганг, снова сражался под началом Белизария с персами и лангобардами; его сын или внук был доверенным лицом королевы Брунгильды во Франции и стал герцогом Бургундии; после этого судьбы его семьи смешались с королями Меровингов во Франции, а затем с лангобардами в Италии, пока один из них не появился как Гельф, граф Альторф, предок нашей линии Гельфов.

Но вернемся к Одоакеру. Он приехал в Рим в поисках своей судьбы. Там он нашел власть Ореста, старого соратника своего отца при дворе Аттилы, самого беспринципного воротилу своего времени; тот был человеком императора, потом Аттилы и, если понадобится, стал бы человеком кого угодно; но теперь он был сам себе хозяин, пока что царь и отец марионеточного императора Ромула Августула, хорошенького мальчугана со зловещим именем.

Одоакр поступил на службу к Оресту в телохранители, стал великим воином и популярен, следил за временем, а когда Орест отказал наемникам, герулам, ругиям, скирингам, турклинам и аланам - всем слабым или полукастовым пограничным племенам, которые еще мало или совсем не имели доли в добыче Италии, - в требовании трети италийских земель, он предал своего благодетеля; пообещал наемникам сделать для них то, что не смог сделать Орест, и собрал свой знаменитый отряд конфедератов. В конце концов он назвал себя Царем народов, сжег Павию и убил Ореста в награду за оказанные услуги. Лишенный пурпура, последний император Рима с плачем пал на колени у ног германского великана и умолял не быть убитым, как его отец. И жестокое сердце великого дикого зверя поразило его, и он отослал бедного мальчишку прочь, чтобы тот жил в богатстве и покое на вилле Лукулла в Мизенуме, с большим количеством денег, женщин и драгоценностей, и мечтал о своей глупой жизни, глядя на прекрасный залив Неаполя - последнего императора Рима.

Затем Одоакер приступил к работе, и не совсем плохой. Он отдал своим единомышленникам треть Италии в ленное владение и в течение четырнадцати лет (не без помощи еще нескольких убийств) поддерживал в этой несчастной стране некое подобие грубого порядка и справедливости. Запомните его, ибо, каким бы плохим человеком он ни был, он представляет собой некий принцип. Он положил начало феодальной системе в Италии, подарив земли своим солдатам. Я не хочу сказать, что он ее изобрел. Скорее, это первобытная германская форма, такая же древняя, как во времена Тацита, который описывает, если вы помните, германских королей-воевод, как они делили завоеванные земли между своими "комитами", танами или товарищами по оружию.

Так мы оставляем Одоакра царем Италии на четырнадцать лет, не мечтая, возможно, о том дне, когда, как он поступал с другими, так должны были поступить и с ним. Но для этой истории о справедливом и страшном возмездии вам придется подождать до следующей лекции.

А сейчас, чтобы освежить в памяти отблеск здоровой человечности после всех этих ужасов, давайте ненадолго обратимся к нашим достойным кузенам из Западной Готии. Они перестали резать друг другу глотки, обосновались в Северной Испании и Южной Франции, и доброму епископу Сидонию они пришлись по душе. В целом они справедливые и честные люди, добродушные и добропорядочные, живут по своему странному старому готскому закону. Но больше всего Сидонию нравится их король - Феодорик, так его зовут. В молодости он был человеком крови, но потом остепенился, как и его народ, и вот его фотография. Настоящая фотография живого старого гота, сделанная почти 1400 лет назад. Гиббон дает хороший перевод. Я дам вам один, но Сидоний многословен и цветист, и мне пришлось его сократить.

Среднего роста, крепкий мужчина, с большой грудью и толщиной конечностей, большой рукой и маленькой ногой, курчавоволосый, с кустистыми бровями, с удивительно большими глазами и веками, крючконосый, тонкогубый; блестящий, веселый, пылкий, полный здоровья и силы духа и тела. Он отправляется в часовню до рассвета, сидит до восьми, верша правосудие, пока толпа, впущенная в решетчатый затвор, по одному за занавесом впускается в присутствие. В восемь он покидает трон и идет либо считать деньги, либо смотреть на своих лошадей. Если он охотится, то считает недостойным нести свой лук и женским - держать его натянутым; мальчик несет его за ним; а когда дичь поднимется, он спрашивает вас (или епископа, который, кажется, ходил с ним на охоту), в кого бы вы хотели, чтобы он целился; натягивает свой лук, и тогда (говорит Сидоний) никогда не промахивается с выстрелом. Обедает он в полдень, в общем, спокойно, по субботам - роскошно; пьет очень мало, а после ужина, вместо того чтобы спать, играет за столом и в кости. Он страстно любит свою игру, но никогда не теряет самообладания, шутит и разговаривает с костями и со всеми, кто его окружает, отбрасывает королевскую строгость и призывает всех веселиться (говорит епископ), ибо, по моему разумению, он боится только того, чтобы люди боялись его. Если он выигрывает, то пребывает в безмерно хорошем настроении; тогда самое время просить у него милостей; и, говорит хитрый епископ, не раз я проигрывал в игре и тем самым выигрывал свое дело. В три часа снова начинаются государственные хлопоты. Возвращаются стучащие, возвращаются и те, кто их отпихивает; повсюду бурлит тяжущаяся толпа; она следует за ним и вечером, когда он идет ужинать или улаживает свои дела с судебными чиновниками, которые должны оставаться там до сна. За ужином, правда, редко, но случаются "mimici sales", что я не могу перевести, - своего рода шутки: но колкие и жестокие оскорбления (обычные на пирах римских императоров) никогда не допускаются. Его музыкальный вкус суров. Ни водоносы, ни флейтисты, ни лиристы, ни женщины, играющие на цимбалах или арфе, не допускаются. Все, что он любит, - это старая тевтонская музыка, чьи достоинства (говорит епископ) успокаивают душу не меньше, чем ее звуки слух. Когда он встает из-за стола, ночная стража уже расставлена, и вооруженные люди стоят у всех дверей, чтобы следить за ним в первые часы сна.

ЛЕКЦИЯ IV.- ГОТИЧЕСКИЙ ЦИВИЛИЗАТОР

Давайте проследим за судьбой Италии и Рима. Они не только являются образцом судьбы всего западного мира, но и судьба этого мира, как вы увидите, зависит от Рима.

Тем временем вы должны помнить, что к середине пятого века Западная империя прекратила свое существование. Англы и саксы пробивали себе дорогу в Британию. Франки обосновались на севере Франции и в нижнем Рейнланде. К югу от них центр Галлии все еще оставался римским, управляемым графами городов, которые были практически независимыми государями, хотя и признавали номинальную верность константинопольскому императору. Их власти суждено было вскоре быть уничтоженной завоеваниями Хлодвига и его франков - таких же лживых и жестоких грубиянов, как и их святой король, первенец Церкви. История Галлии на несколько столетий становится отныне тканью междоусобных ужасов, о которых вы должны сами прочитать на страницах М. Сисмонди или Григория Турского. Аллеманны (чье имя стало среди франков общим названием германцев) владели землями от Мэна до Ретийских Альп. Бургунды - земли к юго-западу от них, включающие большую часть юго-восточной Галлии. Западные готы владели юго-западом Галлии и большей частью Испании, вытеснив суэвов, а вместе с ними и часть аланов, в Галлию, Астурию и Португалию, а также вытеснив вандалов через Гибралтарский пролив, чтобы основать процветающее королевство на северном берегу Африки. Восточные готы тем временем, после различных скитаний к северу от Альп, расположились на территории нынешней Австрии и в придунайских землях, отдыхая после великой борьбы с гуннами и своей коронной победы при Нетаде.

Чтобы проследить судьбу Италии, мы должны проследить судьбу этих восточных готов, и особенно одного человека среди них, Теодориха, известного в немецких песнях как Дитрих Бернский или Веронский.

Этот великий герой должен быть чрезвычайно интересен для нас. История ни одного человека лучше всего показывает странные отношения между тевтонами и умирающей империей: но более того, его жизнь - это первый пример того, как тевтон пытается основать цивилизованное и упорядоченное государство, опираясь на опыт, почерпнутый из римских источников; как молодой мир пытается построить себе некое подобие жилища из руин старого. Дитрих потерпел неудачу, это правда. Но если бы тогда это было возможно, он, кажется, был тем человеком, который мог бы это сделать. Он жил и трудился как подобает - королевский Амаль, истинный сын Водена. Не умея писать, он основал великое королевство, руководствуясь добродетелью и здравым смыслом. Называемый варваром, он вернул процветание разоренной Италии и подарил ей (а вместе с ней и большей части западного мира) мир на три тридцать лет. Воспитанный среди враждебных сект, он установил тот золотой закон религиозной свободы, который девятнадцатый век еще не нашел в себе достаточно мужества и человечности, чтобы принять. Но если его жизнь была героической, то его смерть трагической. Он потерпел неудачу в своих огромных начинаниях по причинам, скрытым от него, но видимым и поучительным для нас; и после беспристрастного труда на благо как завоевателей, так и побежденных, он печально умер, оставив после себя народ, который, в большинстве своем, с радостью поверил в новость о том, что святой отшельник увидел свою душу, сброшенную в кратер Стромболи, как справедливое наказание за неизъяснимое преступление - быть мудрее своего поколения.

Некоторые жалуются на то, что Гиббон "преклоняется перед героем" Дитрихом, но я этого не делаю. Честный и точный циник так редко поклонялся героям или верил в их существование, что мы можем считать его хорошее мнение почти окончательным и безапелляционным. Один автор, к мнению которого я уже проникся большим уважением, говорит, что он до последнего был диким лесным человеком, отполированным до блеска римской цивилизацией; "Поскреби его, и ты найдешь под ним варвара^[101]". Возможно, это правда. Если это правда, то это очень высокий комплимент. Не от римской цивилизации, а от своих

"варварских" матери и отца он почерпнул "живой интеллект нравственных чувств и эти вдохновения, возвышенные и героические", которые ему искренне приписывает М. Тьерри. Если в нем, как говорит месье Тьерри, боролась другая натура - разве не бывает такого в каждом человеке? И разве борьба не является более болезненной, искушения более опасными, несоответствия слишком часто более постыдными, способности к злу, как и к добру, более огромными, как раз пропорционально врожденной силе и массивности души? Эта доктрина может показаться опасной. Она опасна, как и многие другие истины; и горе тем, кто, будучи необразованным и неустойчивым, вырывает ее на свою погибель и полагается на нее, чтобы потакать своим страстям под байроническими предложениями "гениальности" или "мускулистого христианства". Но тем не менее это правда: так, по крайней мере, говорит нам Библия в своих замечательных описаниях Давида, "человека по сердцу Божьему", и святого Петра, главного из апостолов. И между характером Дитриха и Давида есть точки сходства, которые, несомненно, подскажут любому острому изучающему человеческую природу. Месье Тьерри приписывает ему, как его худшему "я", "самые жестокие инстинкты; жестокость, удивление, неукротимое эгоизм". Два первых пункта неоспоримы - по крайней мере, во время его молодости: это были обычные пороки эпохи. Два последних я должен считать не доказанными фактами: но если бы они были доказаны, их все равно можно было бы оправдать на том простом основании, что он получил греческое образование. Хитрость и безжалостный эгоизм" были единственными моральными качествами, которые Дитрих, вероятно, видел проявленными при константинопольском дворе: и что же удивляться, если он был несколько деморализован отвратительной атмосферой, которой дышал с детства? Дитрих - иллюстрация к саге, с которой начались эти лекции. Он - самый настоящий тип лесного ребенка, околдованного прелестями сада злых троллей. Ключом к характеру этого человека, а точнее, самой его славой, является долгая борьба внутри него между тевтонским и греческим элементами. Слепленный и развращенный греховной славой Босфора, его дворцами, золотом и женщинами, он будет отчаянно сопротивляться этим чарам. Он снова станет диким готом и честным человеком; он отомстит за свое унижение тому двору и империи, которые он хорошо знает, чтобы презирать, не доверять и ненавидеть. Снова и снова чары настигают его. Тщеславие и страсти снова делают его придворным греков, но кровь Одина все еще сильна в нем; снова и снова он с благородным стыдом поднимается к добродетели и патриотизму, попирая ногами эгоистичную роскошь и славу, до полной победы; И он отворачивается в самый момент величайшего искушения от завораживающего города, чтобы странствовать, сражаться, голодать и наконец завоевать новую землю для себя и для своего народа; и показать, благодаря тридцатилетней справедливости и мудрости, каким был тот истинный Дитрих, которого так долго заслонял ложный Дитрих его грешной юности.

Взгляните на факты его истории, как они есть, и посмотрите, не подтверждают ли они эту, и никакую другую, теорию его характера.

Это был 455 год, два года спустя после смерти Атиллы. Под Веной родился мальчик от Теодемира, одного из готских королей, и его фаворитки Эрлевы. В возрасте восьми лет его отправили в Константинополь в качестве заложника. Император Лев согласился ежегодно выплачивать готам 300 фунтов золота, если они оставят его в покое, и юный Дитрих стал залогом этого договора. Он рос среди всех премудростей римлян, наблюдал за всем этим, но так и не научился писать. Кому-то кажется, что германцы не хотели учиться; мне же скорее кажется, что они не хотели учить. Он вернулся к своему народу в восемнадцать лет, восхитил его своей силой и ростом и стал, судя по всему, готом; отправился с шестью тысячами добровольцев против сарматов, которые только что победили греков и взяли город, который он снова захватил, но вместо того, чтобы вернуть его императору, оставил

себе. В Австрии стало не хватать продовольствия, и остготы двинулись частью в Италию, частью в Иллирию и Фессалию; а император милостиво подарил им страну, которой они уже завладели.

В каждом случае, как вы видите, использовался этот метод. Неудачливые императоры откупались от тевтонов там, где могли; подчинялись им там, где не могли; и с готовностью обращались против них, когда у них появлялся шанс. Отношения между этими двумя сторонами вряд ли можно объяснить лучше, чем если сравнить их с отношениями между английскими авантюристами в Хиндостане и падающими раджами и султанами прошлого века.

Через некоторое время Теодорих, или Дитрих, после смерти своего отца стал единственным королем остготов. Этот период его жизни очень туманен: но у нас есть хотя бы один намек, который может объяснить всю его дальнейшую карьеру. Бок о бок с ним и с его отцом до него жил другой Дитрих - Дитрих Одноглазый, сын Триара, низкорослый авантюрист, собравший остатки некоторых низкокастовых племен, называвшихся готами Фракии, и подвизавшийся при константинопольском дворе в качестве, когда восточные готы впервые встретились с ним, так называемого начальника маршей, с некоторым годовым жалованием для своих готов. Он был дерзок с Теодемиром и его семьей, и они ответили ему лютой ненавистью. Им, амалам, сыновьям Одина, было невыносимо терпеть оскорбления от этого выскочки. Так продолжалось несколько лет, пока не разразилась жалкая религиозная распря - вы можете прочитать об этом у Гиббона, - которая закончилась тем, что император Зенон, низкорослый и хитрый человек, подозреваемый в убийстве собственного сына принцессой Ариадной, был изгнан из Константинополя Василиском. Нам нет нужды вдаваться в эти вопросы, кроме тех, что касаются истории Дитриха Амальского. Дитрих Одноглазый помог Василиску, а затем Зенон, похоже, послал за Дитрихом Амалом, чтобы тот помог ему. Он пришел, но слишком поздно. Партия Василиска уже распалась; Василиск с семьей укрылся в церкви, откуда Зенон выманил его, пообещав не проливать кровь, чего он не сделал, а вместо этого посадил его, его жену и детей в сухую цистерну, замуровал ее и оставил их.

Дитрих Амаль вззошел к власти и великой славе, став "оружейным сыном" императора. Но молодой Амаль жаждал приключений. Он предложил ввести своих остготов в Италию, изгнать Одоакра и посадить на трон Запада Непоса, одного из многочисленных марионеток, сброшенных с него за несколько лет до этого. Зенону молодой герой был нужен ближе к дому, и он уговорил его остаться в Константинополе, есть, пить и веселиться.

Тогда Одоакр заставил Ромула Аугустула и римский сенат написать Зенону, что в Константинополе им не нужен никакой император, кроме него; что они очень счастливы под властью прекрасного Одоакра и что поэтому они послали Зенону, как законному владельцу, все императорские знаки отличия и украшения; вещи, которые, возможно, носил, некоторые из них, сам Август. Так закончилась, даже по названию, Римская империя. Все это Амал видел и, как видно, не забыл.

Зенон отдал Амалу все, что было до него у Одноглазого, и платил остроготам ежегодно, как платил людям Одноглазого. Одноглазый был изгнан в свою крепость и, конечно, взбунтовался. Зенон хотел выкупить его, но Амал и слышать об этом не хотел; он не стал бы помогать римлянам против своего соперника, если бы они не поклялись в вечной вражде с ним.

Они так и сделали, и он выступил в поход на помощь несчастной империи. Его должны были встретить римские подкрепления в Хеймусе. Они так и не пришли, и Амал, отвращенный и

удрученный, обнаружил, что запутался в дефиле Хема, голодный и измученный, а Одноглазый засел на неприступной скале, где не смел его атаковать.

Затем последовала необычная сцена. Одноглазый снова и снова спускался со своей скалы и скакал вокруг лагеря Амала, выкрикивая ему слова, настолько правдивые, что можно было поверить, будто они действительно были сказаны.

Лжесвидетель, безумец, предатель своего рода - разве ты не видишь, что план римлян, как всегда, состоит в том, чтобы уничтожать готов за готами? Кто бы из нас ни пал, сильнее окажутся они, а не мы. Они не встретили тебя, как обещали, ни в городах, ни здесь. Они отправили вас сюда, чтобы вы погибли в пустыне".

Тогда восточные готы подняли крик. Одноглазый прав. Амалу нет дела до того, что эти люди - такие же готы, как мы сами".

Тогда Одноглазый обратился к самим готам, проклиная Амала.

"Почему вы убиваете своих сородичей? Почему вы сделали так много вдов? Куда делось все их богатство, тех, кто отправился сражаться за тебя? У каждого из них было по две-три лошади, а теперь они идут за тобой пешком, как рабы, - такие же вольноотпущенники, как и ты сам, - и ты обещал отмерять им золото по бушелю".

Разве это не правда? Если в молодом Дитрихе было сердце тевтона (а он показал, что оно у него было и в последующие годы), то не могло ли это странное интервью открыть ему глаза на его собственную глупость и научить его, что тевтон должен быть своим собственным хозяином, а не наемником римлян?

Люди кричали, что это правда. Он должен заключить мир с Одноглазым, иначе они сделают это сами; и мир был заключен. Оба отправили послов к Зенону: Амал - с жалобой на вероломство, Одноглазый - с требованием возместить все потери. Император был в ярости. Он попытался откупиться от Амала, женив его на принцессе королевской крови и сделав его Сезаром. Дитрих не согласился; он чувствовал, что это ловушка. Зенон провозгласил Одноглазого врагом империи, а в конце восстановил его в прежних почестях, отобрав их у Амала. Амал пришел в ярость, сжигал деревни, резал крестьян, даже (по словам греков) отрубал руки своим пленникам. Наконец он порвал с римлянами. Римлянин был верхом на нем и на всех тевтонах, как морской старик Синдбад. Вопрос, как и в случае с Синдбадом, заключался лишь в том, не напиться ли ему и не дать ли им шанс сбросить вероломного тирана. И вот время пришло. Он был вынужден спросить себя: не кем я буду по отношению к самому себе, а кем я буду по отношению к кайзеру римлян - наемником, рабом или завоевателем, ибо одним из трех я должен быть?

Так продолжалось год за годом - иногда с ужасными для Дитриха поражениями - до 480 года. Тогда старый Одноглазый умер странным образом. Он сел на дикого коня у дверей шатра, но тот взвился на дыбы прежде, чем он успел занять свое место; боясь задеть его за узду, он отпустил его. На двери шатра висело копье, выполненное в готическом стиле, и конь ударил им Одноглазого. Острие глубоко вошло ему в бок, и старый боец успокоился навеки.

А затем наступила странная перипетия для Амала. Зенон, не зная почему, немедленно послал за ним. Он разорял, преследовал, побеждал римские войска и сам терпел поражение. Теперь он должен прийти в Рим. Его готы должны овладеть Нижним Дунаем. Он должен был получить славу и почести. Он пришел. Его идеалом в это время, похоже, было жить как римский гражданин в Константинополе и помогать управлять империей. Вспомните, ему было не более пяти и двадцати лет.

И вот он отправился в Константинополь, а с ним, полагаю, верная мать и верная сестра, которые были с ним во всех его странствиях. Он получил триумф за счет императора, был сделан ординарным консулом ("что, - говорит Иорнанд, - считается высшим благом и главной славой в мире") и генерал-магистром, и поселился во дворце.

Что все это значило? Дитрих был ослеплен этим, по крайней мере на время. Что это означало, он узнал слишком рано. Он должен был сражаться в битвах императора против всех мятежников, и он сражался с ними, возвращаться раздраженным, жалуясь (справедливо или несправедливо) на заговоры против его жизни; быть умиротворенным, как ребенок, почетом конной статуи; затем погрузиться в византийскую роскошь на семь бесславных лет, с единственной вспышкой древнего духа, когда он потребовал пойти один против болгар и убил их короля своей собственной рукой.

Что пробудило его от сна? Плач его голодающего народа.

Готы, поселившиеся в низовьях Дуная, жили, как живут дикари и наемники, безрассудно, из рук в рот, пили и играли в азартные игры, пока их семьи не оказались в нужде. Они послали к Амалу. Пока ты веселишься на римских пирах, мы голодаем - вернись, пока мы не разорились".

Они также завидовали успехам Одоакра и его наемников. Он становился все более могущественным, называл себя "королем народов^[109]", отдал вестготам Нарбоннез, последний остаток Западной империи, собрал вокруг себя таких ученых римлян, как Симмах, Боэций и Кассиодор, уважал католическое духовенство и, казалось, делал все возможное, чтобы хорошо управлять. Однако его наемники не поддавались управлению. Под их насилием и притеснениями сельское хозяйство и население приходили в упадок, пока папа Геласий не заговорил о "*Æmilia, Tuscia, ceteræque provinciæ in quibus nullus prope hominum existit*".

Между тем, похоже, готы питали глубокую ненависть к Одоакеру и его наемникам. Доктор Шеппард считает, что они презирали его самого как человека низкого происхождения. Но его отец Эдекон был вождем тюрклингов и, скорее всего, принадлежал к королевской крови. Маловероятно, чтобы такое большое число тевтонов пошло за человеком, в жилах которого не текла кровь Одина. Было ли на Одоацере пятно от его ранней связи с Атиллой? Или же ненависть к его людям была больше, чем к нему самому, презрение, особенно к низкокастовым герулам, - расовый вопрос, проистекающий из тех жалких межплеменных распрей, из-за которых тевтоны всегда были разобщены и слабы? Как бы то ни было, Одоакер совершил поступок, который привел эту ненависть в открытую ярость. Он перешел через Альпы в Ругиланд (тогдашний Норикум и окрестности Вены) и полностью уничтожил тех ругиев, которые не ушли в Италию под его знаменем. Говорят, что они разграбили келью его старого друга святого Северина, как только тот умер, забрали одежду, предназначенную для бедных, серебряную чашу и священные сосуды для мессы. Как бы то ни было, Одоакр полностью истребил их, а их царя Фелетея, или Фаву, унес в Италию вместе с Гизой, его "вредной женой"; вместе с ними множество римских христиан и (кажется) тело самого святого Северина. Но все это было бы мелочью, если бы он не посоветовал себе устроить обычный римский триумф с плененным царем Фавой, идущим рядом с его колесницей, а затем, в соответствии с принятой у древних римлян манерой в таких случаях, хладнокровно предать Фаву смерти.

Записи об этом подвиге, насколько мне известно, содержатся в одной короткой главе (I. xix.) Paulus Diaconus и в примечаниях Муратори к ней; но как бы ни были малы записи, этот поступок решил судьбу Италии. Фредерик, сын Фавы, укрылся у остготов и требовал мести во

имя своего королевского рода; легко предположить, что симпатии готов были на его стороне. Нападение (казалось бы, неспровоцированное) на древний тевтонский народ со стороны простого отряда искателей приключений было - или легко могло быть - тяжким проступком и явным *casus belli*, помимо врожденной тевтонской жажды сражений и приключений, просто ради "спорта".

Дитрих вернулся назад, и с того дня мечта о восточной роскоши была разбита, а молодой Дитрих снова стал готом, как во благо, так и во зло.

Он собрал готское войско и двинулся прямо на Константинополь, сжигая и грабя все на своем пути. Так утверждают, по крайней мере, греческие историки, которым во всей этой странной истории никто не должен верить больше, чем им нравится. Если бы готы написали житие Дитриха, мы бы услышали другую историю. Как бы то ни было, перед нами жизнь лорда Клайва, составленная придворными писцами Дели.

Ни одному римлянину он не стал бы рассказывать о том, что было у него на уме. В пяти лигах от Константинополя он остановился. Некоторые говорят, что он сжалился над городом, в котором был воспитан. Кто может сказать? Он потребовал разговора с Зеноном наедине, и отец оружия и его дикий сын снова встретились. В нем все еще был силен старый тевтонский феодальный инстинкт. Он был "человеком Зенона", несмотря ни на что. Он попросил (по словам Иорнанда) у Зенона разрешения выступить в поход против Одоакра и завоевать Италию. Прокопий и Вазезианский фрагмент говорят, что Зенон послал его, и что в случае успеха он должен был править там до прихода Зенона. Зенон, несомненно, был рад избавиться от него любой ценой. Как хорошо сказал Эннодий, "чужая честь заставляла его помнить о собственном происхождении и бояться тех самых легионов, которые ему подчинялись - ведь подозрительно то послушание, которое оказывает недостойный". Рим лишь номинально находился под властью Зенона, и для него не имело значения, называл ли себя его представителем Герул или готский искатель приключений.

Затем состоялась грандиозная церемония. Дитрих, торжественно назначенный "патрицием", уступил ему Италию по "прагматической" санкции, и Зенон возложил на его голову *sacrum velamen*, квадрат пурпура, означавший в Константинополе чудесные, величественные, имперские вещи - если только их можно было заставить свершиться. И он их осуществил. Он собрал всех тевтонских героев всех племен, а также своих собственных; и через Румелию и через Альпы, долгим и опасным путем, отправились Дитрих и его готы с женами и детьми и всем, что у них было, навьюченные повозками; они жили своими стадами и отарами, мололи кукурузу на ручных мельницах и охотились по мере того, как шли, на протяжении семисот миль марша; сражаясь по пути с булгарами и сарматами, которые заполнили пустые земли Венгрии и Карниолы, некогда густонаселенные, возделанные и полные знатных городов; отчаянно сражаясь с гепидами, по колено в трясине; пока через перевалы Юлийских Альп, где сосульки висели на их бородах, а одежда трескалась от мороза, они не влились в венецианские равнины. Это был дерзкий поступок, и для его осуществления требовался такой дух, как у Дитриха.

Одоакер ждал его у развалин Аквилеи. Утром в день битвы, когда он вооружался, Дитрих попросил свою благородную мать принести ему мантию особой красоты, которую она для него вышила, и надеть ее поверх его доспехов, "чтобы все видели, как он идет в бой веселее, чем когда-либо на пир. Ибо в этот день она увидит, произвела ли она на свет дитя мужского пола или нет".

И перед Вероной (где равнина долго белела человеческими костями) он победил Одоакра и после короткой и острой кампании погнался к Равенне. Но там римские укрепления и

римская артиллерия, как обычно, остановили гота; а Одоакер так хорошо исполнял свое имя и стоял так крепко, что его мог ослабить только голод; и наконец он сдался на условиях, которые сейчас трудно выяснить.

Гиббон говорит, что был заключен обычный договор о том, что они должны пользоваться равной властью, и ссылается на Прокопия: но Прокопий говорит только, что они должны жить вместе мирно "в том городе". Как бы то ни было, через некоторое время Одоакер и его партия были уличены в заговоре против Дитриха и преданы смерти каким-то темным способом. Гиббон, как *advocatus diaboli*, конечно же, приводит доводы против Дитриха, используя свой обычный энтузиазм - все люди могут быть мошенниками, следовательно, Дитрих был таковым. Довольно жесткая мера, если вспомнить, что те самые люди, которые рассказывают эту историю, - враги самого Дитриха. Самый главный из них, автор Вalezianского фрагмента, который считает Дитриха проклятым арианом и убийцей Боэция и Симмаха, прямо говорит, что Одоакер замышлял против его жизни. Но это было в лучшем случае темное дело.

Как бы то ни было, Дитрих Амальский в один прекрасный день оказался королем всей Италии, не имея себе равных. И последовало тридцатилетнее царствование мудрости, справедливости и процветания, не имеющее аналогов в истории тех веков. Между временами Антонинов и Карла Великого я не знаю такого светлого пятна в мрачной истории Европы.

Что касается передачи им трети земель Италии, которыми владели люди Одоакра, своим готам, то это было справедливо или несправедливо (даже если не принимать во внимание права на завоевание), в зависимости от того, какими людьми были наемники Одоакра и какое право они имели на эти земли. По крайней мере, это было сделано так, говорит Кассиодор, что, как известно, доставило удовольствие самим римлянам. Это вполне можно себе представить. Люди Одоакра были незаконными авантюристами, и теперь закон был установлен как верховный. Дитрих во время своего долгого пребывания при дворе императора открыл истинный секрет римской власти, который делал империю ужасной даже в ее упадке; это был закон. Закон, который говорит каждому человеку, чего от него ожидают и что от него ждут, и тем самым дает если не довольство, то уверенность, энергию, трудолюбие. Готы должны были жить по готскому закону, римляне - по римскому. Объединить эти две расы было бы так же невозможно, как объединить англичан и индусов. Параллель действительно очень точная. Гот был очень похож на англичанина; а слишком цивилизованный, ученый, лживый и распутный римлянин был аналогом современного брамина. Но между человеком и человеком должно было быть равное правосудие. Если готы были хозяевами большей части римской земли, все равно грабежи и притеснения были запрещены; а замечательный эдикт или кодекс Теодориха показывает, как глубоко в его великий ум погрузилась идея божественности закона. Он краток и отличается драконовской суровостью, особенно против растрат, обмана, ложных донощиков, злоупотребления духовенством правами святилища и всех преступлений против чести женщин. Я советую вам всем изучить его как пример того, что, по мнению раннего тевтонского короля, должны были делать мужчины и что их можно было заставить делать.

Римляне были предоставлены своей роскоши и лени, а их загородные виллы (давно заброшенные) были вновь заполнены владельцами. Готы должны были нести военную службу, и их с юности обучали тем военным упражнениям, которые так часто давали дисциплинированным римлянам победу над недисциплинированными готами, пока на каждом помории (бульваре), говорит Эннодий, можно было увидеть множество мальчиков и юношей, обучающихся быть солдатами. Тем временем делалось все, чтобы успокоить

уязвленную гордость побежденных. Римский сенат по-прежнему существовал под именем (как у Одоакра), вельможам льстили звучные титулы, а чиновники королевства и дворца носили те же имена, что и при римских императорах. Все это было попыткой Дитриха развить собственных готов на основе единственной известной ему цивилизации - константинопольской, но привить к ней порядок, справедливость, свободу, мораль, которые были "варварским" элементом. Сокровища римского искусства были переданы под опеку правительственных чиновников; бани, дворцы, церкви, акведуки были отремонтированы или основаны; строить, похоже, было большим удовольствием Дитриха; и мы сохранили на монете изображение его собственного дворца в Вероне, странного здания с куполами и минаретами, чем-то похожего на турецкую мечеть; стоящего, кажется, на аркадах какого-то более древнего римского здания. Дитриха Гота действительно можно назвать основателем "византийской" архитектуры во всем западном мире.

Тем временем сельское хозяйство снова процветало, Понтийские болота были осушены, имперские порты восстановлены, и возникли новые города. Новыми", - говорит Макиавелли, - "были Венеция, Сиена, Феррара, Аквилея; а теми, которые расширились, - Флоренция, Генуя, Пиза, Милан, Неаполь и Болонья". Великие морские порты, особенно Венеция, были основаны не готами, а римскими и греческими беглецами: но именно безопасность и либеральность правления Дитриха сделали возможным их существование; и Венеция действительно гораздо больше обязана варварскому герою, чем сказочному покровительству святого Марка.

Из этого опустошения и нового населения, - продолжает Макиавелли, - возникли новые языки, которые, вбирая в себя родной идиом нового народа и старый римский, образовали новую манеру разговора. Кроме того, менялись не только названия провинций, но и озер, рек, морей и людей; ведь Франция, Испания и Италия полны новых имен, полностью отличающихся от древних".

Это правление Дитриха было, по сути, временем рождения современной Италии; и, как говорит Макиавелли, "привело страну в такое состояние величия, что ее прежние страдания стали неузнаваемы". Далее мы увидим, как все труды великих готов были разрушены, и (к их вечному стыду) кем они были разрушены.

Самыми интересными записями того времени, несомненно, являются письма Кассиодора, секретаря и канцлера короля, дошедшие до нас в огромном количестве. Среди них есть письма по всем вопросам внутренней и внешней политики: к королям варнов, герулов, тюрингов (которые все еще были язычниками за Черным лесом), призывающие их всех присоединиться к нему и бургундам и защищать его зятя Алариха II, короля вестготов, от Хлодвиг и его франков. Существуют также письма, касающиеся религиозных распрей римского населения, нравов и социального положения самого Рима, о которых я ничего не скажу в этой лекции, поскольку у меня будет повод обратиться к ним в дальнейшем. Но если вы хотите узнать то время, вы должны внимательно прочитать Кассиодора.

В его письмах вы заметите, что большинство так называемых римских имен - греческие. Вы также заметите, как признак упадка вкуса и искусства, что, хотя письма полны мудрости и практической морали, они облечены в самую замечательную напыщенность, которую можно встретить даже в тот век *infimæ Latinitatis*. Объяснить их стиль можно, лишь предположив, что король Дитрих, изложив смысл, предоставил Кассиодору оформить его по своему усмотрению, а когда письмо было ему прочитано, принял как должное (не будучи ученым), что именно так должны разговаривать римские государи и другие культурные особы; восхитился образованностью своего секретаря и, вероятно, посмеялся над всем этим,

решив, что десять слов на честном немецком языке сказали бы все, что он имел в виду. Что касается понимания этих риторических полетов, то вряд ли Дитрих смог бы это сделать: возможно, даже сам Кассиодор. Возьмем, к примеру, вот такое письмо: после возвышенной моральной сентенции, которую я оставляю на ваше усмотрение - *"In partem pietatis recidit mitigata districtio; et sub beneficio præstat, qui poenam debitam moderatione considerata palpaverit"*, - Йовинусу куриалу сообщают, после сложнейшего метода, что, сначала поссорившись с товарищем-куриалом, а затем убив его, он изгнан на всю жизнь на остров Вулкан, среди липарисов. Поскольку куриалы - это джентльмены и государственные судьи, наказание вполне справедливо; но зачем Кассиодору (конечно, не королю Дитриху) заканчивать короткое письмо длинной диссертацией о вулканах вообще и о Стромболи в частности, настаивая на том, что скалы, хотя и постоянно горят, постоянно обновляются благодаря "нерушимой силе природы"; и возвращается к Йовинусу только для того, чтобы сообщить ему, что отныне он будет следовать примеру саламандры, которая всегда живет в огне, "будучи так сжата естественным холодом, что ее закаляет горящее пламя". Это тонкое и маленькое животное, связанное с червями и окрашенное в желтый цвет"... Затем Кассиодор возвращается к основной теме вулканов и заканчивает рассказом о том, что Стромболи вспыхнул как раз в тот момент, когда Ганнибал отравился при дворе Пруссия; информация, которая могла быть интересной, хотя и не утешительной, для бедного Йовина в перспективе жить там; но о которой хотелось бы узнать мнение короля Дитриха. Радовался ли он, как простой тевтон, замечательной образованности и красноречию своего греко-римского секретаря? Или же он по-королевски посмеялся над всем письмом и по-королевски пошутил над Кассиодором и всеми школярами и юристами - двумя классами людей, которых готы особенно ненавидели и до чего они своими педантизмами довели императорский Рим? Хотелось бы знать. Ведь Дитрих не только сам не был ученым, но и презирал саму ученость, которой пользовался, и запрещал готам учиться ей - как показало событие, это был глупый и роковой предрассудок. Но в его сознании она была связана с сутяжничеством, женоподобностью, жестокими и унижительными наказаниями детей. Возможно, ферула применялась к нему в Константинополе в давние времена. Если так, то неудивительно, что он так и не научился писать. "Мальчик, который дрожит перед тростью, - говорил он, - никогда не столкнется с копьем". Между тем его материнское остроумие было настолько пронизательным, что "многие из его изречений (говорит неизвестный автор бесценного Вазелианского фрагмента) сохранились среди нас до сих пор". Насколько мне известно, сохранились только два, причем достаточно причудливых:

"У кого есть золото или дьявол, тот не может его спрятать".

И

"Римлянин, когда беден, притворяется готом: гот, когда богат, притворяется римлянином".

О нем также рассказывают нечто вроде суда Соломона в случае с женщиной, отказавшейся признать собственного сына, который был достаточно действенным, но слишком домашним, чтобы его повторять.

Что касается его внешности, то она описана в саге, но я сам с ней не знакомился и не могу судить о ее подлинности. Традиционное описание его - это человек почти без бороды, что редкость среди готов, с массой золотых колец и черными бровями над *"oculos cæsius"*, серо-голубыми глазами, характерными для многих завоевателей. Цвет лица настолько своеобразен, что в него нельзя не поверить.

О его трагической смерти и еще более трагических последствиях будет рассказано в следующей лекции.

ЛЕКЦИЯ V - КОНЕЦ ДИТРИХА.

Теперь мне предстоит поговорить с вами о последнем конце правления Дитриха, ставшего столь печально известным благодаря смерти Боэция - последнего римского философа, как его называли на протяжении веков, и небезосновательно. Его "De Consolatione Philosophiæ" - книга, подходящая для любого человека, полная полезной и благочестивой доктрины. На протяжении веков она занимала такое же высокое место, как и высшая классика; возможно, иногда выше, чем любая другая книга, кроме Библии, среди не только ученых, но и государственных деятелей. Это последнее наследие умирающего старого мира молодому, который вытравливал его из жизни; и потому оно полно печали. Но под печалью скрываются вера и надежда, ибо Бог справедлив, а добродетель должна быть торжествующей и бессмертной, абсолютным и единственным благом для человека. Вся история очень печальна. Дитрих был одним из тех великих людей, которые, подобно Генриху VIII, Елизавете, Наполеону или покойному царю Николаю, прожили слишком долго для собственной чести. Старые язычники приписали бы его злоключения φθωος θεῶν, зависти богов, которые не желают видеть людей столь же процветающими, как они сами. Мы можем объяснить это более просто и более благочестиво - износом хрупкого человечества. Ведь, возможно, очень немногие человеческие души способны выдержать многолетнее напряжение великого правила. Я не имею в виду, что они ломаются от переутомления, но что они теряют форму под его воздействием; и что, в частности, воля становится чрезвычайно развитой за счет других сил души, пока человек с возрастом не становится властным, невнимательным к советам или раздраженным ими, решительно настроенным на свой собственный путь, потому что это его собственный путь. Мы видим ту же тенденцию у всех, кто долгое время привык к абсолютному правлению даже в мелочах, - у старого капитана корабля, старого руководителя фабрики, старого хозяина гончих; и мы не виним их за это. Это болезнь, присущая их призванию, как педантизм - ученому, или проницательность - адвокату. Но она наиболее опасна в величайших умах и на самых высоких постах; их, как и нас, каждого на своем месте, можно удержать только честным самоанализом, усердной молитвой и благодатью Божьей, которая приходит при этом. Раз или два в мировой истории великий правитель, подобно Карлу Пятому, разрубает гордиев узел и уходит в монастырь: но как мало тех, кто может или должен это сделать? Есть те, кто должен продолжать править или видеть свою страну разрушенной, ибо все зависит от них. Так должна была поступить королева Елизавета, так же должен был поступить Дитрих Бернский. После них наступит потоп, и он наступил; и они должны терпеть до последнего, чего бы это ни стоило их собственному здоровью или душевному спокойствию.

Но наиболее болезненно и опасно для государя-ветерана то, что он научился подозревать, а возможно, и презирать тех, кем правит; что он бросил все свои труды на рыцарей и глупцов; что он бросил жемчуг на съедение свиньям, а они снова повернулись и растерзали его. Это чувство, вытесненное из королевы Елизаветы в ее преклонном возрасте, этот трагический возглас: "Я несчастная, покинутая женщина. Рядом со мной нет никого, кому я могла бы довериться". Она была женщиной, вечно тоскующей по кому-то, кого можно было бы любить; и ее сердце разбилось под всем этим. Но разве вы не видите, что там, где правителем является не ласковая женщина, а сильный гордый мужчина, эффект может быть совсем другим, и очень страшным? Как, возбужденный негодованием, презрением, подозрением, яростью, он может обратиться в ярость против своих собственных подданных,

говоря: "Негодяи! Вы видели справедливую сторону моего характера, и напрасно. Теперь вам предстоит увидеть грязную, и остерегайтесь сами".

Так и старый Дитрих, как я полагаю, обратился в бегство и совершил поступки, которые навсегда очернили его имя. Небеса простили его, ибо провокаций у него было предостаточно.

Я уже рассказывал вам о простом, полусуеверном уважении, которое тевтон питал к престижу Рима. Дитрих, похоже, относился к нему так же, как и все остальные. Иначе почему он не возвел себя в ранг римского кесаря? Почему он всегда считал себя оружейным сыном и квази-вассалом константинопольского кесаря? В юности он был потрясен хитроумной цивилизацией, которую увидел в великом городе. С благородной скромностью он чувствовал, что не может ей подражать. Он должен копировать ее издалека. Он должен взять себе в советники таких людей, как Кассиодор, Симмах, Боэций, родившихся и выросших в нем; с детства обученных ремеслу, благодаря которому, как известно, кайзеры Рима на протяжении веков, даже в период упадка и деградации, были правителями народов. Но под этим должно было скрываться постоянное презрение к нему и к Риму - "colluvies gentium", раковине народов, с его чванством, помпезностью, нищенством, распутством, суеверием, притворством в сохранении римского закона и прав, тогда как на деле ему не было дела ни до закона, ни до права. Дитриху приходилось писать письмо за письмом, чтобы зеленые и синие фракции не перерезали друг другу глотки на публичных зрелищах; письма трибуну волюптатуму, который должен был следить за пантомимами и распутными женщинами, с просьбой держать бедных несчастных в приличном порядке и подавать им и городу пример лучшей жизни, будучи самому целомудренным и добропорядочным человеком. Письмо за письмом Кассиодора, написанные от имени Дитриха, раскрывают положение дел в Риме, на которое гот мог смотреть только с отвращением и презрением.

А что, если он обнаружит (или ему покажется, что он обнаружил), что эти хвастливые кокошники, живущие на государственные средства и получающие за государственный счет хлеб насущный, ванну насущную, масло насущное, свинину насущную, вино насущное, пока они прогуливаются из театра в церковь, а из церкви в театр, замышляют вместе с Юстином, негодяем и выскочкой императором в Константинополе, восстановить вольности Рима? И что это был их ответ на его тридцать лет доброго правления, уважения, снисхождения, которые вновь подняли их из всех бед внутренней анархии и иностранного вторжения?

А если бы он узнал (или думал, что узнал), что католическое духовенство с папой Иоанном во главе участвовало в том же заговоре с целью привлечь константинопольского императора на почве религии, потому что он преследовал арианских гот в Константинополе, а значит, поможет им преследовать их в Италии? И что это был их ответ на его тридцать лет беспрецедентной религиозной свободы? Разве этих двух фактов (даже веры в то, что это факты) не хватило бы, чтобы свести с ума многих мудрых людей?

Насколько они были фактами, мы никогда точно не узнаем. Почти все наши сведения получены от католических историков, и было бы опрометчиво сваливать свою веру на любое их утверждение о действиях еретика. Но я думаю, что даже без их помощи мы можем понять, почему Дитрих с ужасом смотрел на любую близость между Римской церковью и Константинопольским двором.

Прежде всего мы должны вспомнить, что представляла собой тогда Греческая империя и кто был новым императором. Бедный старый император Анастасий, умиравший в восемьдесят лет с разбитым монахами и священниками сердцем, увидел страшный сон и рассказал его евнуху и камергеру Амантию. На что Амантий сказал, что ему тоже снился сон: на него

налетел огромный боров, когда он ждал в самом присутствии, повалил его и сожрал дочиста. Что и сбылось, хотя и не так, как ожидал Амантий. После смерти Анастасия он решил поставить императором своего человека. Для этого он должен был купить стражу; с этой благородной целью он передал большую сумму сокровищ в руки Юстина, сенатора и главнокомандующего упомянутой стражей, который взял деньги и потратил их на свой счет, так что несчастный евнух обнаружил, что императором стал не его человек, а сам Юстин, и его с трудом заработанные деньги были потрачены против него. Одного появления этого беспринципного мошенника и его еще более беспринципного племянника Юстиниана было бы достаточно, чтобы вызвать у Дитриха подозрение, если не страх.

Глубокое и невыразимое презрение к этому человеку должен был испытывать царственный Амал. Ведь он, должно быть, хорошо знал его в Константинополе в юности; знал, что он все-таки гот или другой тевтон, хотя и назывался дарданийцем; что его настоящее имя - Упрауда (Прямой), сын Штока, которого Упрауда латинизировал в Юстинуса. Амаль хорошо знал, как он поступил в гвардию императора, как интригами и боями пробился (ибо этот человек не страдал недостатком храбрости и поведения) к генеральскому званию, а теперь, в результате венца мошенничества, и к империи. Он также знал, скорее всего, вульгарную крестьянскую жену этого человека, которая, пытаясь подражать королевской власти, делала себя посмешищем для народа и побуждала своего и без того готового к преследованиям мужа. И этот человек, как он видел, готов был взорвать собственную империю, начав жестокие гонения на ариан. Он был достаточно опасен как злодей, но вдвойне опасен как фанатик.

Далее мы должны вспомнить, что представляла собой тогда греческая церковь: хаос интриг, злодейства, клеветы и дикой ярости, раздирающий на части себя и всю империю религиозными распрями, в которых учение, о котором идет речь, становится невидимым среди страстей и преступлений спорящих, а владыками церкви являются полчища диких монахов, которые вылетают из своих нор, чтобы возглавить самую низкую толпу или сразиться друг с другом в битве. Церковная история пятого века в Восточной империи - это история, которую даже гений Гиббона или Мильмана не может сделать интересной или даже понятной.

Вспомните, что Дитрих видел многое из этого своими глазами; видел, как я уже говорил, восстание Василиска и евтихианских епископов во главе с безумным Даниилом Стилистом против своего приемного отца императора Зенона; видел, как этот император (по меткому выражению декана Милмана) "летел перед голым отшельником, который потерял возможность пользоваться ногами, простояв шестнадцать лет на колонне". Вспомните, что Дитрих и его готы помогли восстановить императора на троне; и тогда поймете, в какой школе он усвоил свои великие идеи религиозной терпимости: как глубока должна была быть решимость не допускать подобных действий в своем королевстве; как глубок был страх перед подобной вспышкой в Риме.

Вспомните также, что сейчас, в преклонном возрасте, он был свидетелем того, как те же самые беззакония снова раздирали Восточную империю; старый император Анастасий был затравлен до смерти армиями безумных монахов из-за монофизитской ереси; города, даже самые святые места Востока, были запятнаны христианской кровью; повсюду царили самосуд, убийства, предательство, убийства даже в доме Божьем; И вот новый император Юстин бросается на сторону православных со слепой яростью невежественного крестьянина, преследует, изгоняет, закрывает арианские церкви готов, отказывается слушать благородные призывы Дитриха и, очевидно, организует великое движение против этих мирных ариан, против которых при жизни Дитриха их злейшие враги не приписывают ни одного случая преследования.

Не забывайте также, что Дитрих имел опыт подобных вспышек фанатизма в Риме; что рукоположение двух соперничающих пап однажды заставило улицы залиться кровью; что он видел убийства священников, пожары в монастырях, оскорбления монахинь, и ему приходилось вмешиваться в действия сильной руки закона и самому принимать решение в пользу папы, который имел больше голосов и был избран первым; И что в ссорах, интригах и клевете, последовавших за этим избранием, он получил слишком веское доказательство того, что церковники и толпа Рима, если он только позволит им, могут вести себя так же плохо, как и в Константинополе; и, кроме того, этот новый папа Иоанн, который, похоже, был вспыльчивым фанатиком, начал свое правление с порки и изгнания манихеев, по чьему разрешению, не известно.

Вспомните также, что по тем или иным причинам Дитрих, когда он вмешивался в дела Востока, всегда был на стороне православных и Халкидонского собора. Он сражался за православных против Василиска. Он поддерживал православных и их защитника Виталиана против покойного императора Анастасия; и теперь, когда православные пришли к власти при Юстине, это стало наградой за его беспристрастность. Если он не доверял и не презирал Церковь и императора Востока, он должен был быть не героем, а святым.

Вспомните также, что в те самые дни католический фанатизм вылился во всеобщее ограбление евреев. В Риме, Милане и Генуе их дома были разграблены, а синагоги сожжены, и Дитрих, заставив католиков восстанавливать их за свой счет, заслужил ненависть значительной части своих подданных. И теперь папа Иоанн делал все возможное, чтобы помешать ему. Дитрих велел ему отправиться в Константинополь и ходатайствовать перед Юстином за преследуемых ариан. Тот отказался. Дитрих отправил его, *volentem volentem*. Но когда он добрался до Константинополя, то бросил весь свой вес на чашу весов императора. Юстин принял его так, словно он был сам св. Петра, император вышел ему навстречу с процессиями и восковыми фонарями, прося благословения; он поступил прямо противоположно тому, что велел ему Дитрих, и по возвращении опубликовал яростное послание к епископам Италии, призывая их подавлять и искоренять арианское вероломство, чтобы не осталось ни одного корня: освятить арианские церкви, где бы он их ни нашел, ссылаясь на совет благочестивейшего и христианского императора Юстина, говоря о Дитрихе как о внутренне запятнанном и внешне окутанном язвой ереси. На это Коклеус (который религиозно верит, что Дитрих был проклят за свое арианство и что все его добродетели пропали даром, потому что у него не было милосердия, которое, по его словам, существует только в пределах Церкви) не может удержаться от наивного замечания, что если понтифик действительно написал это письмо, то он не может удивляться тому, что Дитрих был немного рассержен. Сейчас, правда, короли могут позволить себе улыбнуться на подобные выпады; во времена Дитриха они не могли себе этого позволить. Такие слова означали убийство, грабеж, гражданскую войну, свержение с престола, всеобщую анархию; и вот Дитрих бросил папу Иоанна в тюрьму. Перед отплытием в Константинополь у него было плохое здоровье, а через несколько месяцев он умер и был причислен к лику святых.

Что касается политического заговора, то мы никогда не узнаем правды о нем. В "Анониме Вalezии" между тем говорится, что когда Киприан обвинил Альбина, Боэций ответил: "Это ложь: но если Альбин сделал это, то и я, и весь сенат, с одного согласия. Это ложь, господин мой царь! Что бы ни доказывали эти слова, они доказывают, по крайней мере, следующее: Боэций, как он сам говорит, стал жертвой своего собственного рыцарства. Чтобы спасти Альбина и сенат, он бросился на передний край битвы и пал, по крайней мере, как храбрый человек. Замышляли ли Альбин, Боэций и Симмах привлечь Юстина, посылал ли сенат ему письмо, я не могу сказать. Боэций в своем труде "Утешение" все это отрицает; а Боэций был

хорошим человеком. Он говорит, что письма, в которых он надеялся на свободу Рима, были подделаны; как он мог надеяться на невозможное? Но он добавляет: "Если бы можно было надеяться на любую свободу! Я бы ответил царю так же, как Кассий, когда Калигула ложно обвинил его в заговоре: "Если бы я знал об этом, ты не должен был бы этого делать". Неизвестно, видел ли Дитрих когда-нибудь эти слова: но они доказывают, по крайней мере, что все его доверие, справедливость, доброта к патрицию-философу не избавили его от простительного самомнения о римском номинизме.

Рассказ Боэция, скорее всего, правдив. Нельзя думать, что этот человек умер бы с ложью в устах. Нельзя пропустить мимо ушей, как изречения заведомого лицемерия, те трогательные обращения к своей наставнице, той небесной мудрости, которая так долго вела его по путям истины и добродетели и которая, как ему кажется в его жалкой келье, предала его в трудную минуту. Боже упаси. Лучше поверить, что Дитрих совершил один раз в жизни страшное преступление, чем в то, что знаменитая книга доброго Боэция - это такая же книга, как "Эйкон Василики".

Боэций, опять же, говорит, что готские придворные ненавидели его и подговаривали клейменых негодяев клясться жизнью его и сената, потому что он выступал против "дворцовых гончих", Амигаста, Тригуллы и других алчных варваров. При дворе, разумеется, существовали готская и римская партии, и каждая из них люто ненавидела другую. Дитрих отдавал предпочтение римлянам. Но готы не могли видеть таких людей, как Симмах и Боэций, наперсниками и советниками Амала, не желая их гибели; и если, как утверждают Боэций и католические историки, вся трагедия возникла из-за готского заговора с целью уничтожить римскую партию, то подобное случалось слишком часто в мировой истории. Единственные факты, которые говорят против этой истории, - это то, что обвинитель Киприан был римлянином, а Кассиодор, который должен был принадлежать к римской партии, не только ни разу не упоминается во время всей трагедии, но и впоследствии занимал высокий пост при Феодате и Аталарихе.

К этому следует добавить, что существовали неясные, но широко распространенные сообщения о том, что готам грозит опасность; что Дитрих, по крайней мере, не мог не знать о честолюбии и талантах этого ужасного Юстиниана, племянника Юстина, которому вскоре предстояло изменить судьбу всей империи на целое поколение и вытеснить готов из Италии; что умы людей должны были быть озадачены страхом перемен, когда они вспоминали, что Дитриху было семьдесят лет, и у него не было сына, который мог бы стать его преемником, и что женщина и ребенок скоро будут править этим великим народом в условиях кризиса, который они не могли не предвидеть. Мы знаем, что гибель наступила; разве неразумно предположить, что готы предвидели ее и предприняли отчаянную, может быть, вероломную попытку раз и навсегда сокрушить гордых и не менее вероломных сенаторов Рима?

И вот, обезумев от воображаемого открытия, что человек, которого он почитал, которому доверял, которого любил, замышляет против него заговор, Дитрих отправил Боэция в тюрьму. Однако, похоже, он не жаждал его смерти, поскольку Боэций оставался там достаточно долго, чтобы написать свою благородную книгу.

Однако, независимо от того, были ли найдены новые доказательства его предполагаемой вины или нет, наступил день, когда он должен был умереть. Вокруг его головы закрутили шнур (вероятно, чтобы вырвать признание), пока его глаза не вырвались из глазниц, а затем его избавили от страданий ударом дубины; так закончилась жизнь последнего римского философа. Симмах, его тесть, был обезглавлен, а папа Иоанн, как мы слышали, был брошен

в тюрьму по возвращении и умер через несколько месяцев. Именно эти трагедии навсегда запятнали имя "Теодориха Великого".

Папа Иоанн, похоже, вполне заслужил свое заточение. Что касается двух других, то, боюсь, мы можем лишь присоединиться к священной жалости, в которой их память была забальзамирована для всех последующих поколений. Но мы должны помнить, что, в конце концов, нам известна лишь одна сторона вопроса. Римляне умели писать, готы - нет: возможно, они могли выдвинуть справедливые аргументы в свою пользу; возможно, они искренне верили в виновность Боэция; и если они верили, то по правилам общественного права и справедливости, которые тогда были в моде, не могло произойти ничего меньшего, чем случилось.

Как бы то ни было, дело было сделано, и наказание, если оно было заслуженным, пришло довольно скоро. Сидя за ужином (так гласит история), голова рыбы приняла в воображении Дитриха форму головы Симмаха, верхние зубы прикусили губу, огромные глаза уставились на него. Он вскочил в ужасе, лег на кровать и там, жалуясь на смертельный озноб, завернувшись в кучу одеял и причитая перед лекарем о смерти двух своих жертв, через несколько дней печально скончался. А некий святой отшельник, имя которого не называется, как и дата видения, видел, как призраки Боэция и Симмаха вели душу Амала на конус Стромболи и бросили его туда, как английские моряки видели, как туда же бросили старого Бутса, ростовщика из Уоппинга, за проступки, куда более доказательные.

Так выглядит история смерти Дитриха. Она совершенно естественна и, скорее всего, правдива. Его современники, которые все в это верили, видели в ней доказательство его огромной вины и явный Божий суд. Мы же скорее увидим в этом доказательство искренней, по-детски честной натуры человека, потрясенного до безграничного ужаса и самоуничтожения внезапным разоблачением его преступления. Истинно плохие люди умирают более легкой смертью, чем эта; и сходят в могилу, в большинстве своем, слепые и самодовольные, и, как им кажется, безнаказанные, а возможно, и прощенные.

После Дитриха начался потоп. Королевская голова исчезла. Королевское сердце осталось в Амаласуэнте, "небесной красавице", дочери, достойной своего отца.

Одним из первых ее действий было возвращение вдовам и детям двух жертв имений, которые Дитрих конфисковал. Это может доказывать, а может и не доказывать, что она считала мужчин невиновными. Возможно, она просто сочла за благо не перекладывать грехи отцов на детей; к тому же эти отцы были ее собственными друзьями и наставниками. Красивая, образованная и мудрая, она, как и ее отец, не дожила до своего возраста. Она, ученица Боэция, должна была воспитать своего сына Аталариха в римской учености и во всем благоволила римлянам; она никогда не предавала смерти и даже не штрафовала никого из них и сдерживала грубых готов, которые были готовы, теперь, когда Дитрих снял с них руку, плохо обращаться с завоеванными италийцами. Готы вскоре невзлюбили ее, ее римские наклонности, ее римское воспитание мальчика. Однажды за какую-то провинность она надрала ему уши. Он с криком выбежал в Хельдензаль и пожаловался героям. Они послали к Амаласуэнте депутацию, которая дерзко заявила. "Не следует делать из мальчика ученого". Она намеревалась убить мальчика и снова выйти замуж. Разве старый Дитрих не запретил свободным готам идти в школьные учителя и не сказал, что мальчик, которого научили трепетать перед тростью, никогда не справится с копьем? И вот они забрали парня у женщин и сделали из него грубияна. От выпивки, женщин, безделья и компании таких же диких молодых парней, как он сам, он рано испортился душой и телом. Бедная Амаласуэнта,

не зная, куда податься, приняла отчаянное решение предложить Италию императору Юстиниану. Она не знала, что с ней заранее был ее двоюродный брат Теодат - плохой старик, жадный и несправедливый, чью жадность ей приходилось сдерживать снова и снова, и который ненавидел ее в ответ. Оба отправили послания Юстиниану. Хитрый император не дал прямого ответа, но отправил своего посла наблюдать за развитием событий. Молодой принц умер от распутства, и готы шептались, что его отравила мать. Тем временем Теодат становился все хуже и хуже; на Амаласуэнту посыпались обвинения в его незаконной хищности, но он был слишком силен для нее, и она, все больше теряя голову, приняла отчаянное решение выйти за него замуж, как единственный способ заставить его замолчать. Он был последним наследником королевского рода Амалунгов. Брак исправит его в глазах готов, а ее избавит от подозрений в том, что она убила сына, чтобы править в одиночку. Теодат тем временем должен был носить королевское имя, а она - сохранить власть и деньги - глупый, запутанный план, который мог иметь только один конец. Теодат, конечно, женился на ней, а затем бросил ее в темницу, завладел всеми ее сокровищами и бросился в объятия той партии готов, которая ненавидела Амаласуэнту за то, что та наказала их за притеснения. Конец был быстрым и печальным. К тому времени, когда посол Юстиниана высадился на берег, Амаласуэнта была задушена в своей ванне, и все, что оставалось сделать послу Петра, - это докопаться до причины ссоры и объявить "необъяснимую войну" Юстиниану, как мстителю за царицу.

И тогда началась та ужасная Восточно-Готская война, о которой вы можете прочитать на страницах очевидца Прокопия; война, которая полностью уничтожила цивилизацию долгого и процветающего царствования Дитриха, оставила Италию пустыней и истребила римский народ.

Это было последнее горе, но о нем я расскажу в следующей лекции.

ЛЕКЦИЯ VI- ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ ГОТОВ.

Об этой поистине ужасной готской войне я могу дать лишь беглый набросок; о некоторых из наиболее важных фигур в ней - даже не набросок. Я не могу представить себе, а значит, и нарисовать для вас, знаменитого Белисария. Был ли он на самом деле тем странным соединением силы и слабости, каким его представляют Прокопий, а за ним и Гиббон, - карикатурой, доброй и злой, на нашего знаменитого Мальборо? Вы должны читать и судить сами. Я не могу, по крайней мере пока, предложить вам никакого решения этой загадки.

Еще меньше я могу представить себе Нарсеса, живущего до седых волос в женоподобных интригах гарема, а затем становящегося генералом; евнуха-воина; мизантропа, мстящего за свою великую ошибку всему человечеству на кровавых полях сражений; мрачного в советах и ужасного в исполнении; Он, которому в последующие годы императрица София сказала, что ему больше подходит прясть среди девиц, чем командовать армиями, а он ответил, что спрядет ей такую нить, которую она не сможет распутать; и сдержал свое слово (как гласят легенды), пригласив лангобардов в Италию.

Меньше всего я могу описать Юстиниана Великого, крестьянина-полутевтона, за которым его дядя Юстин послал из Дарданийских холмов, чтобы сделать его полубогом на земле. В последующие годы люди шептались, что он родился от демона, сам был демоном, целые дни проводил без еды, всю ночь бродил по коридорам своего дворца, решал темные дела и весь день трудился с невероятной силой, чтобы их осуществить. Неудивительно, что его считали демоном, женатым на демонической жене. Этот человек непостижим, необъясним; - женится на самой порочной из всех женщин, явно не ради красоты, а, возможно, потому, что

видел в ней родственную душу; - верен и любит ее, а она - его, несмотря на все преступления последующих лет; - благочестив с предельной набожностью и ортодоксальностью, но с благочестием, совершенно оторванным от самой обычной морали и не осознающим ее; - изучая и используя величайших людей, например, Белисария и Нарсеса, и снова отбрасывая их, конечно, не по слабому капризу, когда они служили ему слишком хорошо; - побеждая персов, вандалов, готов; все, но заново завоевывая, фактически, каркас Римской империи; - и затем пытаюсь (с глубоким пониманием ценности римского права) вдохнуть гальваническую жизнь в каркас путем кодификации этого права.

В какой бы работе я ни застал этого человека в течение его долгой жизни, он для меня необъясним. Людовик XI Французский - человек, наиболее похожий на Юстиниана, которого я знаю, но и он - человек, не поддающийся моему пониманию. Все факты о Юстиниане вы найдете у Гиббона. У меня нет теории, с помощью которой я мог бы упорядочить и объяснить их, и поэтому я могу рассказать вам не больше, чем это делает Гиббон.

Итак, перейдем к готской войне, которая, как вы должны помнить, стала возможной для Юстиниана благодаря тому, что Белисарий только что уничтожил вандалов в Африке. Она началась с того, что Белисарий вторгся на юг Италии. Военным королем готов был избран Витигис, "человек остроумных советов", который не оправдал своего имени; а Теодат (Теодат, "уважаемый народом", как означало его имя) впал в полное бесчестье после последнего злодеяния с деньгами; его сбил на дороге человек, которого он ранил, и там ему перерезали горло, "*resupinus instar victimæ jugulatus*".

Незадолго до этого он обратился к еврейскому прорицателю, который предупредил его. Тридцать свиней, означавших нечистых язычников, иудей закрыл в трех клетках, назвав десять готов, десять римлян и десять имперцев из армии Белисария, и оставил их голодать. В конце концов они нашли мертвыми всех готов, кроме двух, почти никого из имперцев и половину римлян; но пять оставшихся римских свиней, как показало событие, потеряли свою щетину, оставшись без кожи.

После этого у Теодата не осталось сил сражаться, и он закончил свою собачью жизнь собачьей смертью, как мы уже видели.

Отметим также, что в стране царил всеобщее предчувствие грядущей гибели; существовали причудливые знаки и предзнаменования. Мы уже слышали о свиньях, которые предупредили готов. Вот еще одна примета. В Неаполе находилось мозаичное изображение Теодориха; оно периодически разваливалось на куски, и каждое новое падение знаменовало смерть амала. Теперь последние останки дошли до самых ног, и римляне верили, что это предвещает конец династии Амалов. Был и сивиллинский оракул;

"*Quintili mense Roma nihil Geticum metuet*".

И здесь мы находим последний след язычества, той политической мифологии, которая так неразрывно переплелась с жизнью и историей города. Святилище Януса все еще стояло, полностью из бронзы, только достаточно большое, как говорит Прокопий, чтобы вместить бронзовое изображение Януса Бифронса. Ворота в христианские века никогда не открывались, даже в военное время. Теперь люди ходили по ночам и пытались открыть их силой, но едва ли это удавалось.

Белисарий поставил в Риме гарнизон, а готы атаковали его, но тщетно. Вы должны прочитать историю этой знаменитой осады на действительно блестящих страницах старого Прокопия, последнего хорошего историка старого мира.

Кроме того, и это самое главное, Белисарий поднял против готов местное население. Как он поступил в Африке, когда за одну короткую кампанию полностью уничтожил теперь уже безродную аристократию вандалов, так он поступил и в Италии. С помощью истинной справедливости и доброты, провозгласив себя освободителем покоренных от ига чужеземных тиранов, он изолировал рабовладельческую аристократию готов от массы жителей Италии.

Белисарий и готы встретились, и готы победили. Но взять Рим оказалось им не под силу, и после этого долгая несчастная война велась и велась над несчастной землей; город за городом были взяты и разрушены, то римлянами, то готами. Земли лежали в запустении, люди исчезали десятками тысяч. Весь тридцатилетний труд великого Дитриха был втопан в грязь.

Были ужасные осады и разрушения с обеих сторон: разграбление Милана готами, разграбление Римини и окрестностей римлянами; ужасы голода в Ауксуме; две женщины, державшие трактир, убили и съели семнадцать человек, пока восемнадцатый не обнаружил ловушку и не убил их. Повсюду, как я уже сказал, тридцатилетний труд доброго Дитриха втопан в кровавую грязь.

Тогда Теудеберт и его лжефранки спустились посмотреть, что им удастся добыть; все они (кроме нескольких рыцарей, окружавших короля) шли пешком, без луков и копий, но вооруженные мечом, щитом и тяжелым короткоручным обоюдоострым франциском, или боевым топором. У моста через Тицинус они (номинальные католики) принесли в жертву готских женщин и детей, совершив ужасные обряды, сражались как с готами, так и с римлянами, потеряли треть армии от дизентерии и снова отправились домой.

Наконец, после новых ужасов, Витигис и его готы были загнаны в Равенну. Юстиниан заключил мир; затем последовали странные перипетии, о которых мы, к счастью, узнали от очевидца, самого Прокопия. Римские генералы снаружи признали свои шансы на успех безнадежными. Готы внутри, уставшие от медлительного Витигиса, обратились к великому Белисарию: "Будет ли он их королем? Королем над ними там, в Италии? Он пообещал, но нарушил свое обещание; и к удивлению и восторгу римлян, простые и честные варвары открыли ворота Равенны, впустили его и его римлян, чтобы найти себя преданными и поработенными. "Когда я увидел, как наши войска вошли, - говорит Прокопий, - я почувствовал, что это дело рук Божьих, чтобы перевернуть их сознание". Готы, - говорит он, - значительно превосходили их числом и силой; а их женщины, воображавшие этих римлян могучими доблестными мужами, плевали в лица своим огромным мужьям и, указывая на маленьких римлян, упрекали их в том, что они сдались таким вот тварям". Но безрассудство было совершено. Белисарий увел их в плен в Константинополь, и так закончился первый акт готской войны.

В момент победы зависть византийского двора разрушила все, что он сделал. Белисарий вернулся с пленниками в Рим, но не с триумфом, а с позором, и Италия осталась открытой для готов, если у них были люди и сердце, чтобы подняться снова.

И они поднялись. Среди остатков рода остался герой, Тотила по имени; тевтон древнего рода. Тотила, "свободный от смерти", "не имеющий смерти", говорят, означает его имя. При нем народ вновь восстал как из-под земли.

Он был тевтоном древнего рода, справедливым и милосердным. Возьмем лишь два примера из его жизни и узнаем человека по ним. Он отвоевал Неаполь. Римляне внутри голодали. Он накормил их, но, чтобы они не умерли от внезапного изобилия, поставил у каждых ворот

стражу и с каждым днем кормил их все больше и больше, пока не стало безопасно выпустить их наружу, чтобы они сами нашли себе пищу в деревне. Один римлянин пришел жаловаться, что гот надругался над его дочерью. Он умрет, - сказал Тотила. Он не умрет, - ответили готы. Он доблестный герой. Они пришли с криками к королю. Он отвечал им спокойно и твердо. Сегодня они могут выбирать: оставить этого человека безнаказанным или спасти готский народ и одержать победу. Разве они не помнят, как в начале войны у них были храбрые солдаты, знаменитые полководцы, несметные сокровища, лошади, оружие и все крепости Италии? И все же при Феодате, человеке, который любил золото больше, чем справедливость, они так разгневали Бога своей несправедливой жизнью, что - что произошло - они знали слишком хорошо. Теперь казалось, что Бог достаточно отомстил им. Он начал с ними новый курс. Они должны были начать новый курс с Ним, и справедливость была единственным путем. Что же касается того, что этот человек был доблестным героем, то пусть они знают, что несправедливые и жестокие люди никогда не были храбрыми в бою; но, судя по жизни человека, такова была его удача в бою".

Его благородные слова сбылись. Слабые полководцы, занявшие место Белисария, были разбиты один за другим, и почти вся Италия была отвоевана. Белисария пришлось снова отправить в Италию: но зависть то ли самого Юстиниана, то ли двух злых женщин, правивших его двором, позволила ему собрать столь малые силы, что он ничего не смог сделать.

Тотила и готы снова спустились к Риму. Белисарий в агонии послал за подкреплением и получил его, но слишком поздно. Он не смог освободить Рим. Готы сгрудились вокруг города, и Белисарий, дойдя до Остии (Портуса) в устье Тибра, не смог пробиться дальше. Это было последнее горе, фактическая смерть-агония древнего Рима. Голод все усиливался и усиливался. Несчастные римляне взывали к Бессасу и его гарнизону: либо накормить их, либо убить, чтобы избавить от страданий. Они не делали ни того, ни другого. Наконец они с трудом смогли прокормить себя. Римляне ели крапиву на развалинах, и даже хуже. Не осталось ни одной собаки или крысы. Они даже убивали себя. Один отец пятерых детей не мог больше выносить их криков о еде. Он завернул голову в мантию и бросился в Тибр, а дети смотрели на него. Оставшиеся в живых бродили по городу, как призраки, коричневые от голода, и падали замертво с полупережеванной крапивой между губами. К этому, говорит Прокопий, судьба привела римский сенат и народ. Нет, не фортуна, а нечестие. Они хотели изобразить из себя свободных, в то время как сами были рабами греха.

А Белисарий все приближался и не приближался. Он пробивался вверх по Тибру; он разорвал цепь Тотилы, сжег башню, полную готов, и город был на грани освобождения, когда один Исаак выставил себя дураком и попал в плен к готам. Белисарию показалось, что Портус, его оперативная база, со всеми припасами и Антонией, никчемной женой, на которую он положил глаз, исчезли. Он потерял голову, был страшно избит, отступил к Остии, и тут наступил конец. Изауры изнутри помогли готам ночью. Асинарийские ворота были открыты, и Рим оказался в руках готов.

И что же оставалось? Вся пышность и слава, все трофеи мира, миллионы жителей?

Пять или шесть сенаторов, укрывшихся в соборе Святого Петра, и около пятисот человек плебса; папа Пелагий, припавший к ногам Тотилы и молящий о пощаде; Рустициана, дочь Симмаха, вдова Боэция, и другие знатные женщины, одетые в рабские лохмотья, без стыда стучались в дверь за дверью, чтобы выпросить кусок хлеба. И это было то, что осталось от Рима.

Господа, я ничего не комментирую. Я не знаю более ужасной страницы в истории Европы. Через такие факты, как эти, говорит Бог. Пусть человек молчит и смотрит на это в страхе и трепете, зная, что написано в древности: "Возмездие за грех - смерть".

Готы хотели убить Рустициану. Она посылала деньги римским генералам; она сбросила статуи Дитриха, мстя за смерть отца и мужа. Тотила не позволил им тронуть ее. Ни служанка, ни жена, ни вдова, говорит Прокопий, не стали хуже для гота.

На следующий день он созвал героев. Он собирается рассказать им старую историю о том, как во времена Витигиса в Равенне 7000 греков завоевали и лишили королевства и свободы 200 000 богатых и хорошо вооруженных готов. А теперь, когда они были сырым сбором, немногочисленным, голым, жалким, они покорили более 20 000 врагов. А почему? Потому что издревле они обращались ко всему, а не к справедливости; они грешили друг против друга и против римлян. Поэтому они должны выбрать: быть отныне людьми справедливыми и иметь Бога с собой, или несправедливыми и иметь Бога против себя.

Затем он посылает за жалкими остатками сенаторов и рассказывает им чистую правду: "Как великий Дитрих и его преемники осыпали их почестями и богатством, и как они отплатили ему за это, приведя греков. И что они получили, сменив Дитриха на Юстиниана? Логофета, который ударами заставил их выплатить деньги, которые они уже заплатили готским правителям; а доходы взимались и на войне, и в мире. Рабами они заслужили быть, и рабами они будут отныне.

Затем он посылает к Юстиниану. Он должен вывести свою армию из Италии и заключить с ним мир. Он будет его союзником и сыном по оружию, как Дитрих был для императоров до него, а если нет, то он убьет сенат, разрушит Рим и пойдет в Иллирикум.

Юстиниан оставляет это на усмотрение Белисария.

Тогда Тотила начинает разрушать Рим. Он рушит стены, он готов сжечь город. Он превратит это злое место в пастбище для овец. Белисарий льстит и уговаривает его отказаться от задуманного, и он уходит со всеми своими пленниками, не оставив в Риме ни одной живой души.

Но Тотила показывает себя полководцем, не способным справиться с этим великим тактиком. Он разделяет свои силы и позволяет Белисарию выйти из Остии и укрепиться в Риме. Готы в ярости от его безрассудства, но уже слишком поздно, и война начинается снова, вверх и вниз по несчастной земле, пока Белисарий не отзывается из-за очередной придворной интриги своей нечестивой жены, и на поле появляется другой, еще более страшный враг - евнух Нарсес, мстящий за свою неправоту своим собратьям хитростью и храбростью почти сверхъестественной. Он идет на них с могучим войском, но не из одних римлян. Он собрал тевтонские племена: герулов, потомков, вероятно, союзников Одоакра; гепидов, которые долгое время вели кровную вражду с готами; и самое ужасное из всех - Альбоина с его пятью тысячами бургундцев, о которых вы еще услышите достаточно. Мы читаем даже о множестве гуннов и персидских дезертирах из Хосроя. Но политика Нарсеса - это старая римская политика: тевтон должен уничтожить тевтона. И это удастся.

Несмотря на некоторые проблемы с франками, удерживающими Венецию, он победоносно шествует по опустошенным землям, и Тотила выходит навстречу ему в Апеннины. Герой произносит свою последнюю речь. Он говорит: "Впредь не будет нужды говорить. Этот день положит конец войне. Пусть они не боятся этих наемных гуннов, герулов, лангобардов, сражающихся за деньги. Пусть держатся вместе, как отчаянные люди". Так они и

сражаются. Готы полностью полагаются на копье, римляне - на правильное использование всех видов оружия. Огромный натиск готских рыцарей останавливается ливнем гуннских и герульских стрел, и они снова и снова в беспорядке откатываются назад: но, несмотря на значительное превосходство римлян в численности, Нарсес лишь в сумерках отдает приказ об общем продвижении своей линии. Готы предпринимают последнюю попытку атаковать, но, пораженные численностью противника, распадаются и, отступая на пеших, повергают их в смятение, и все погибает.

Пешие рубятся на лету. Рыцари спасают свои жизни. Тотилу с пятью всадниками настигает Асбад, вождь гепидов. Асбад опускает копье в покой, не зная, кто перед ним. "Пес, - кричит паж Тотилы, - поразишь ли ты своего господина? Но уже слишком поздно. Копье Асбада пронзает ему спину, и он падает на шею коня. Гот Сципвар (Шипвард) ранит Асбада и сам падает раненый. Остальные уносят Тотилу. Он умирает той же ночью, процарствовав одиннадцать бурных лет.

Готы бегут через По. Остается еще одна борьба за жизнь и еще один герой. Тейя по имени "медленный", медленный, но сильный. Теперь он будет королем. Они поднимают его на щит и собираются вокруг него, отчаявшиеся, но полные решимости умереть. Он находит сокровища Тотилы, спрятанные в Пизе. Он посылает к Теудебальду и его франкам. Помогут ли они ему против римлян, и сокровище достанется им - последний остатокклада нибелунгов. Нет. Люгенфельдцы не придут. Они будут стоять в стороне и смотреть на резню, чтобы получить всю Италию себе. Нарсес берет штурмом Рим - точнее, небольшую его часть вокруг Адрианова мола, который готы укрепили; а готы, обезумев от ярости, бегут в Кампанию.

Эта победа Нарсеса, говорит Прокопий, принесла римскому сенату и народу только еще более страшную гибель. Готы, спускаясь вниз, убивают всех встречных римлян. День благодати, который даровал им Тотила, закончился. Тевтоны в армии Нарсеса поступают точно так же. Какое дело бургундам и герулам до того, кто есть кто, если у них есть что грабить? Тотила разрешил многим римским сенаторам жить в Кампании. Услышав, что Нарсес взял Рим, они начинают стекаться к жутким руинам. Возможно, здесь снова будет призрачный сенат, призрачные консулы, под началом римских номиналистов (*Romani nominis umbram*). Готы ловят их и убивают до единого человека. И наступит конец Сената народных римлян.

Конец уже близок. И все же этих ужасных готов не удастся убить с дороги. На склонах Везувия, у Нуцерии, они укрепляют лагерь; и пока они владеют соседним морем, в течение двух месяцев они держат Нарсеса на расстоянии. Наконец он подгоняет многочисленный флот, отрезает их от снабжения, и тогда наступает конец. Готы гибнут, как отчаянные пешие люди. Они вырываются из лагеря, распрягают коней, следуя моде германских рыцарей - о такой моде в эпоху Средневековья можно слышать снова и снова - и бросаются на врага сплошной колонной. Римляне едва успевают выстроиться в некое подобие линии; и тогда не настоящие римляне, как я полагаю, а бургунды и гепиды, пускают своих коней вскачь, как готы. В тактике нет нужды; бой идет врукопашную; каждый, говорит Прокопий, бросается на того, кто ближе к нему.

Третий день Тейя сражается впереди, укрытый своим длинным пависом, нанося мощные удары копьем по толпе, которая бросается на него, как собаки на кабана. Прокопий потрясен этим человеком. Скорее всего, он видел его своими глазами. По его словам, по доблести он не уступает никому из героев.

Снова и снова в его щит летят дротики. Не сдвинувшись с места, не повернувшись ни на дюйм вправо или влево, говорит Прокопий, он ловит еще один от своего щитоносца и сражается дальше. Наконец в его щите двенадцать копий, и он не может сдвинуть его с места: хладнокровно, словно прикованный к земле, он призывает новые, левой рукой отталкивает врагов, а правой наносит им удары. Но его время пришло. Когда он на мгновение сдвигает щит, его грудь обнажается, и копье пронзает его насквозь. Так погиб последний герой восточных готов. Его голову насаживают на шест и несут вокруг строя для устрашения готов. Готы давно уже не пугаются.

Весь день и весь следующий день германцы сражались, бургунды и гепиды против готов, не давая и не давая сдачи, каждый умирал там, где стоял, пока человеческая сила не перестала выдерживать, а Нарсес сидел рядом, как уродливый тролль, и улыбался, глядя, как тевтон убивает тевтона ради их общего врага. Тогда готы обратились к Нарсесу. Они сражались против Бога. Они хотели сдаться, пойти мирным путем и жить с другими тевтонскими народами по своим законам. Хватит с них Италии, бедняги, и клада nibелунгов. Только Нарсес, чтобы они могли купить еду на обратном пути, должен был дать им свои деньги, которые он захватил в разных городах Италии.

Нарсес согласился. Не было смысла больше воевать с отчаявшимися людьми. Они должны идти с миром. И он сохранил с ними веру. Возможно, он не посмел ее нарушить. Он позволил им уйти, как раненому льву, уползающему от охотника, через Италию и По, чтобы исчезнуть. Они и их имя влились в другие народы, и история больше не знает восточных готов.

Так погибла, по собственным грехам, благородная нация, а погибнув, полностью уничтожила римский народ. После войны и голода, как обычно, последовала страшная моровая язва, и Италия на долгие годы опустела. Отныне население Италии не было римским, а представляло собой смесь всех рас, с самым могущественным, но совершенно новым типом характера. Рим был уже не сенаторским, а папским.

Почему же эти готы погибли, несмотря на всю свою доблесть и патриотизм, от рук наемников?

Несомненно, они были изнурены, как и вандалы в Африке, роскошным южным климатом с его садами, дворцами и винами. Но я уже указывал на более вескую причину: они погибли, потому что были рабовладельческой аристократией.

Мы не должны их винить. Все люди тогда держали рабов, но первородный грех стал их гибелью, хотя они и не знали об этом. Несомненно, он помог им развратиться, склонил их к потворству тем яростным и жадным страстям, которые в конечном счете должны были снизить нравственность рабовладельцев и которые, как сказал им Тотила, навлекли на них гнев небес. Но и это еще не все; хотя они исправили свою мораль, и притом благородно, под суровыми наставлениями страдания, это не могло их спасти. Их погубила слабость, присущая всем рабовладельческим государствам; та самая слабость, которая в прошлые годы погубила Римскую империю. У них не было среднего класса, который мог бы поддержать их запасы, применяя во время войны мирные искусства. У них не было низшего класса, которому они могли бы доверить оружие и из которого они могли бы набирать своих воинов. Они не могли призвать на поле боя все население и, будучи разбитыми на этом поле, вести, как Британия при вторжении, партизанскую войну от леса к лесу и от изгороди к изгороди, пока оставалось хоть какое-то преимущество. Они обнаружили, что представляют

собой небольшую армию джентльменов, рыцарскую и доблестную, какими всегда были рабовладельцы нашей расы; но с каждым днем она уменьшалась от сражений и болезней, не имея возможности пополнить свои ряды; В то время как под ними и отдельно от них лежала огромная масса населения, беспомощного, безоружного, униженного, готового встать на сторону любого, кто даст ему хлеб или позволит заработать его самому (ведь рабы должны есть, даже если их хозяева голодают), и безразличного, а то и враждебного к интересам своих господ, как только эти господа уходили на войну.

В таком случае перед ними не стояло ничего, кроме верного поражения от врага, который мог присылать все новые и новые отряды наемников и владел морями.

Может показаться, что я описываю случай современного и столь же доблестного и благородного народа. Я не называю его имени. Боюсь, параллель будет слишком полной, чтобы вы не догадались о ней.

ЛЕКЦИЯ VII- PAULUS DIACONUS

А теперь я перехожу к окончательному урегулированию вопроса об Италии и лангобардской расе; и чтобы сделать это хорошо, я должен познакомить вас со старым летописцем - очень ценным и, насколько нам известно, верным автором - Павлом Варнефридом, он же Павел Дьякон.

Я не стану утруждать вас долгими комментариями о нем; пусть он, насколько это возможно, сам расскажет свою историю. Возможно, он не всегда будет точен, но более точного рассказа вам никто не даст. В конце концов, вы ничего не узнаете об этом деле, кроме того, что он вам расскажет; так что довольствуйтесь тем, что можете получить. Пусть он покажет вам, какой отчет о своей нации и мире в целом мог дать лангобардский дворянин и священнослужитель в конце VIII века.

Вы помните лангобардов, о которых Тацит говорит: "Longobardos paucitas nobilitat". Паулюс Варнефрид был одним из их потомков, и его история точно передает истину слов Тацита. Он тоже говорит о них как об очень маленьком племени. Он не мог предвидеть, как много значит "благородство". Он знал свой народ как храбрую полуфеодальную расу, которая завоевала большую часть Италии, хорошо обрабатывала ее и управляла ею; теперь она была завоевана Карлом Великим и присоединена к великой Франкской империи, но не потеряла ничего из своего самобытного национального характера. Он не предвидел, что они станут архитекторами, купцами, ювелирами, банкирами, учеными-земледельцами всей Европы. Мы знаем это. Всякий раз, когда в Лондоне или любом другом большом городе вы видите "Ломбард-стрит", старую улицу ювелиров и банкиров, или три золотых ломбардских шара над ломбардской лавкой, или в деревне поле ржи или грядку люцерны, вспомните этот мудрый и благородный народ и поблагодарите ломбардцев за то, что они сделали для человечества".

Паулюс - болтливый историк, но ценный именно потому, что он болтлив. Хотя в середине жизни он стал монахом и дьяконом, он не утопил человека в монашестве и не превратился в космополита, как большинство римских церковников, которые не испытывают ни любви, ни ненависти к людям, кроме как к друзьям или врагам папы или своего аббатства. Он сохранил в себе достаточно ломбардского джентльмена, чтобы гордиться своей семьей, своей страной и старыми легендами своего рода, которые он рассказывает, полужастенчиво, но с явным удовольствием.

Он родился в прекрасном Фриули, за спиной у него - зубчатая снежная линия Альп, а перед ним - солнце, море и равнины По; в детстве он был придворным при дворе Дезидерия в Павии, а затем, когда Карл Великий разрушил лангобардскую монархию, похоже, много времени провел с великим королем в Эксе. Он, несомненно, закончил свою жизнь монахом-бенедиктинцем в Монте-Казино около 799 года; он написал жизнь святого Григория, длинные и многочисленные гомилии, приложение к Евтропию (*Historia Miscella*, как ее обычно называют) вплоть до времен Юстиниана; и, прежде всего, эту историю лангобардов, его предков, которую я возьму в качестве своего текста.

Для меня, как, полагаю, и для великих немецких антикваров, его история кажется образцом истории народа. Вы видите, как народ и его история поднимаются перед вами из басни в факт; из мрачной тьмы неизвестного севера в ясный свет цивилизованной римской истории.

Первая глава - "О Германии, как она питает много людей, и поэтому из нее выходят многие народы". Причина, которую он называет для огромного населения, очень важна. Чем дальше к северу и чем холоднее, тем, по его мнению, здоровее мир и более пригоден для размножения людей; в то время как юг, расположенный ближе к солнечному жару, всегда изобилует болезнями. На самом деле, я полагаю, Италия (весь юг, который он знал) и, возможно, большая часть некогда Римской империи в VI и VII веках были охвачены мором. Разрушенные города, остановленные водотоки, возделанные земли, превратившиеся в болота и пустыни, почва, слишком часто пропитанная человеческими трупами, - все это создавало все условия для моровой язвы. Если некогда густонаселенная римская Кампанья сейчас непригодна для жизни из-за малярии, то какой она должна была быть во времена Павла Варнефрида?

Как бы то ни было, такова его теория.

Затем он рассказывает, как его народ сначала называли винилами и как они вышли из инсулы Скания. Швеция у ранних летописцев часто, естественно, была островом; им был известен только юг. Север был волшебной, неведомой Квенландией, обиталищем йотунов, эльфов, троллей, скрэтлингов и прочих жутких нечеловеческих существ. Винилы обнаруживают, что их становится слишком много для Скандинавии, и делятся на три партии. Двое останутся, а третьи отправятся на поиски своей судьбы. Кто из них отправится, решает жребий. Третьи, на кого падает жребий, выбирают себе в воины двух братьев, Айо и Ибора, и с ними мать, Гамбару, жену Алруны, благоразумную и мудрую, и они отправляются в путь.

Но прежде чем Павел тоже отправится в путь, он должен рассказать пару вещей, которые не должен забыть, о диком таинственном севере, откуда пришли его предки. Сначала о том, как в тех самых крайних уголках Германии, в пещере на берегу океана, лежат семь спящих. Как они попали туда из Эфеса, я не могу сказать, тем более не могу сказать, как они оказались сразу там, на берегу Балтики, и в Эфесе - как верил сам Магомет, и как учил Эдуард Исповедник, и в Мармутье у Тура, и, вероятно, в других местах, помимо этого. Как бы то ни было, вот они, семь мучеников, спят вечным сном в своих римских одеждах, которые какой-то дикарь пытался однажды сорвать с них, и в наказание у него отсохли руки. И Павел верит, что когда-нибудь они проснутся и своей проповедью спасут души язычников - вендов и финнов, которые бродят в тех краях.

Однако это доброе дело сделали тевтонские рыцари, а не семь спящих.

Только, похоже, с ними нет их собаки - священного пса, который стережет их до судебного дня, когда он вознесется на небо вместе с голубем Ноя, ослицей Валаама, верблюдом Албора и всеми святыми животными. Собака, должно быть, осталась в Эфесе.

Затем он должен рассказать нам о скритофиннах Ботнического залива; о диких саамах и финнах, которые теперь отступили перед тевтонской расой. В глазах Пола Варнефрида они - маленькие дикие прыгающие существа, откуда и происходит их название, говорит он, - скритофинны, прыгающие или карабкающиеся финны.

В норвежских сказках Скраттели, Скретлы, часто фигурируют как скачущие гномы, наполовину волшебные^[158]. Норвежские первооткрыватели Америки узнали в эскимосах скрэллингов и бежали от них в паническом ужасе, пока яростная вираго Фрейдиса, жена Торварда и дочь Эйрека Рыжего, не схватила меч мертвеца и не обратила в бегство легион маленьких импов в одиночку.

Другие, более мудрые или слишком мудрые, говорят, что Пол ошибается; что правильное имя - Скрикфины, названные так за их "визг", крик и болтовню, которые, несомненно, маленькие существа издавали достаточно громко.

Как бы то ни было, Павлу (или, скорее, его информаторам, вероятно, вендским купцам, которые приезжали ко двору Карла Великого в Экс, чтобы продать свой янтарь и меха) они представляются прыгающими, как он говорит, за оленями, стреляющими в них из маленького неуклюжего лука и стрел с костяным наконечником и одевающимися в их шкуры. Прокопий тоже знал этих скритфинов (но он, как обычно, запутался в своей географии и поместил их в Ультима Туле или Шетландские острова) и рассказывает, помимо одежды из оленьих шкур, что женщины никогда не кормили детей, а выходили на охоту вместе с мужьями, повесив папуаса на дерево, как это делают сейчас саамы, с куском оленьего костного мозга во рту, чтобы он был занят; И еще, что они приносили своих пленников в жертву богу войны (Марс, как он его называет) жестокими уродливыми способами. Во все это мы можем полностью поверить.

Затем Павел должен рассказать нам, как в стране Скритфин в середине лета почти нет ночи, а зимой почти нет дня; и как тени там очень длинные и сокращаются до нуля по мере того, как они достигают экватора, - где он помещает не только Египет, но и Иерусалим. И как в рождественские дни длина тени человека в Италии составляет девять футов, тогда как в Тотонис Виллам (Тионвилле), как он сам измерил, она равна девятнадцати футам с половиной. Потому что, говорит он проникательно, чем дальше от солнца, тем ближе оно кажется к горизонту. На все это, если вы ответите - но это не история: Я отвечу: но это лучше, чем история. Это история истории. Она помогает вам увидеть, как постепенно познавался мир, как постепенно писалась история, как каждый человек в каждую эпоху добавлял свое маленькое зернышко в огромную кучу фактов и давал им свое приблизительное объяснение, и как с годами взгляд каждого человека на этот удивительный мир становился шире, яснее, справедливее.

И поэтому я совсем не против послушать Павла в следующей главе о двух пупках океана, по одному с каждой стороны Британии - безднах, которые дважды в день поглощают воду и дважды в день извергают ее снова. Павел, как ему кажется, видел прилив, 'Ωκεανοιο ροας, это необъяснимое чудо старых греков и римлян, протекающее далеко внутри страны в устьях Сены и Луары; и ему нужно как-то объяснить это, прежде чем он сможет идти вперед с чистой совестью. Один из пупков, по-видимому, является Малстром в Норвегии. Местонахождение другого не вызывает сомнений. Он находится недалеко от острова Эводия, кажется, Олдерни. Так рассказывал один высокородный француз; его засосало в него, корабли и все остальное, и он спасся, лишь уцепившись за скалу. А через некоторое время края этой бездны обнажились, оставив француза сухим и невредимым, "он так трясся от страха, - говорит Поль, - что едва мог удержаться на месте". Но когда вся вода была

втянута, она снова хлынула наружу и вверх, в огромные горы, и на них корабли француза, к его огромному изумлению, снова появились из бездонной ямы; в один из них он прыгнул, как истинный француз, полностью владея ситуацией, и благополучно добрался до дома, чтобы рассказать Павлу, дьякону. Это не совсем то объяснение приливов и отливов, которого хотелось бы: но если французский дворянин высокого ранга поклянется, что видел это своими глазами, то что может сделать Павел, из обычной вежливости, кроме как поверить ему?

Павел также заметил, что в его Адриатике наблюдается небольшой прилив, и скромно предположил, что на дне этого моря может быть такая же дыра, только маленькая, поскольку прилив очень слабый. После чего, "его *prælibatis*", он вернется, по его словам, к своей истории. И вот он возвращается к знаменитой "*Саге о Лангбарде*", старой истории, которую он превратил из живого тевтонского стиха в мертвую латинскую прозу и называет *De Woden et Frea quædam ridicula fabula*; но не может удержаться, чтобы не рассказать ее, все время извиняясь. Как Винилы (его собственный народ) вышли на бой с Венделами, намного превосходя их числом; и как Гамбара, жена Алруна, воззвала к богине Фрейе, и Фрейя сказала ей, что та из двух армий, которая первой приветствует Водена на восходе солнца, должна победить. Но Винилы далеко на военном пути, и нет времени посылать к ним. Тогда Фрейя велит ей взять женщин Винил, одеть их как воинов, заплести им локоны над губами в бороды и воззвать к Водену; Воден восхищается их длинными бородами и считает их такими доблестными "зверями войны", что дарует им победу.

Тогда Фрейя рассказывает ему, как его взяли в плен, и старый бог смеется до тех пор, пока тучи снова не загрохочут, а Винилы с тех пор зовутся Лангбардр.

Но тут приходит антиквар и говорит, что этимология бесполезна и что *Langbardr* означает длинный топор - (*bard*=an axe) - слово, которое мы сохранили в *halberr*, *hall-axe*, или *guard's pole-axe*; и, возможно, антиквар прав.

Но снова появляется очень ученый человек, доктор Лэтэм^[162], и более чем намекает, что название происходит от *Lange Börde*, длинных лугов на берегу Эльбы: и вот хорошая история рассыпается на куски, и

"Все очарование исчезает
Под прикосновением холодной философии".

Затем следует другая история, возможно, из другой саги. Как из-за сильного голода им пришлось покинуть Скорингию, прибрежную землю, и отправиться в Маурингию - слово, которое г-н Лэтэм связывает с Меровингами, или Меервингами, завоевателями Галлии. Другие говорят, что оно означает болото, трети - что-то еще. Все, что они когда-либо узнают, мы уже можем увидеть сами: маленькое племя доблестных светловолосых мужчин, то ли тевтонов, то ли, как считает мистер Лэтэм, скьявонов. Лэтэм считает, что это склавонцы с тевтонскими вождями, все еще тесно связанные с нашей английской расой своим языком и законами, борющиеся за существование на мрачных коричневых болотах и топях, сеющие немного ячменя и льна, кормящие несколько голов грубого скота, разводящие несколько больших черных лошадей; поколение за поколением пробивающие себе путь на юг, когда они истощают бесплодные северные почвы, или становятся слишком многочисленными для своих походов, или обнаруживают земли, оставленные пустыми перед ними эмиграцией какого-нибудь суэвского, вандальского или бургундского племени. Мы ничего о них не знаем и никогда не узнаем, кроме того, что они носили белые льняные гетры, носили длинные алебарды или топоры с шестами и имели в каждом бессмертную душу, такую же дорогую

Богу, как ваша или моя, с огромными неосознанными способностями, которые их дети прекрасно доказали.

Далее следует другая сага о том, как они встретили ассипитов, о которых, были ли они у Тацита Усипетами с нижнего Рейна или Асабиденами, остатком Асен, которые не пошли в Скандинавию с Одином, мы не знаем, да и не должны знать; и как ассипиты не пропустили их; и как они сказали лангобардам, что в их племени есть собакоголовые люди, которые пьют мужскую кровь, что г-н Лэтэм хорошо объясняет. Лэтэм хорошо объясняет, указывая в "Песне путешественника" на племя хундингов (гончих), сыновей гончей; и как лангобарды послали чемпиона, который сразился с чемпионом ассипитти, и таким образом получили разрешение продолжить свой путь.

Они идут вперед, на юго-восток, кажется, вдоль германских маршей, спорной земли между Тевтоном и Склавом, которая, говоря механическим языком, была бы линией наименьшего сопротивления. Мы слышим о Готланде, где бы он ни находился в то время; об Антаибе, земле, которую удерживали анты-склавонцы, и о Батаибе, возможно, земле, которую удерживали гепиды, или остатки готов, которые оставались позади (как до сих пор говорят уэссекцы), пока готы продвигались вперед; и затем о Бургундхаибе, где бы ни находились бургунды в то время. Я не знаю; и осмелюсь сказать, что никто не может точно знать. Ибо никаких дат не приводится, да и как они могут быть? Лангобарды еще не вышли из мрачной тьмы севера на свет римской цивилизации, и вся их история - это несколько обрывков саг.

Наконец они берут себе короля из рода Гунгингов, Агильмунда, сына Айо, как и все остальные народы, говорит Йорнанд; ведь они больше не будут под властью *duces*, выборных военных королей. И далее следует свежая сага (повторяющаяся в мифах нескольких народов) о том, как женщина рождает семерых детей и с позором бросает их в пруд, а король Агильмунд, проезжая мимо, останавливается посмотреть и переворачивает их своим копьем; И один из младенцев попадает к нему в руки, и король говорит: "Это будет великий человек", и вынимает его из пруда, и называет его Ламиссон, "сын рыбного пруда" (так это толкуется), который вырастает в могучего человека Кемпера и убивает амазонку. Когда они приплыли к какой-то реке, амазонки запретили им проплыть мимо, если они не сразятся со своей чемпионкой; Ламиссон переплыл ее, сразился с девой-воительницей и убил ее; и они поплыли дальше и пришли в большую землю и тишину, где-то около Силезии, кажется, и пробыли там долгое время.

Затем на них ночью приходят дикие булгары, убивают короля Агильмунда и уносят его дочь; Ламиссон следует за ними, побеждает их с большой резней и становится королем, и так далее, пока, наконец, они не попали - как, мы никогда не узнаем - на историческую территорию и в исторические земли. Ибо когда Одоакер со своими турклингами и другими конфедератами вошел в Ругиланд, страну к северу от Вены, и уничтожил ругиев и Фаву, их короля, тогда лангобарды спустились в пустынную землю ругиев, потому что она была плодородной, и пробыли там несколько лет.

Затем они снова двинулись дальше, мы не знаем почему, и поселились на открытых равнинах, которые называются фельд. Кто-то говорит "Моравия", но это они, конечно, оставили позади. Скорее это западная равнина Венгрии около Коморна. Как бы то ни было, они поссорились там с герулами. Евтропий говорит, что они платили герулам дань за землю и предлагали платить больше, если герулы не будут на них нападать. Павел рассказывает дику сагу, или историю, о том, как дочь лангобардского короля оскорбила герульского принца, потому что он был невысокого роста: он ответил каким-то ответным оскорблением, и она, разъяренная, заколола его сзади через окно, когда он сидел к нему спиной. Затем

началась война. Герулы, старые и опытные воины, прошедшие обучение в римских войсках, презирали диких лангобардов и не желали использовать против них доспехи, сражаясь без одежды, только подпоясавшись. Родульф, их король, слишком уверенный в победе, сел играть за столы и послал человека на дерево посмотреть, как идет бой, сказав ему, что отрубит ему голову, если тот скажет, что герулы бегут; затем, охваченный тайным беспокойством о конце, сам произнес роковые слова; и на герулов нашло безумие от Бога; когда они пришли к полю льна, то приняли голубые цветы за воду, раскинули руки, чтобы переплыть его, и были все зарублены беззащитными.

Затем они воевали с суэвами, и дочери их королей выходили замуж за королей франков, а затем правили Олдвином (имя, которое доктор Лэтэм отождествляет с нашим английским Eadwin, или Edwin, "благородный завоеватель", хотя Гроций переводит его как Audwin, "старый или усталый завоеватель"), который привел их через Дунай в Паннонию, между Дунаем и Дравой, примерно в 526 году. Прокопий говорит, что они прибыли по пожалованию императора Юстиниана, который отдал в жены Олдвину внучатую племянницу Дитриха Доброго, уведенную в плен с Витигисом в Визант.

Таким образом, наконец, они тоже достигли преддверия Римской империи и ждут своей очереди уклада Нибелунгов. Им предстоит еще одна борьба, самая страшная из всех, и тогда они на некоторое время станут самым важным народом тогдашнего мира.

Перед ними - гепиды в Венгрии, ныне великий народ. С тех пор как они помогли победить гуннов при Нетаде, они удерживают за собой старое королевство Атилы и не пытаются продвинуться на юг империи; так они оправдывают свое название.

Непрерывно идут беспорядочные войны; Юстиниан, согласно рассказу Прокопия, играет с каждым из них в ложь, чтобы заставить их уничтожить друг друга. Однажды (это рассказ Прокопия, а не Павла) они встречаются для великой битвы, и обе армии разбегаются в паническом ужасе, а Олдвин Ламбардский и Торисенд Гепидский остаются одни, лицом к лицу - это рука Божья, говорят два диких короля - Бог не хотел, чтобы эти два народа уничтожили друг друга. Поэтому они заключают перемирие на два года. Затем гепиды призывают на помощь кутугуров, гуннское племя; затем, говорит Прокопий, Олдвин, которому помогали римские наемники под командованием Амальфрида Готского, внучатого племянника Теодориха и шурина Олдвина, вступает в великую битву с гепидами. Но Павел ничего об этом не знает: вместе с ним гепидов уничтожает не Олдвин, а Альбоин, его сын. Альбоин, по переводу Гроция, - это Albe-win, "тот, кто побеждает всех", но доктор Лэтэм, верный своему мнению о тесной связи лангобардов и англов, отождествляет его с нашим Ælfwine, "феей-завоевательницей".

Олдвин, говорит Павел, и Торисенд сражались в Асфельде - где бы это ни было, - и лангобардский принц Альбоин убил гепидского принца Торисенда, а гепиды были побеждены с большой резней.

Тогда молодой Альбоин попросил отца позволить ему сесть с ним за стол. Нет, по лангобардскому обычаю он не мог этого сделать, пока не станет сыном-оруженосцем какого-нибудь соседнего короля.

Юный Альбоин берет сорок танов и отправляется ко двору Торисенда, как гость своего врага. Обряды гостеприимства священны. Король принимает его, пирует, усаживает его, убийцу своего сына, на место своего мертвого сына. И, глядя на него, он вздыхает; наконец он не может больше сдерживаться. Место, говорит он, мне нравится, но не человек, который на нем сидит. Один из его сыновей подхватывает огонь и начинает оскорблять лангобардов и

их белые гетры. У вас, ломбардцев, белые ноги, как у многих племенных кобыл. Ломбардец вспыхивает. Поезжайте в Асфельд, и вы увидите, как умеют брыкаться лангобардские кобылы. Кости твоего брата валяются там, как кости какой-нибудь жалкой клячи. Это уже слишком; выхватывают мечи, но тут вскакивает старый Торисенд. Он накажет первого, кто нанесет удар. Гости - это святое. Пусть они снова сядут и спокойно выпьют свой напиток. А после того как они напьются, он отдает Альбоину оружие его покойного сына и отпускает их с миром, как благородный джентльмен.

Этот великий старый король умирает с миром. Олдвин умирает так же, и им на смену приходят их сыновья, Альбоин и Кунимунд - последний, вероятно, тот самый принц, который пошутил о выводке кобылиц, и они вдвоем будут вести борьбу. Кунимунд, говорит Павел, начал войну - конечно, это его история. Альбоин становится великим человеком, он женился на дочери Клотаря, короля франков, и теперь он берет в союзники аваров, только что ворвавшихся в империю, дикий народ, который впоследствии основал великое королевство в придунайских землях, и они опустошают земли Кунимунда. Однако сначала он сразится с лангобардами: с аварами он разберется после. Он и его, говорит Павел, убиты до единого человека. Альбоин делает из его черепа чашу для питья, уносит его дочь Розамунду ("Розовый рот"), а также множество пленников и огромные богатства. Гепиды исчезают из истории; по сей день (говорит Павел) они рабы либо лангобардов, либо гуннов (под которыми он скорее подразумевает аваров), а Альбоин становится героем своего времени, прославленным до времен Павла в сагах, саксонских и баварских, а также лангобардских, за свою щедрость и славу. Сейчас мы увидим, как ему выпал шанс заполучить клад Нибелунгов.

Он достаточно наслышан (как и все тевтоны) об Италии, ее красоте и слабости. Он послал пять тысяч отборных воинов в Нарсес, чтобы помочь ему против Тотилы и остготов; и они рассказали ему о прекрасной и большой земле с ее виноградниками, оливковыми рощами и садами, опустошенной войной и мором и вызывающей к людям, чтобы они пришли и снова ее возделали.

Сейчас в Италии не осталось силы, которая могла бы противостоять ему. Да и во всем римском мире их почти не осталось. Пришла чума, чтобы добавить свои ужасы ко всем остальным ужасам времени - настоящая старая чума, насколько я могу судить, порожденная, как говорят, сербонским болотом; чума, которая посетила Афины во времена Сократа и Англию в семнадцатом веке; а после чумы - голод; горе за горем, на протяжении всех мрачных дней Юстиниана, демона-императора. Остроготы, как вы знаете, вымерли как народ. Два потока франков и альменов, которые под предводительством двух братьев Буккелина и Лотаря, все пешие (ибо французы, как и теперь, не были всадниками), во время готской войны вкатились в Италию, были поглощены, как и все остальное, в роковой пропасти Италии. Лотарь и его армия, вернувшись с награбленным добром, сгнили, как овцы, у озера Бенакус (ныне Гарда) от пьянства и чумы. Буккелин, засевший среди своих разбойничьих повозок у потока Вольтурно на далеком юге, тщетно ждал мертвого брата и его мертвое войско, пока Нарсес не пришел на него со своей армией обученных герулов и готов; франкский топор и колючая пика оказались бесполезными перед стрелами и конницей римлян; и от всего этого могучего войска осталось не более пяти альменов, говорит один. Страшно подумать: 75 000 человек, говорят, в одной колонне, 100 000 - в другой; и как вода, они текли по земле; и как вода, они погружались в землю и не оставляли следов.

И вот Нарсес, поставленный экзархом Равенны, своего рода сатрапом, как у персидских императоров, и представлявший константинопольского императора, за все свои завоевания и труды был вознагражден позором. Он, как евнух, любил деньги, говорили они, и, как евнух,

был суров и жесток. Императрица Софья, слишком охотно слушавшая придворных, велела ему "оставить мужчинам оружие и вернуться во дворец, чтобы пряхть среди служанок". "Скажи ей, - сказал ужасный старый бес, - я спряду ей такую нить, которую она не сможет распутать".

Он ушел, замененный Лонгином; но не в Константинополь. Из Неаполя он послал (так говорит Павел Диакон) к Альбуину, чтобы тот приехал и попытал счастья в качестве короля Италии. Он также послал (так говорит старый Павел) подарки, чтобы искушить простых лангобардов - такие подарки, которые понравились бы детям - все фрукты, которые росли в итальянских садах. Хотя золото исчезло, эти фрукты остались. Великие они были дети, эти тевтоны, как я уже говорил вам вначале; и Нарсес хорошо знал это и использовал их в своих целях в течение многих лет.

Тогда в Италии по ночам видели страшные знамения: огненные армии, сражающиеся в небе, и потоки крови над головой, предвещающие кровь, которая должна пролиться.

Посылали его или нет, но король Альбоин пришел, и с ним все его войско и огромное множество людей, женщин, детей и рабов: баварцы, гепиды, булгары, сарматы, паннонцы, суэвы и нориканцы, чьи имена (говорит Павел) до сих пор сохранились в названиях деревень, где они поселились. Вместе с Альбоином пришли и саксы, не менее двадцати тысяч, с женами и детьми. А король франков Сигеберт поселил суэвских поселенцев на землях, которые оставили саксы.

Альбоин отдал свои собственные венгерские земли своим друзьям аварам с условием, что получит их обратно, если ему придется вернуться. Но он так и не вернулся, ни он сам, ни его лангобардский хозяин. На этом все и закончилось. Последнее вторжение в Италию. Посев, раз и навсегда, итальянского народа. Свежие народы все еще теснились в тылу Альп, ожидая своей очереди войти в Сказочную страну - возможно, не зная, что там не осталось ничего, кроме пепла и крови, - но теперь их шанс был исчерпан: в Италию шел народ, способный удержать то, что он получил.

В пасхальный вторник 568 года они пришли по старой дороге, по пути Алариха, Дитриха и других, по перевалу из Карниолы, через который сейчас проходит железная дорога из Лайбаха в Триест. В те дни он, должно быть, был белым от костей двухсотлетней давности. В горах они нашли бизонов, ауросенов, говорит Павел, и не удивляется этому, потому что в Венгрии, неподалеку, их много. Один старик рассказал ему, что видел шкуру, в которой пятнадцать человек могли лежать бок о бок. Сейчас, надо сказать, их не осталось, разве что в литовских лесах. Павел из кожи вон лезет, чтобы отметить этот факт, и я тоже.

Альбоин оставил во Фриули сильную стражу, среди которой был и предок Павла, под началом Гизульфа, его племянника, и Марфраиса, или хозяина коня, который теперь стал герцогом Фриули и начальником похода, обязанный не допустить, чтобы авары последовали за ними в их новую обитель. Затем людской потоп медленно распространился по лангобардским равнинам. Никто не сражался с ними, и никто не возражал, ибо вся земля была пуста. Чума, случившаяся за три года до этого, и последовавший за ней голод, по словам Павла, повергли мир в первобытное безмолвие. В деревнях не было ни одного жителя, кроме собак; овцы паслись без пастуха; дикие птицы беззаботно летали по полям. Под апрельским солнцем кукуруза всходила сама собой, виноградные лозы прорастали без обрезки, люцерновые поля оставались незасеянными, когда великий народ лангобардов хлынул на эту пустынную землю и дал ей свое неизменное имя.

Скудное население, измученное несчастьем, бежало на скалы и острова в озерах, а также в портовые города; но, похоже, лангобарды оказались милосердными хозяевами и безропотно склонили шеи под неизбежное иго. Только города, кажется, оказывали сопротивление. Павию Альбоин осаждал три года, но так и не смог взять. Он дал какую-то дикую клятву уничтожить все, что находится внутри, и сдержал бы ее. Наконец они капитулировали. Когда Альбоин въезжал в ворота Святого Иоанна, его конь попятился и не смог подняться, хотя конюхи били его прикладами копий. Призрачный страх охватил лангобардов. Вспомни, господин король, свою жестокую клятву и отмени ее, ибо в городе есть христиане! Альбоин отменил свою клятву, и конь сразу же встал. Так Альбоин пощадил жителей Павии и вошел во дворец старого Дитриха Остроготского, как король Италии, до самых ворот Рима и Равенны.

И каков же был его конец? Такой конец, какой он заслужил, заслужил и выработал для себя. Великий воин, он уничтожил множество народов и завоевал справедливую землю. Справедливый и мудрый правитель, он обустроил Северную Италию по грубой феодальной системе, без кровопролития и жестокости. Страстный дикарь, он умер так, как дикари заслуживают смерти. Вы помните Розамунду, его невесту Гепида? Во время какой-то безумной попойки (возможно, лелея свою старую ненависть к ее семье) он послал ей череп отца, полный вина, и велел выпить раньше всех. Она выпила и отомстила.

Эта история стала всемирно известной из-за своего ужаса, но я полагаю, что должен рассказать ее вам вместо нее: как она пошла к щитоносцу Гельмихису, и тот велел ей позвать Передео, человека Кемпера, чтобы совершить это дело; как Передео интриговал с одной из ее служанок в беседе, и как Розамунда совершила темный поступок и обманула Передео, а затем сказала ему: я твоя госпожа; ты должен убить своего господина, или твой господин тебя. И как он, подобно Гигесу из рассказа старого Геродота, предпочел выжить; и как Розамунда привязала меч короля к его кровати, когда он спал полуденным сном, и Передео совершил убийство; и как Альбоин вскочил и сражался со своим подножием, но тщетно. И как после его смерти Розамунда стала леманом Гельмихиса, как и Передео, и бежала с ним в Равенну со всеми сокровищами и Альпсвинтой, дочерью Альбоина от франкской жены; И как экзарх Лонгин уговорил ее отравить Гельмихиса и выйти за него замуж; и как она подала Гельмихису отравленный кубок, когда он выходил из бани, и он, увидев по свету ее злых глаз, что это яд, заставил ее выпить остальное; и так они оба упали замертво. И как Передео с сокровищами был послан к императору в Константинополь, и как Передео убил в театре большого льва, и как Тиберий, увидев, что он такой могучий человек, велел выколоть ему глаза, и как он спрятал два ножа в рукавах и убил ими двух великих камергеров императора; и так умер, подобно Самсону, говорит старец Павел, получив за потерю глаз хорошую награду - по человеку за каждый глаз.

А старый Нарсес умер в Риме, в преклонном возрасте; его завернули в свинец и отправили в Визант со всем его богатством. Но некоторые говорят, что еще при жизни он спрятал свое богатство в большой цистерне и убил всех, кто знал о нем, кроме одного старика, и поклялся ему никогда не открывать этого места. Но после смерти Нарсеса этот старик отправился в Константинополь к Тиберию Цезарю и рассказал ему, что не может умереть с этой тайной в голове; и тогда Тиберий собрал все деньги, столько, что их пришлось везти много дней, и раздал все бедным, как это было принято.

Миф, басня, но значимая, как еще одна попытка ответить на вопрос, который занимает все умы тевтонцев: что стало с кладом Нибелунгов? Что стало со всеми богатствами Рима?

ЛЕКЦИЯ VIII- ДУХОВЕНСТВО И ЯЗЫЧНИКИ

В своей первой лекции я спрашивал: "Что станет с лесными детьми, если какой-нибудь добрый святой или отшельник не сжалится над ними?"

Я использовал слова "святой" и "отшельник" с особой целью. Именно благодаря их влиянию, реальному или воображаемому, тевтоны после разрушения Римской империи спаслись от превращения в орды дикарей, истребляющих друг друга в непрерывных войнах.

Чем наша раса обязана, добром и злом, римскому духовенству, я сейчас попытаюсь изложить вам.

Отдать им должную долю похвалы и порицания - это, признаюсь, очень трудная задача. Ее можно выполнить, только поставив себя, насколько это возможно, на их место и по-человечески оценив обстоятельства, совершенно новые и неожиданные, в которых они оказались во время тевтонского нашествия. Таким образом, возможно, мы узнаем, что о некоторых из них, как и о других, можно сказать, что "Мудрость оправдывает всех своих детей".

Это тяжелое высказывание для человеческой природы. Оправдать своих детей она может, после того как мы определим, кто будет ее детьми, а кто нет: но всех ли своих детей? Это трудное высказывание. И все же не был ли каждый человек от начала мира, который всей душой старался быть правым и делать добро, ребенком мудрости, которого она, по крайней мере, оправдает, независимо от того, оправдает он себя или нет? У него могли быть свои невежества, глупости, слабости, возможно, преступления: но он служил цели своей могущественной матери. Даже своими глупостями он сделал то, чего она хотела; и она оправдала всех своих детей.

Это может показаться оптимизмом: но это также звучит как истина для любого, кто честно изучил эту фантастическую страницу истории, контраст между старыми монахами и нашими языческими предками. Чем больше человек изучает факты, тем меньше он склонен спрашивать: "Почему это не было сделано лучше?" - тем больше он склонен спрашивать: "Могло ли это быть сделано лучше? Не были ли безбрачные священнослужители с пятого по восьмой век исключительными агентами, приспособленными для исключительного времени и призванными выполнить работу, которую при тогдашнем состоянии европейских рас никто другой выполнить не мог? По крайней мере, так можно предположить, ознакомившись с их хрониками и легендами, достаточными для того, чтобы проникнуться отвращением к злу, заложенному в их системе, но также достаточными для того, чтобы полюбить многих из них самих.

Несколько небрежных зарисовок, некоторые из которых тщательно историчны, а остальные так же тщательно собраны из обычных фактов, могут лучше всего проиллюстрировать мой смысл.

Монах и священнослужитель, будь то безбрачный или нет, работал с язычниками, как правило, в одном из трех качеств: как народный трибун; как отшельник или одинокий пророк; как колонизатор; и во всех трех случаях работал так хорошо, как это свойственно хрупким человеческим существам в этом самом раздробленном мире.

Давайте сначала рассмотрим отшельников. Все знают, какую важную роль они играют в старинных романах и балладах. Но не все знают, что они сыграли столь же важную роль в

реальной истории. Рассеянные по всем диким местам, от скал Гебридских островов до Склавонских маршей, они несут в себе силу, единообразную, надо сказать, во благо.

Каждый знает, как они появляются в старых романах: как некий сэр Бертран или другой, утомленный грузом своих грехов, натывается на одного из этих Einsiedler, "поселенцев-одиночек", беседует с ним и идет дальше мудрым и лучшим человеком. Как он ползет, возможно, из какой-то дикой стычки, "весь в крови", и качается на луке седла; и "когда-либо он ехал через пустынную землю, и скалы грубые и прямые, так что ему казалось, что он непременно умрет с голоду; и вскоре он услышал маленький колокольчик, чему он удивился; и между водой и лесом он узнал часовню и скит; и там святой человек совершал мессу, ибо он был священником, и большой пиявкой, и хитрым. И сэр Бертран вошел к нему и рассказал ему все свое дело: как он сражался с сэром Маркульфом из-за любви к прекрасной Эллинор, и как король велел их разлучить, и как Маркульф сделал ему открытый позор на винной доске, и как он собирался зарубить его наедине, но не смог; И как он пошел и расточил земли Маркульфа, дом с байром, коней с кукурузой, пока одна сильная женщина не ударила его по голове камнем, и все это разбило ему мозги", и так далее - обычная история о безумной страсти, пьянстве, гордости, мести.

И там святой человек прочитал ему правильное благочестивое учение, и острил его, и дал ему клятву на благословенном Евангелии, что он не будет драться, кроме как в ссоре со своим сеньором, в течение года и одного дня. И оставался он там до тех пор, пока не выздоровел, он и его конь".

Разве не должен был тот дикий боец Бертран уйти оттуда более мудрым и лучшим человеком? Стоит ли сожалеть или нет, что в том лесу нашлись такие люди, как отшельник, которые одновременно лечили голову Бертрانا и его нравственность? Стоит ли сожалеть, или нет, что после двадцати или тридцати лет борьбы, ссор и пьянства этот самый сэр Бертран, убедившись, что в целом похоть плоти, похоть очей и гордость жизни были плохими наставниками, и имея весьма достаточное доказательство в лице многих друзей и врагов, что возмездие за грех - смерть, "также обратился к религии и был отшельником в том же месте, после того как святой человек умер; и стал священником той же часовни; и умер в почете, оказав помощь многим добрым рыцарям и путникам"?

Вы прекрасно знаете, что сейчас это было бы неправильно; сейчас это не нужно. Но глупо повторять это, когда вопрос заключается в том, было ли это правильно тогда - или, по крайней мере, настолько правильно, насколько это было возможно тогда? Было ли оно нужно тогда - или, по крайней мере, было ли оно ближе всего к тому, что было нужно?

Если да, то почему бы мудрости не быть оправданной среди всех ее детей?

Остается надеяться, что так оно и было; ведь если кому-то и нужно было быть правым, чтобы не стать самым несчастным из всех людей, так это тем самым старым отшельникам. Постоянно молясь и проповедуя, они жили на пище, которую не ели собаки, в норах, в которых собаки не должны жить. У них были свои причины. Возможно, они лучше всего знали свое дело. Возможно, они также немного знали дела своих соседей; они знали, что такие поколения, в которых они жили, не могут быть научены иначе, как с помощью какого-то экстравагантного примера такого рода, какой-то карикатуры на доктрины, которые должны были быть навязаны. Возможно, ничто менее поразительное не смогло бы тронуть тупые сердца, убедить тупые мозги свирепых, невежественных и неразумных людей.

Свирепость, беззаконие, насилие, жестокость и - когда они насытились и развратились трофеями Римской империи - сексуальность были теми пороками, которые делали Европу

непригодной для жизни порядочных людей, а историю, как назвал ее Мильтон, - просто битвой коршунов и воронов. Что, как не пример отшельника - особенно если этим отшельником была нежная и высокородная женщина, - могло бы научить людей абсолютному превосходству души над телом, духовной силы над физической, духовного над физическим удовольствием и сказать им, не в пустых словах, а в твердых поступках: "Все, чему вы следуете, не есть путь жизни. Напротив, это путь жизни. Возмездие за грех - смерть, и вы обретете ее - в этой жизни жертвами своих собственных страстей и врагов, которых пробуждают ваши преступления, а в жизни вечной попадете в ад. Но я говорю вам, что не собираюсь отправляться в ад. Я хочу попасть на небеса; и я хорошо знаю, что я думаю. Если мир будет таким, как этот, а его правители - такими, как вы, я убегу от вас. Я не войду в общество грешников и не брошу свой жребий вместе с кровожадными. Я останусь наедине с Богом и Его вселенной. Я уйду в горную пещеру или на океанский утес, и там, пока соленый ветер свистит в моих волосах, я буду сильнее вас, безопаснее вас, богаче вас, счастливее вас. Богаче вас, потому что моим спутником будет блаженное видение Бога и всех вещей и существ, подобных Богу, справедливых, благородных, справедливых и милосердных. Сильнее вас, потому что добродетель даст мне такую власть над сердцами людей, какую не может дать вам ваша сила; и вам придется приходить в мою одинокую келью и просить меня дать вам совет, научить вас и помочь вам справиться с последствиями ваших собственных грехов. Я в большей безопасности, чем вы, потому что Бог, на которого я уповаю, защитит меня, а если нет, то у меня есть вечная жизнь на небесах, которую этот мир не может ни дать, ни отнять. Так что идите своими путями, сражайтесь и пожирайте друг друга, жертвы своих похотей. А я хочу быть хорошим человеком; и чтобы стать таковым, я откажусь от всего, что кажется мне достойным жизни, - ведь вы сделали для меня невозможными все другие методы". О! Вместо того чтобы искать недостатки в таких людях; вместо того чтобы, разинув клюв, выискивать элементы манихейства, тщеславия, недовольства, нечеловеческой слабости и невежества, которые могли быть в них, давайте почитаем огромную нравственную силу, которая позволила им так свидетельствовать о том, что не смертное животное, а бессмертный дух есть Человек; и что когда все, что могут дать внешние обстоятельства, отброшено, Человек по-прежнему живет вечно, Богом и в Боге.

И они действительно преподали этот урок. Они были хорошими, в то время как другие люди были плохими; и люди видели красоту доброты, чувствовали ее силу и поклонялись ей в слепом диком восхищении. Почитайте "Vitæ Patrum Eremiticorum" Розведе, почитайте легенды отшельников немецких лесов, почитайте "Жития ирландских святых" Колгана и посмотрите, не является ли среди всех фантастических, невероятных, порой аморальных мифов доброта жизни того или иного человека историческим ядром, вокруг которого кристаллизовались и развивались мифы и поклонение святым.

Возьмем, к примеру, изысканный гимн святой Бриджит, который Колган относит к шестому веку: хотя он, вероятно, гораздо более поздний; это не имеет никакого отношения к аргументу: - "Бриджит, победительница".

Бриджит, победительница, она не любила мир;
Она сидела на нем, как чайка сидит на океане;
Она спала сном пленной матери,
оплакивая отсутствующее дитя.

Она мало страдала от злых языков;
Она хранила благословенную веру в Троицу;
Бриджит, мать моего Владыки Небесного,
Лучшая среди сыновей Господа.

Она не была ни сварливой, ни недоброжелательной;
Она не любила яростных женских перепалок;
Она не была ни змеей, ни лжецом;
Она не продавала Сына Божьего за то, что проходит.

Она не жаждала благ этой жизни;
Она раздавала без желчи, без слабости;
Она не была груба с путниками;
Она ласково обращалась с несчастными прокаженными.

Она построила себе город на равнинах (Килдара);
И умершая, она - покровительница многих народов".

Я мог бы много прокомментировать эту цитату. Я мог бы указать на то, что святую Бриджит называют матерью Господа, а другие - Марией ирландцев, "Automata coeli regina", и, похоже, временами считали аватарой или воплощением Пресвятой Девы. Я мог бы более чем намекнуть, что это прозвище, равно как и название Христа "лучшим из сыновей Господа" в ортодоксальном католическом гимне, похоже, указывает на остатки более древнего вероучения, возможно, буддийского, переход от которого к католическому христианству был медленным и несовершенным. Я мог бы повеселиться над тем фактом, что существует множество Бриджит, некоторые говорят, что одиннадцать, так же как три или четыре святых Патрика; и высказать научные сомнения в том, что такие люди когда-либо существовали, следуя этому страусовскому методу псевдокритики, которая приходит не сверху, от Духа Божьего, и не снизу, от здоровой области фактов, но изнутри, из порочности сердца, оскверняющей человека. Я мог бы ослабить эффект гимна, продолжив его и заставив вас улыбнуться над его детскими чудесами и предзнаменованиями; но я только сделаю глупость, отвлекая ваше внимание от того факта, что святая Бриджит или различные лица, которые с течением времени объединились под именем святой Бриджит, были исключительно хорошими женщинами.

Неважно, насколько исторически достоверны эти легенды. Их ценность заключается в их морали. Что же касается их реальной исторической достоверности, то штрейкбрехерский аргумент, что таких людей не существовало, потому что о них рассказывали ложь, я считаю самым нерациональным. Ложь не была бы выдумана, если бы она не начиналась с правды. Приписываемый им высокий моральный облик никогда бы не приснился людям, которые не видели живых примеров такого характера. Человеческое воображение не создает, оно лишь воспроизводит и рекомбинирует свой собственный опыт. Это происходит во сне. В том, что касается морального облика святого, оно делает это в легенде; и если бы в Ирландии не было людей, подобных святой Бриджит, дикие ирландцы никогда не смогли бы их себе представить.

Поэтому для мудреца, стоящего на вершине Кроаг Патрик, самой великой горы, возможно, с самой великой перспективой на этих Британских островах, не имеет большого значения, как он смотрит на диких ирландцев, которые в шаблонные дни, среди атлантических облаков, ползают на голых и кровоточащих коленях вокруг кельи святого Патрика, - не имеет большого значения, говорю я, для мудреца, владел ли сам св. Патрику принадлежал древний образ, которому поклоняются на этой горной вершине, или древний колокол, который до последних лет висел в святилище, - такой странный продолговатый колокольчик, который ирландские святые носили с собой, чтобы отпугивать демонов - волшебные колокольчики, которые не встречаются (насколько мне известно) в легендах ни одной страны, пока вы не доберетесь до Тартарии и буддистов; - такой колокольчик, который спустился (или не спустился) с небес к св. Сенану; такой колокол, который святой Фурсей послал по воздуху, чтобы приветствовать

святого Куанади на его богослужениях, когда тот не мог прийти сам; такой колокол, в который другой святой, блуждая по лесу, звонил, пока олень не вышел из укрытия и не понес его ношу на своих рогах. Для мудреца так же мало значения имеет, принадлежал ли этот колокольчик святому Патрику, как и то, являются ли все эти детские сны снами. Для него также не имеет значения, стоял ли св. Патрик стоял или не стоял на этой горной вершине "в духе и силе Илии" (в честь которого она и была названа), постясь, как Илия, сорок дней и сорок ночей, борясь с демонами бури, змеями болот и Пейшта-море (чудовищными питонами озер), которые собирались по волшебному звону его колокола, пока он не победил их не грубой силой Геракла и Тесея, победителей чудовищ старой Греции, а духовной силой, о которой (так тогда говорилось в тексте) сказано: "Сей род не выходит иначе, как молитвою и постом", пока он не поразил злых тварей "золотым жезлом Иисуса", и они в страшном беспорядке скатились с утеса и погибли в Атлантике далеко внизу. Но для мудрого человека очень важно, что под всеми этими символами (совсем не детскими, а самыми величественными для того, кто знает, о каком великом месте идет речь) скрывается победа доброго и благодетельного человека над злом, будь то материя или дух. Ему важно, что эта келья, этот колокол, этот образ - знаки того, что если не святой Патрик, то, по крайней мере, кто-то другой жил и поклонялся на этой вершине горы в далекие первобытные времена, в месте, в котором мы не смогли бы, а может быть, и не смогли бы прожить и недели. Для него важно, что человек, живший там, обрел такую власть над умами окружающих его язычников, что пять миллионов их христианских потомков по сей день поклоняются ему и Богу благодаря ему.

Снова святая Ита. Неважно, что она не совершала - потому что не могла - чудес, которые ей приписывают. Неважно, был ли у нее или нет - я не верю, что он был, - регулярно организованный женский монастырь в Ирландии в шестом веке. Неважно, является ли последующая история простой выдумкой монахинь в каком-то последующем столетии, чтобы сделать хорошее название для земель, которыми они владели, - трюк, слишком распространенный в те времена. Но гораздо важнее, что она была такой личностью, что подобная история, рассказанная о ней, вызвала доверие: "Племена Хай-Коннелла, прослышав о ее великой святости, пришли к ней со своими вождями и предложили ей все земли вокруг ее кельи. Но она, не желая связываться с земными заботами, согласилась лишь на четыре акра вокруг своей кельи, чтобы разбить сад из трав для себя и своих монахинь. А простые дикие ирландцы огорчились и рассердились и сказали: "Если ты не хочешь взять его живым, то возмешь, когда умрешь". Тогда они избрали ее своей покровительницей, и она благословила их многими благами, которые исполняются по сей день; а когда она отошла к Господу, они отдали ей всю землю, и ее монахини владеют ею по сей день, землей Хай-Коннелл на восточном берегу Шеннона, у истоков горы Луахра".

Какая картина! Хочется надеяться, что она правдива - ради ее красоты и пафоса. Бедные, дикие, полуголые и, боюсь, по мнению св. Иеронима и других, то и дело людоедствующие кельты, с шафрановыми платками, шкурами, дротиками и клочьями длинных волос, свисающих над их гипогориллами, приходят к деве-пророчице и просят ее взять их землю, поскольку сами они не могут ею достойно распорядиться; позаботиться о них душой и телом, поскольку они не могут позаботиться о себе; помолиться за них ее Богу, поскольку сами они не знают, как Ему молиться. Если кто-то пожалеет, что такое случилось с дикарями на этой земле, то мне, признаюсь, жаль его".

Святой Северин, о котором я уже не раз упоминал, - никто из нас не может поверить, что он заставил мертвый труп (Сильвина, священника по имени) сесть и заговорить с ним на пути к погребению. Никто из нас не должен верить, что он своими молитвами остановил чуму в

Вене. Никто не должен приписывать кому-то, кроме его проницательности, Божественные откровения, благодаря которым он предсказал гибель города за его нечестие и спасся оттуда, подобно Лоту, в одиночку; или то, что во время голода в Вене он узнал, что у одной богатой вдовы в погребах спрятано много зерна: но есть достаточно фактов, достоверных и несомненных, касающихся святого Северина, апостола Австрии, чтобы заставить нас поверить, что и в нем мудрость была оправдана из всех ее детей.

Среди немногих слов, которые были сказаны о святом Северине, можно отметить разрушение, чуму и голод. Эти слова точно характеризуют времена святого Северина и обстоятельства, в которые он добровольно попал. Примерно в середине пятого века в умирающей римской провинции Норикум (так мы теперь называем Австрию) появляется странный господин, красноречивый и ученый, обладающий удивительной способностью плавить и властвовать над сердцами людей. Кто он такой, он не скажет, только скажет, что его зовут Северин, имя, несомненно, благородное. Постепенно выясняется, что он побывал на далеком Востоке, прошел через долгие странствия и странные опасности, через многие города и многие земли, но он ничего не рассказывает. Он - слуга Божий, пришедший сюда, чтобы попытаться быть полезным. Он, конечно, не мог приехать ни по какой другой причине, разве что для покупки рабов; ведь Австрия в те времена была самой дорогой народов, центром человеческого Махлстрома, в котором гунны, гепиды, альманны, ругены и еще дюжина диких племен носились вверх и вниз вокруг голодающих и осажденных римских городов этой некогда плодородной и счастливой провинции. Человек, отправившийся туда ради собственного удовольствия или даже преданности, был бы так же мудр, как тот, кто построил себе прошлым летом виллу на Раппаханноке или удалился для уединенных размышлений во фруктовый сад в Угумоне во время битвы при Ватерлоо.

Тем не менее Северинус оставался там до тех пор, пока люди не начали его ценить и называть, и небезосновательно, святым. Почему бы и нет? Он проповедовал, он учил, он помогал, он советовал, он кормил, он управлял; он отвращал набеги диких германских королей; он обрел божественную власть над их сердцами; он научил их чему-то о Боге и о Христе, чему-то о справедливости и милосердии, чему-то о мире и единстве между собой; Пока по всем Альпам и венгерским маршам не разнеслась слава, что в стране появился пророк Божий; и перед безоружным человеком, постящимся и молящимся в своей уединенной келье на горе над Веной, трепетали десять тысяч рыцарей и чемпионов, которые никогда не трепетали при виде вооруженных воинов.

Кто откажет этому человеку в имени святого? И кто, если бы благодаря проницательности, проистекающей из сочетания интеллекта и добродетели, он иногда, казалось, чудесным образом предсказывал грядущие события, отказал бы ему в имени пророка?

Если святой Северин - тип монаха-пророка, то святой Колумба - тип монаха-миссионера; доброго человека, укрепленного одинокой медитацией, но использующего эту силу не для эгоистичного фанатизма, а для блага людей; невольно выходящего из своего любимого уединения, чтобы спасти души. Вокруг него также группируются привычные мифы. Он изгоняет крестным знаменем чудовище, напавшее на него у брода. Он изгоняет из фонтана дьяволов, которые поражали параличом и безумием всех, кто в нем купался. Он видит пророческим духом, сидя в своей келье в Ирландии, большой итальянский город, разрушенный вулканом. Его друзья видят столб света, поднимающийся из его головы, когда он совершает мессу. Да; но они также рассказывают о нем, "что он был ангельски красив, блестящ в речи, свят в работе, ясен в рассудке, велик в советах". Что он "никогда не проходил ни часа без молитвы, ни святого дела, ни чтения Писания (ведь у этих старых монахов были Библии, и они тоже знали их наизусть, несмотря на все, что пишут об

обратном), что он отличался таким превосходным смирением и милосердием, омывал ноги ученикам, когда они возвращались домой после работы, и нес кукурузу с мельницы на своей спине, что исполнил заповедь своего Учителя: "Кто будет среди вас большим, пусть будет вам слугой".

О нем также рассказывают (и это факт и история), как он покинул свой монастырь Дерм Each, "поле дубов", который мы называем Дерри, и, рискуя жизнью, отправился проповедовать к диким пиктам Галлоуэя, основал великий монастырь Иона и ту череду аббатов, от которых христианство распространилось по югу Шотландии и северу Англии, под руководством его великого преемника Айдана.

У Айдана тоже есть свои мифы. О нем рассказывают, как он утихомирил морские волны святым маслом; как он отвратил от Пенды и его саксов пламя, которым языческий король пытался сжечь стены Бамборо. Но они также рассказывают (и Беда слышал это от тех, кто знал Айдана во плоти) о "его любви к миру и благотворительности, его чистоте и смирении, его разуме, превосходящем скупость или гордость, его власти, как слугителя Христа, в обличении надменных и сильных, и его нежности в облегчении страданий и защите бедных". Кто, кроме того, кто радуется злу, вместо того чтобы радоваться истине, станет хоть на мгновение задерживать свой взгляд на сказках, которые окружают такую историю, пока среди них сияет ясная и чистая, несмотря на все доктринальные ошибки, благодать Божья, подобие Иисуса Христа, Господа нашего?

Далее рассмотрим священника как трибуна народа, поддерживаемого обычно невидимым, но самым мощным присутствием святого, чьи мощи он хранит. Эту сторону его власти можно увидеть в бессмертном рисунке Рафаэля, изображающем встречу Аттилы с папой у ворот Рима, который отшатывается, увидев святых Петра и Павла, грозно парящих над Святым городом. Миф ли это, ложь ли? Не совсем. Такой человек, как Аттила, вероятно, увидел бы их, с его сильным дикарским воображением, неспособным, как ребенок, отличить сны от фактов, субъективный мир от объективного. И в целом для него и для человечества было хорошо, что он думал, что видит их, и трепетал перед духовным и невидимым, признавая более высокий закон, чем собственное честолюбие и своеволие, более высокую силу, чем грубые татарские орды.

Замысел Рафаэля - всего лишь известный пример влияния, пронесшегося по всей длине и ширине разрушенной и умирающей Римской империи в течение четырех страшных веков, последовавших за битвой при Адрианополе. Дикая свобода, мальчишеская дерзость вторгшихся тевтонов никогда не была по-настоящему сдержана, кроме как священником и монахом, поклонявшимся костям какого-нибудь старого святого или мученика, имени которого тевтоны никогда не слышали.

И вот, когда дикий король, граф или граф, со своими дикими рейтарами по пятам, скакал по земле, сражаясь без разбора с римскими врагами и тевтонскими соперниками - преследуя, убивая, сжигая на полях и в диких местах, - он наконец заметил нечто, что заставило его остановиться. Какой-то маленький городок, построенный на развалинах великого римского города, с византийским монастырем, возвышающимся над соломенными крышами, укрывающим их, как дуб укрывает у своего основания вчерашний гриб. Не раз за последние столетие или два этот город подвергался разграблению. Не раз выживший священник выползал из своего укрытия, когда звуки войны стихали, созывал уцелевших бедняков, выкапывал мертвых из горящих руин для христианского погребения, устраивал несколько сараев, кормил вдов и сирот, организовывал хоть какую-то упорядоченную жизнь из хаоса крови и пепла, во имя Бога и св. Квемдеусвульта, чьи кости он охраняет; так он установил

временную теократию и стал своего рода трибуном народа, магистратом и отцом - единственным, кто у них есть. И теперь ему предстоит испытать силу святого Кемдеусвульта против дикого короля и посмотреть, сможет ли он спасти город от очередного разграбления. И вот он выходит - возможно, епископ, со священниками, монахами, распятиями, знаменами, литаниями. Дикий король не должен пройти дальше. Эта земля принадлежит не смертному человеку, а святому Кемдеусувульту, мученически погибшему здесь от рук язычников пятьсот лет назад. Какой-то старый римский кайзер или, может быть, бывший готский король отдал это место святому на вечное хранение, и святой отомстит за свои права. Он очень милостив к тем, кто должным образом почитает его, но очень страшен в своем гневе, если его разбудить. Разве король не слышал, как граф такого-то места всего за сорок лет до того увел девицу из города святого Кемдеусвульта, а когда епископ воспротивился, ответил, что мощи святого ему дороже мощей мертвого осла, и, взяв девицу, ушел? Но не прошло и года, как он упал замертво в своем питейном заведении, и когда пришли положить труп, то оказалось, что дьяволы унесли его и положили на его место мертвого осла.

Во все это епископ охотно поверил. Почему бы и нет? У него не было никакой физической науки, чтобы сказать ему, что это невозможно. С моральной точки зрения, в его глазах это было справедливо, а значит, вероятно; что же касается свидетельств, то в те времена люди довольствовались очень малым, просто потому, что могли получить очень мало. Новости медленно продвигались в безлюдных и бездорожных странах и росли по мере того, как передавались из уст в уста, как это было в Горных горах столетие назад, как это было совсем недавно во время индийского мятежа; пока после того, как какой-нибудь факт за десять лет пересекал несколько гор и лесов, он не принимал совершенно фантастические и гигантские размеры.

И вот дикий король и его дикие рыцари приостанавливаются. Они могут противостоять плоти и крови, но кто может противостоять бесконечным ужасам невидимого мира? Они тоже люди крови, люди злой жизни; и совесть делает их трусами. Они начинают думать, что зашли слишком далеко. Могут ли они увидеть святого и как-то помириться с ним?

Нет. Святой им не виден. Открыть его святилище - значит совершить грех Уззы. Паралич и слепота - самое меньшее, что за этим последует. Но купол, под которым он лежит, могут видеть все люди; и, возможно, святой может слушать, если они будут говорить с ним по-честному.

Они чувствуют себя все более и более неудобно. Этот святой, находящийся на небесах по правую руку от Бога и в то же время в церкви - явно таинственная, вездесущая личность, которая может очень неожиданно зайти им в тыл. А его священники с их книжной ученостью, науками, странными нарядами и песнопениями - кто знает, какими тайными силами, магическими или иными, они могут не обладать?

Поначалу они блеют: как я уже говорил, их нравы и повадки во многом схожи с нравами и повадками, как хорошими, так и дурными, английских мореходов. Но они становятся все более и более беспокойными, полными детского любопытства и неопределенного страха. И вот они входят в город под обещание (которое они с честью выполняют, будучи немцами) не причинять вреда плебсу, полуримским ремесленникам и мещанам, которые поддерживают здесь свою жизнь - последние умирающие остатки цивилизации, и роскоши, и жестокости, и злобы великого римского колониального города; они глазят на новые для них искусства и ремесла; их гостеприимно кормят епископы и священники; А потом они, дрожащие и неловкие, идут в большую церковь; и с удивлением смотрят на фрески и резьбу аркад -

мрамор из Италии, порфиры из Египта, собранные из развалин римских бань, храмов и театров; И наконец они добираются до самого святилища святого - мраморного саркофага, скорее всего, покрытого листьями винограда и плюща, с нимфами и сатирами, давно освященного святой водой для нового и лучшего использования. Внутри него лежит святой, спящий, но постоянно бодрствующий. Поэтому им лучше подумать, в чьем присутствии они находятся, и бояться Бога и святого Квемдеусвульта, и отбросить семь смертных грехов, которыми они осквернены; ведь святой - праведник и умер за праведность; а тех, кто грабит сирот и вдов и предаёт смерти безотцовщину, он не может терпеть; и за ними он будет следить, как орел в небе, и выслеживать, как волк в лесу, чтобы наказать их великой гибелью. Короче говоря, епископ читает королю и его людям благородную и доблестную проповедь, называя вещи своими истинными именами без страха или благосклонности и принимая, на основании одного лишь факта своей правоты, тон спокойного превосходства, который заставляет сильных вооруженных людей краснеть и трепетать перед слабым и беспомощным.

Да. Дух сильнее плоти. "Смиренно склони шею, Сикамбер!" - сказал святой Ремигий великому королю-завоевателю Хлодвигу, когда тот ступил в купель крещения - (не "Всемиловитвейшее Величество", не "Великолепный Сезар", не "Божьей милостью повелитель франков", а Сикамбер, как сейчас миссионер может сказать маори или кафр, - и все же св. Жизнь Ремигия была в руке Кловиса тогда и всегда), - "Сожги то, что ты обожал, и обожай то, что ты сжег! И грозный Кловис дрогнул и повиновался.

Так же поступает дикий король у святилища святого Кемдеусвульта. Он берет свой браслет или драгоценность и вежливо предлагает ее. Не будет ли епископ столь добр, чтобы сообщить великому графу Св. Quemdeusvult, что он не знал о его правах и даже о его имени; что, возможно, он соизволит принять эту драгоценность, которую он снял с шеи римского генерала; что в целом он готов сделать *amende honorable*, насколько это соответствует чувствам дворянина; и надеется, что святой, будучи тоже дворянином, будет удовлетворен этим.

После этого, вероятно, дикому королю покажется, что этот епископ - именно тот человек, который ему нужен, полная противоположность ему самому и его диким всадникам; человек чистый, миролюбивый, справедливый и храбрый; к тому же обладающий безграничной образованностью; умеющий читать, писать, шифровать и накладывать нательные знаки; имеющий целую комнату, полную книг и пергаментов, и карту всего мира; умеющий говорить по-латыни, а может быть, и по-гречески, не хуже одного из этих проклятых человекоядных гренделей, римского адвоката или логофета из Равенны; обладающий к тому же безграничной сверхъестественной силой; - не будет ли епископ столь добр, чтобы помочь ему в споре с графом Босо об их походе в такой-то и такой-то лес? Если бы епископ мог уладить этот спор без лишних ссор, он, конечно, получил бы свою награду. Он подтвердит святому и его бургу все права, дарованные Константином Кайзером, и, кроме того, отдаст ему всю луговую землю в таком-то и таком-то месте, с мельницами и рыбными ловлями, в обмен на блюдо форели от епископа и его наследников, когда бы он ни пришел туда: ведь форель там очень хороша, это он знал. И так заключалась сделка, и укоренялся один из тех любопытных компромиссов между духовными и мирскими властями, о которых можно подробно прочитать на страницах М. Гизо или сэра Джеймса Стивена.

И через несколько лет, скорее всего, король изъявит желание креститься, по примеру своей королевы, которую епископ покорил и которая спустилась в купель несколько лет назад; и он предложит своим всадникам тоже креститься; и они послушаются, видя, что это не может принести им вреда, а может принести пользу; И они соглашались жить более или менее по

законам Божьим и общечеловеческим; и так образовывалось еще одно христианское государство; еще один живой камень (как выражались в те дни) встраивался в великий храм Божий, который назывался Христианством.

Так работа была сделана. Можем ли мы придумать какой-нибудь лучший способ сделать это? Если нет, давайте довольствоваться тем, что это было сделано, и верить, что мудрость оправдывает всех своих детей.

Мы можем возражать против того, что дом-церковь и ее организация выросли (как это было в подавляющем большинстве случаев) вокруг тела святого или мученика; мы можем улыбаться над представлением о невидимом владельце и защитнике земли: но мы не должны упускать из виду тот факт, что без этого авторитета варвары никогда не были бы пробуждены к человечности; без этого авторитета место было бы сметено с лица земли, пока ни один камень не стоял бы на другом: И тот, кто не видит, какой катастрофой для человечества это было бы, должно быть, не знает, что цивилизация Европы - дитя городов; и что наши тевтонские предки были по профессии разрушителями городов и поселенцами, живущими отдельно друг от друга в сельских владениях. Одинокое варварство стало бы уделом Европы, если бы не монах, охранявший мощи святого в крепостной стене.

Это благое дело Церкви по сохранению и даже возрождению муниципальных институтов городов было так хорошо и полно описано месье Гизо, месье Сисмонди и сэром Джеймсом Стивенсом, что я не буду больше говорить об этом, а лишь порекомендую вам прочитать то, что они написали. Далее я хочу обратить ваше внимание на некоторые другие очень важные факты, которые иллюстрирует мой идеальный набросок.

Разница между духовенством и тевтонскими завоевателями была не просто разницей в вероисповедании или цивилизации. Это было фактическое различие рас. Они были римлянами, для которых тевтон был дикарем, говорившим на другом языке, подчинявшимся другим законам, и вся его теория мироздания отличалась от римской. Более того, он был врагом и разрушителем. Тевтон был для них тем же, чем индус для нас, за тем ужасным исключением, что позиции были обратными; тевтон был не побежденным, а завоевателем. Нам легко испытывать гуманность и христианское милосердие по отношению к расам, которыми мы овладели. Римскому священнику было не так легко испытывать их по отношению к расе, которая овладела им. Его отвращение к "варвару", должно быть, поначалу было очень сильным. Он никогда бы не покорила его; он никогда бы не стал добровольным проводником язычников, если бы в нем не было Духа Божьего и твердой веры в Католическую Церковь, к которой должны принадлежать все люди всех рас. Эта истинная и славная идея, единственная, которая когда-либо была или когда-либо будет способна разрушить расовые барьеры и животную антипатию, которую естественный человек испытывает ко всем, кто не принадлежит к его роду: этой идеей владело только римское духовенство; и она покорила его, потому что была истинной и исходила от Бога.

Но именно это различие рас подвергало духовенство большим искушениям. Они были единственными цивилизованными людьми, оставшимися к западу от Константинополя. Они смотрели на тевтона не как на человека, а как на ребенка, которым нужно управлять, которого нужно ласкать, когда он поступает правильно, и наказывать, когда он поступает неправильно, и слишком часто уговаривать его поступать правильно и избегать неправильных поступков. Ремесло все больше и больше становилось их обычным оружием. У них было много оправданий. Их жизнь и имущество постоянно находились в опасности. Хитрость - естественное оружие слабых против сильных. Слишком часто им казалось, что оно не только естественно, но и духовно, а значит, справедливо и правильно.

И снова духовенство было единственным органическим остатком Римской империи. Они претендовали на свои привилегии и земли, дарованные им прошлыми римскими императорами, в соответствии с римским правом. Этот факт, конечно, делал их заинтересованными в увековечивании римского права и внедрении его, насколько они могли, среди своих завоевателей, чтобы вытеснить старые тевтонские законы; и в целом они преуспели в этом. Об этом подробнее далее. Обратите внимание, что, поскольку их права восходили к временам, которые для тевтонов были доисторическими, их утверждения не могли быть проверены завоевателями, не умевшими даже читать. Отсюда возникло искушение подделывать легенды, хартии, дотации, церковную историю всех видов - уродливый и всемирно известный пример, о котором вы услышите далее. С годами они поддавались этому искушению все больше и больше, пока их утверждения по церковной истории не стали такими, что ни один историк не может им доверять без самых обильных подтверждений.

В этом вопросе, как и в других, у них были серьезные оправдания. Они не могли не смотреть на тевтона как на того, кем он был на самом деле и по закону - несправедливым и навязчивым узурпатором. Они не могли не смотреть на свои римские общины и на самих себя как на законных владельцев земли, каковыми они и являлись. Они просто защищали или восстанавливали свои исконные права. Разве цель не оправдывает средства?

Но и это еще не все. Из этой необычной позиции выросла доктрина, которая сейчас кажется нам иррациональной, но тогда она ни в коем случае не была таковой. Если Церковь получила свои права от исчезнувших римских цезарей, как могли тевтонские завоеватели вмешиваться в эти права? Если она и была обязана верностью Константину или Феодосию, то уж точно не Дитриху, Альбуину или Хлодвигу. Она не владела их землями и не платила бы им, если бы могла этого избежать, ни налогов, ни пошлин. Она не признавала суверенитет этих тевтонов как "установленный Богом".

Из этого простого политического факта выросли огромные последствия. Тевтонский король был язычником или арианским узурпатором. В глазах духовенства он не был королем де-юре, пока не был крещен в Церкви, а затем законно помазан духовенством на царство. Таким образом, духовенство постепенно становилось создателем королей; а власть создавать королей влекла за собой соответствующую власть отменять их, если король восставал против Церкви и тем самым отрезал себя от христианства. В лучшем случае он был одним из "князей мира сего", от которых Церковь была свободна абсолютно в духовных вопросах, а в мирских - также де-юре, а значит, и де-факто, насколько ее можно было сделать свободной. Сохранение имущества Церкви от прикосновения рук профанов, даже для того, чтобы оно могло пойти на общие нужды народа, стало священным долгом, незыблемой идеей, за которую духовенство должно бороться, анафематствовать, ковать, если потребуется: но также - по справедливости - умирать, если потребуется, как мученики. Народы этого мира были для них ничем. Войны народов были ничем. Они были народом Божиим, "который жил один и не считался с народами"; их владения были наследием Божиим: и из этой идеи, выросшей (как я уже показывал) из политического факта, возникла та вненациональная и слишком часто антинациональная позиция, которую римское духовенство занимало на протяжении многих веков, и инстинкт которой, по крайней мере, сохранился среди них во многих странах. Из нее же возникла вся последующая борьба между мирской и церковной властью. Бекет, сражавшийся насмерть против Генриха II, не был, как считает М. Тьерри, англосаксом, бросившим вызов норманну. Он был представителем христианского римлянина, бросившего вызов тевтону на основании прав, которые, по его мнению, существовали, пока тевтон был язычником в германских лесах. Постепенно, по мере того как народы Европы становились действительно народами, в

определенных границах и с отдельными христианскими организациями, эти требования церкви становились невыносимыми по разуму и ненужными по факту. Но если бы в них изначально не было инстинкта права и справедливости, они никогда не стали бы неизменной идеей клерикального сознания; нарушение их - единственным необъяснимым грехом; а защита их (как можно убедиться, заглянув в римский календарь) - самым сильным критерием святости.

Да, духовенство верило в эту идею достаточно глубоко, чтобы умереть за нее. Святой Алфег из Кентербери, как говорят, был одним из первых советников позорной выплаты дани: но была одна вещь, которую он не стал бы делать. Он посоветовал бы отдать деньги народа, но деньги своей церкви он не отдал бы. Датчане могли бросить его в грязную темницу: он не стал бы брать хлеб детей и бросать его псам. Они могли бы вытащить его на свою гулянку и угрожать пытками, но под пьяные крики "Золото! Епископ! Золото!" он отвечал только одно - ни гроша. Он не мог ограбить бедняков Христа. И когда он пал, избитый до смерти костями и рогами убитых волов, он умер в вере; мученик за великую идею того времени, что золото Церкви не принадлежит завоевателям мира сего.

Но святой Алфег был англичанином, а не римлянином. Верно по букве: но не по духу. Священник или монах, становясь таковым, в большей или меньшей степени отрекался от своей национальности. Задача Церкви заключалась в том, чтобы заставить его отказаться от нее полностью; заставить его считать себя больше не англичанином, франком, лангобардом или готом, а представителем наследственного происхождения, считающегося тем более реальным, что оно было духовным, а не плотским, Римской Церкви; предотвратить его вовлечение, будь то через брак или иным образом, в дела этой жизни, из которых вытекали бы nepотизм, симония и эрастианское подчинение тем государям, которые должны были бы быть слугами, а не господами Церкви. Для достижения этой цели никакие средства не были слишком дорогими. Святой Дунстан, изгнав женатых светских священников и заменив их монахами-бенедиктинцами из итальянского ордена Монте-Казино, привел Англию в состояние судорог, вверг ее в гражданскую войну, парализовал одного за другим ее монархов и в конце концов оставил ее обессиленной и безвольной, добычей вторгшихся северян: но он по крайней мере сделал все возможное, чтобы королевский дом Сердики и народы, подчинявшиеся этому дому, поняли, что Церковь получает свои права не от них, а от Рима.

Это наследственное чувство превосходства духовенства может объяснить и оправдать многое из их кажущейся лести. Самых порочных королей превозносят, если только они были "erga servos Dei benevoli"; если они основали монастыри; если они уважали права Церкви. Духовенство слишком часто смотрело на светских князей как на более или менее диких зверей, от которых нельзя было ожидать ни порядочности, ни справедливости, ни милосердия; и у них слишком часто были для этого основания. Все, чего можно было ожидать от королей, - это чтобы они, если не считались с людьми, то хотя бы боялись Бога; а если они это делали, то доказательство "божественной благодати" с их стороны было столь неожиданным и важным, что монахи-летописцы превозносили их искренне и честно, оценивая их по тому, что у них есть, а не по тому, чего у них нет.

Только так можно объяснить такой случай, как мнение монахов о Дагоберте Втором, короле франков. В одном и том же повествовании нам рассказывают, казалось бы, без особого чувства несоответствия, как он убил своих собственных родственников и гостей, а кого нет, - как он расправился с 9000 болгар, которым оказал гостеприимство; как он содержал гарем из трех королей и других женщин, столь многочисленных, что Фредегарий не может их упомянуть; а также как, сопровождаемый своим гаремом, он воспевал среди монахов св.

Дениса; как он основал множество богатых монастырей; как он был другом или, скорее, учеником святого Арнульфа Мецкого, святого Омера и, прежде всего, святого Элоя, историю которого я рекомендую вам прочитать, очаровательно рассказанную в "Темных веках" г-на Мейтланда, стр. 81-122. Эти три святых не были лицемерами - Боже упаси! Они были добрыми и честными людьми, которым доверили содержание дикого зверя, которого нужно было гладить и хвалить всякий раз, когда он проявлял признаки гуманности или послушания.

Но горе тому князю, каким бы полезным или добродетельным он ни был в других отношениях, который святотатственно распоряжался имуществом Церкви. Он мог бы, подобно Карлу Мартелу, избавить Францию от язычников на востоке и от мусульман на юге и раз и навсегда спасти христианство от власти Полумесяца в той великой битве на равнинах Пуатье, где арабская конница (говорит Исидор Беджа) разбилась о неподвижную линию франков, как "волны о ледяную стену".

Но если бы он, подобно Карлу Мартелу, осмелился потребовать от церкви налогов и пожертвований на содержание своих войск и спасение церкви и общества, то все его доблести оказались бы напрасными. Какой-нибудь монах непременно увидит его в видении, как святой Евхерий, епископ Орлеанский, видел Карла Мартела (согласно Кьерсийскому собору) "вместе с Каином, Иудой и Каиафой, ввергнутыми в стигийские водовороты и ахеронское горение полувечного Тартара".

Эти слова, которые, с небольшими вариациями, являются обычной формулой проклятия, прилагаемой к монастырским уставам против всех, кто их нарушит, напоминают скорее шестую книгу "Энеиды" Вергилия, чем Священное Писание, и объясняют, почему Данте, естественно, выбирает этого поэта в качестве проводника по своему "Инферно".

Космогония, из которой вытекала такая идея, была достаточно проста. Я, конечно, не высказываю теологического мнения о ее правильности: но как профессор современной истории я обязан изложить вам мнения, оказавшие огромное влияние на историю ранней Европы. Если вы не будете помнить о них, как о неизменном и абсолютном фоне всех человеческих мыслей и действий на протяжении более 1000 лет, вы никогда не сможете понять поступки европейских людей.

Земля, или, по крайней мере, ее обитаемая часть, рассматривалась, скорее всего, как плоская плоскость. Под этой плоскостью, или в центре земли, находилось царство бесконечного огня. В него можно было попасть (как это сделал валлийский рыцарь, спустившийся в чистилище святого Патрика) через определенные пещеры. Прислушавшись к кратерам вулканов, которые были его устьями, можно было услышать крики мучимых в глубинах земли.

В этом "Тартаре" каждый рожденный в мир человек был обречен на бесконечное сожжение заживо: только в Церкви, "extra quam nulla salus", можно было спастись от общей гибели. Но на эту погибель отлучение, выводившее человека за пределы Церкви, обрекало грешника заново, с проклятиями самыми явными и самыми ужасными.

Поэтому высшее духовенство, в руках которого находилась власть анафематствования, твердо верило, что оно может, *proprio motu*, при наличии должных оснований, сжечь заживо любого мужчину или женщину в бесконечные века. Более того, тевтонские миряне, с тем глубоким благоговением перед невидимым, которое они принесли с собой из пустыни, тоже верили в это и трепетали. Эта вера парализовала как самых мудрых, так и самых свирепых. Вместо того чтобы отвратить королей земли, она отдала их, связанных по рукам и ногам их собственной нечистой совестью, во власть духовенства; а вера в то, что Карл Мартель был

проклят, лишь крепче привязала (как хорошо замечает М. Сисмонди) его потомков Карловингов к Церкви, обладавшей столь страшным оружием.

Были ли они правы или неправы в этих убеждениях - вопрос, не подлежащий обсуждению на этой кафедре. Мой долг - лишь указать вам на всеобщее существование этих верований и на тот исторический факт, что они придавали духовенству характер сверхъестественный, магический, божественный, с запасом власти, перед которым трепетали все, от нищего до короля; а также на то, что все схватки между мирской и духовной властью, подобные той, что была между Генрихом и Бекетом, можно справедливо рассматривать только в свете практического значения отлучения, которое Бекет так свободно использовал. Я также должен указать вам, что столь огромная власть (слишком большая для плеч смертного человека) должна была быть, и на самом деле была, страшно злоупотреблена, не только ее непосредственным использованием, но и торговлей с людьми, посредством индульгенций и других способов, для смягчения наказания, которое духовенство могло, если хотело, наложить; И самое страшное, что из всей этой теории возникла система преследований, в которой христианские священники подражали худшим жестокостям языческого Рима на том, казалось бы, неопровержимом основании, что милосердие к преступникам заключается в том, чтобы спасти их или, если нет, то хотя бы спасти через них других, заставив их на несколько часов почувствовать в этом мире то, что они будут чувствовать в течение бесконечных веков в следующем.

ЛЕКЦИЯ IX - МОНАХ-ЦИВИЛИЗАТОР

Историки часто упрекают в том, что они пишут так, будто история королей и принцев - это вся история мира. "Почему вы рассказываете нам, - говорят, - только о браках, престолонаследии, войнах, характерах нескольких королевских родов? Мы хотим знать, какими были люди, а не принцы. История должна быть историей масс, а не королей".

Единственный ответ на эту жалобу, по-видимому, заключается в том, что этот недостаток неизбежен. История масс не может быть написана, пока у них нет истории; и не будет, пока они остаются массой; прежде чем начнется их история, индивиды, сначала немногочисленные, но все более и более многочисленные по мере их развития, должны выделиться из массы и стать личностями, с фиксированными идеями, решимостью, совестью, более или менее отличными от своих собратьев, и тем самым заквасить и возвысить своих собратьев, чтобы и они стали личностями, и действительно людьми. Тогда у них начнется общая история, вытекающая из борьбы каждого человека за утверждение своей личности и своих убеждений. До тех пор пока этот момент не будет достигнут, история масс будет просто статистикой их физического благополучия или неблагополучия, которая (для ранних веков нашей расы) не написана, а значит, и не раскрыта.

Ранняя история тевтонской расы, таким образом, является и всегда должна оставаться просто историей нескольких великих личностей. О многих массовых людях ничего не сказано, потому что говорить было не о чем. Все они ели, пили, женились, обрабатывали землю, сражались и умирали, не совсем жестоко, будем надеяться, но все же в унылом однообразии, не нарушаемом никакой борьбой принципов или идей. Мы знаем, что большие массы человеческих существ жили так во все века и живут так сейчас - татарские орды, например, или процветающие негры центральной Африки: удобные люди, получающие сносное существование, сын за отцом, на протяжении многих поколений, но, конечно, недостаточно развитые или достаточно страдающие, чтобы иметь какую-либо историю.

Я считаю, что в начале среднего века массы были очень обеспечены; настолько, насколько они заслуживали, то есть зарабатывали сами. Конечно, они жили грубовато: но грубость не является дискомфортом, когда вкус не воспитан. Краснокожий индеец так же хорошо спит в вигваме, как мы на пружинной кровати; а ирландские дети так же хорошо растут среди торфяного пепла, как на брюссельском ковре. Человек - очень хорошо устроенное существо, он может жить и размножаться где угодно, если только он может сохранять тепло, получать чистую воду и достаточно пищи. Действительно, наши тевтонские отцы должны были жить в достатке, иначе они не смогли бы размножаться так, как размножались. Пусть их численность и преувеличена, но факт остается фактом: как бы их ни истребляли, римляне или друг друга, они поднимались вновь, как из-под земли, более многочисленные, чем когда-либо. Снова и снова вы читаете о племени, почти истребленном римлянами, а через несколько лет обнаруживаете, что оно прорывается через Пфальцграб или Дунай, более многочисленное и ужасное, чем прежде. Никогда не верьте, что народ, измученный холодом, плохой кормежкой и обучением, мог завоевать Европу перед лицом веков разрушительных войн. Эти самые войны, опять же, могли в долгосрочной перспективе способствовать увеличению численности населения, и по достаточно простой, хотя и часто упускаемой из виду причине. Война выводит землю из оборота, а когда наступает мир, новые поселенцы находят ее непаханой и более или менее восстановленной до первоначального плодородия, и так начинается период быстрого и процветающего роста. Ничем иным нельзя объяснить скорость, с которой нации после самых опустошительных войн восстают, молодые и сильные, как феникс, из своей погребальной кучи. Они начинают заново, как землепашцы на девственной земле, слишком часто питавшиеся пеплом сожженных усадеб и кровью убитых.

Другим элементом утешения мог быть тот факт, что при грубом воспитании в лесу жили только сильные и здоровые дети, а слабые умирали молодыми, и поэтому рынок труда, как мы бы сказали сейчас, никогда не был переполнен. Так было и с нашими цыганами, и со многими дикими племенами - краснокожими индейцами, например, - и этим объясняется их общее здоровье: нездоровые все погибали в первой же борьбе за существование. Но и цыгане, и краснокожие индейцы не увеличиваются в численности, а наоборот; в то время как наши предки быстро росли. С другой стороны, мы имеем, по крайней мере в средние века, свидетельства о таком количестве калек, прокаженных, деформированных и других неспособных людей, что некоторые люди считают, что их было больше в пропорции к населению, чем сейчас. Возможно, так оно и было. Самые сильные и здоровые мужчины всегда уходили на войну, а самые слабые оставались дома, чтобы размножаться, и таким образом возникало нездоровое население. И еще - и это любопытный факт - по мере того, как в стране устанавливается закон и порядок, увеличивается доля неспособных к труду, как телом, так и разумом. Во времена войны и анархии, когда каждый сам за себя, выстоять могут только самые сильные и проницательные. Горе тем, кто не может позаботиться о себе. Глупцов и трусов, слабых и больных убивают, мроят голодом, пренебрегают ими или другими способами доводят до беды. Но когда приходит закон и порядок, они защищают тех, кто не может защитить себя сам, а глупцов и трусов, слабых и больных поддерживают за государственный счет и позволяют им расти и множиться как общественному бременю. Я не говорю, что это неправильно, Боже упаси! Я лишь констатирую факт. Правительство совершенно право, защищая всех одинаково от грубой конкуренции природы, девиз которой - "Горе слабым". Церковь средних веков обязана проповедью и практикой великой христианской доктрины, согласно которой общество обязано защищать слабых. Так было в средние века, но не дальше. Для нашего времени была припасена более высокая и глубокая

доктрина, согласно которой общество обязано делать слабых сильными; реформировать, лечить и, прежде всего, предотвращать с помощью образования, санитарной науки, всех и всяческих средств необходимость реформирования и лечения.

Наука не могла сделать этого в средние века. Но если наука не могла этого сделать, то религия, по крайней мере, пыталась сделать следующее за ней. Монастыри были убежищами, где слабые спасались от конкуренции сильных. Туда стекались бедняки, калеки, сироты и вдовы - в общем, все, кто не мог бороться за себя. Там они находили нечто похожее на справедливость, порядок, жалость, помощь. Даже глупцу и трусу, когда они подходили к монастырским дверям, не отказывали. Бедный полубезумный плут, у которого не хватило ума служить королю, мог служить аббату. Его поставят пахать, возить или косить дрова - возможно, рядом с джентльменом, дворянином или даже принцем, - и он будет жить с ними на равных, а дисциплина будет строже, чем в современной армии; а если он не будет косить дрова или возить быков, как положено, аббат будет пороть его до тех пор, пока он этого не сделает; что, в конце концов, было для него лучше, чем бродить по округе под улюлюканье мальчишек и в конце концов умереть в канаве.

Да и трус - аббат мог сделать его полезным, хотя король не мог. Несомненно, в те времена, хотя и в меньшем количестве, чем сейчас, были люди, которые не могли противостоять физической опасности и буре злого мира, - нежные, нервные, мнительные, женственные натуры; которые, будучи отправлены на битву, скорее всего, сбежали бы. Наши предки, не имея никакой пользы от таких людей, сажали их в болотную яму и накидывали на них барьер, полагая, что они навеки погрузятся в самый низ Хелы. Но аббату такие люди были очень полезны. Они могли научиться читать, писать, петь, думать; часто они были очень умны; из них могли получиться великие ученые; во всяком случае, из них могли получиться святые. Все, что они не могли делать, они могли молиться. И объединенная молитва этих монахов, как тогда считалось, могла взять небеса штурмом, изменить ход стихий, победить Божественную справедливость, отвлечь от человечества гнев оскорбленного Бога. Независимо от того, была ли эта вера правильной или неправильной, люди придерживались ее; и человек, который не мог сражаться плотским оружием, вновь обретал самоуважение, а значит, и добродетель, когда обнаруживал, что сражается, как он считал, духовным оружием против всех сил тьмы^[214]. Первое, в каком свете я хочу, чтобы вы посмотрели на старые монастыри, - это как на защиту слабых от сильных.

Но какое отношение это имеет к тому, что я сказал вначале, что у масс нет истории? А то, что благодаря этим монастырям у масс впервые появилась история, потому что через них они перестали быть массами и стали сначала личностями и людьми, а затем, постепенно, народом. Этого последнего монастыри не могли сделать: но они воспитывали их для того, чтобы они стали народом; и таким образом. Они воспитывали в каждом человеке чувство индивидуальной ответственности. Они учили его, будь то воин или калека, принц или нищий, что у него есть бессмертная душа, за которую каждый должен дать отчет перед Богом.

Разве вы не видите, к чему привело это новое мышление? Обращаясь с людьми как с рабами, как с вещами и животными, многие научились считать себя вещами и животными. Так они превратились в "массу", то есть простое нагромождение неорганических единиц, каждая из которых не имеет в себе источника жизни, в отличие от целого, народа, у которого есть одна связь, объединяющая всех со всеми. В такое состояние впали "массы" французов до революции 1793 года. Массы наших сельскохозяйственных рабочих, "массы" наших промышленных рабочих быстро впадали в это состояние во времена наших дедов. Выбрались ли из него французские массы, еще предстоит выяснить. Английские массы,

благодаря Всемогущему Богу, поднялись из этого состояния; и благодаря тому же самому фактору, благодаря которому поднялись массы среднего возраста - религии. Великое методистское движение прошлого века сделало для наших масс то, что монахи сделали для наших предков в средние века. Уэсли и Уитфилд, а также многие другие благородные души говорили колунам из Нейлси, шахтерам из Корниша и всем разным пьяным огрубевшим парням, живущим как звери, которые погибают: "Каждый из вас - вы, вы и вы - стоите отдельно и в одиночестве перед Богом. В каждом из вас есть бессмертная душа, которая будет вечно счастлива или несчастна в соответствии с делами, совершенными в теле. Целая вечность позора или славы лежит на тебе, а ты живешь как зверь". И в той мере, в какой каждый человек слышал это слово и принимал его к себе, он становился новым человеком, истинным человеком. Проповедники могли смешивать в своем послании слова, с которыми мы могли не соглашаться, апеллировать к низким надеждам и страхам, которые нам было бы стыдно брать в расчет, - так поступали и монахи: но они как-то справились со своей работой; и давайте поблагодарим их, и старых методистов, и любого человека, который в какой бы неуклюжей и грубой манере ни говорил людям, что они не вещи и не части массы, а личности, у которых есть вечный долг, вечная правота и неправота, вечный Бог, перед которым они стоят и который будет судить их по делам их. Правда, это не все, чему нужно учить людей. После того как каждого в отдельности научат, что он человек, их нужно научить, как быть единым народом: но индивидуальное обучение должно быть первым; и прежде чем мы поспешим обвинить индивидуализирующие тенденции старого евангелического движения или монахов средних веков, давайте вспомним, что если бы они не заложили фундамент, другие не смогли бы на нем построить.

Кроме того, они сами строили, как могли, на своем собственном фундаменте. Как только люди начинают быть настоящими людьми, в них зарождается желание корпоративной жизни. Они должны объединиться; они должны организовать себя. Если у них есть обязанности, они должны быть обязанными для своих братьев; если у них есть добродетели и милости, они должны смешаться со своими братьями, чтобы реализовать их.

Одиночки из Фиваиды обнаружили, что они становятся эгоистичными дикими зверями или сходят с ума, если остаются одни; и они объединились в лауры, "улочки" хижин, монастыри под руководством общего аббата или отца. Евангелисты, обращенные в прошлом веке, сформировались в мощные и высокоорганизованные секты. Монастыри средних веков организовывались в искусственные общины вокруг какого-нибудь священного места, обычно под предполагаемой защитой какого-нибудь святого или мученика, чьи кости лежали там. Каждый метод был хорош, хотя и не самый лучший. Ни один из них не поднимается до идеи народа, живущего одной национальной жизнью, под властью одного монарха, представителя всех и каждого в этой национальной жизни, а также исполнителя ее законов. Действительно, искусственная организация, будь то монашеская или сектантская, может стать настолько сильной, что будет мешать национальной жизни и заставит людей забыть о своем настоящем долге перед королем и страной, в самонавязанном долге перед сектой или орденом, к которому они принадлежат. Монашеская организация действительно должна была умереть во многих странах, чтобы национальная жизнь могла развиваться; и роспуск монастырей знаменует собой рождение единой и могущественной Англии. Они или Британия должны были погибнуть. Империя в империи - гораздо больше, чем множество отдельных империй - была элементом национальной слабости, которую можно было допустить в мирное и безопасное время, но не во времена потрясений и опасностей.

Вы, однако, можете спросить, как эти монастыри стали такими могущественными, если они были просто убежищем для слабых? Даже если бы они были (а они были) домами равной справедливости и порядка, милосердия и благодеяния, которые имели мало или вообще не имели места за их стенами, все равно, как, если бы ими управляли слабые люди, они могли бы выжить в великой битве жизни? Овцам было бы плохо жить, если бы они поставили заслоны против волков и договорились не есть друг друга.

Ответ заключается в том, что монастыри не были полностью заселены неспособными. Те же причины, что привели в монастыри людей низкого происхождения, привели туда и высокородных, причем многих из самых высоких. Те же причины, которые привели слабых в монастыри, привели сильных, многих из самых сильных.

Летописи средних веков дают нам длинный список королей, принцев, дворян, которые, сделав (как они считали) свое дело во внешнем мире, уходили в монастыри, чтобы попробовать свои силы в том, что казалось им (и часто было) лучшим занятием, чем вечная круговерть войн, интриг и амбиций, которая была не преступлением, а необходимой участью правителя в средние века. Устав от работы, устав от жизни, устав от тщетной роскоши и тщетного богатства, они бежали в монастырь, как в единственное место, где человек мог обрести немного покоя, подумать о Боге и собственной душе; и вспоминали, работая своими руками рядом с самыми низкородженными из своих подданных, что у них есть человеческая плоть и кровь, человеческая бессмертная душа, как и у тех, кем они правили. Слава Богу, что теперь у великих есть другие способы узнать эту великую истину; что работа жизни, если только она хорошо сделана, научит их ей: но то были тяжелые и дикие времена; и боевые люди едва ли могли узнать, кроме как в монастыре, что есть Бог, который наблюдает за слезами вдов и сирот, и, когда он инквизирует кровь, не забывает о деле бедных.

Такие мужчины и женщины приносили в монастырь весь престиж своего положения, все свои знания о мире; они становились покровителями и защитниками общества, а также подчинялись, обычно с особым смирением и преданностью, его самым суровым и унижительным правилам. Их высокая чувствительность, вместо того чтобы заставлять их уклоняться от трудностей, делала их сильными, чтобы переносить самопожертвование, а часто и самоистязание, которое кажется нам просто невероятным; и жизнь, или, скорее, живая смерть, благородных и княжеских кающихся раннего среднего века, относится к самым прекрасным трагедиям человечества.

В эти монастыри также приходили люди самого высокого интеллекта, к какому бы сословию они ни принадлежали. Я говорю, самого высокого интеллекта. Вполне талантливые люди могли счесть достойным остаться в этом мире и использовать свой ум, чтобы подняться вверх. Самые талантливые из всех были бы теми людьми, которые видят лучшую "карьеру талантов", чем может дать мир; стремятся к более глубокой и возвышенной медитации, чем та, которую можно найти при дворе; к более божественной жизни, более блаженной смерти, чем та, которую можно найти в лагере и на поле боя.

Так и получилось, что в начале средних веков самые умные люди, как правило, находились внутри монастыря, пытаясь моральным влиянием и высоким интеллектом удержать тех, кто снаружи, от разрывания друг друга на куски.

Но эти интеллектуалы не могли оставаться запертыми в монастырях. Ежедневная рутина набожности, даже молчаливое изучение и созерцание, были для них недостаточны, как и для обычного монаха. В них еще оставался резерв силы, который должен быть задействован; и который в человеке, вдохновленном тем Духом, который есть Дух любви к

человеку и к Богу, должен был распространяться во все стороны, чтобы христианизировать, цивилизовать, колонизировать.

Колонизировать. Когда люди легкомысленно говорят об основании аббатства для суеверных целей, они, конечно, не могут знать о состоянии стран, в которых эти аббатства были основаны: либо это первобытный лес, либо едва обработанная пашня, либо, чтобы быть описанным этим ужасным эпитетом из Domesday-book, "wasta" - опустошенная войной. Знание этого факта заставляло их догадываться, что для аббатства почти наверняка найдется применение, не имеющее ничего общего с суеверием; оно имело такое же практическое значение, как и деятельность компании по осушению Алленского болота или прокладка железной дороги через американский лес. Так было, по крайней мере, в течение первых семи столетий после падения Рима; и этим миссионерам-колонизаторам Европа обязана, как я верю, среди сотни преимуществ, и тем, которые оценят все англичане: римское сельское хозяйство не только возродилось в странах, которые когда-то были империей, но и распространилось оттуда на восток и север, в основные дикие районы тевтонской и славянской рас.

Я думаю, что не смогу лучше показать вам, какими людьми были эти монахи-колонизаторы и какую работу они выполняли, чем приведя биографию одного из них; и из многих я выбрал биографию святого Стурми, основателя великого аббатства Фульда, которое находится на центральном водоразделе Германии, примерно на равном расстоянии, если говорить приблизительно, от Франкфорта, Касселя, Готы и Кобурга.

Его жизнь вошла в историю, написанную неким Эйгильсом (святым, как и он сам), который был его учеником и другом. Рассказано естественно и с любовью, но, если я правильно помню, без единого чуда или мифа; живая современная картина такого человека, жившего в таком состоянии общества, какого мы никогда больше не увидим (и, к счастью, не должны увидеть), но которая именно по этой причине достойна сохранения, в знак того, что мудрость оправдывает всех своих детей.

Она подробно изложена в восхитительном "Monumenta Historica" Перца, среди многих других подобных биографий, и если я расскажу ее здесь несколько подробнее, читатели должны простить меня.

Все слышали о маленьком короле Пипине, и многие, возможно, слышали также, как он был могучим человеком и одним ударом отрубил голову льву; и как он был хитрым государственным деятелем, и первым укрепил временную власть пап, и помог им в том отвратительном преступлении - свержении благородного королевства лангобардов, которое стоило Италии веков рабства и позора, и которое еще должно быть искуплено, как кажется, каким-то страшным наказанием.

Но, возможно, не все знают, что у Пипина были большие оправдания - если не за помощь в уничтожении лангобардов, то все же за поддержку власти пап. Ему казалось - и, возможно, так оно и было, - что это единственный практический способ объединить германские племена в один общий народ и прекратить междоусобные войны, в которых они раздирали себя на части. Ему казалось - и, возможно, так оно и было - единственным практическим методом цивилизации и христианизации все еще диких племен, фризов, саксов и скотов, которые теснились в немецких маршах от устья Эльбы до самых Альп. Как бы то ни было, он начал это дело, а его сын Карл Великий закончил его; отчасти хорошо, а отчасти плохо - как, увы, и делается большинство дел на земле. Во времена маленького короля Пипина жил один баварский дворянин и его жена, у которых был сын по имени Стурми; и они привели его к святому Бонифацию, чтобы тот сделал его священником. И понравилось ребенку

благородное английское лицо святого Бонифация, и пошел он с ним охотно, и был ему как сын. А кем был святой Бонифаций? Это долгая история. Достаточно сказать, что он был уроженцем Девона, воспитывался в монастыре в Эксетере; перебрался во Франкенланд, что в низовьях Рейна, и стал миссионером самых широких и возвышенных целей; не просто проповедником и победителем душ, хотя и это, говорят, в совершенстве; но цивилизатором, колонизатором, государственным деятелем. Он и многие другие благородные англичане и шотландцы (ирландцы или каледонцы) работали под началом франкских королей, чтобы обратить язычников в маршах и нести Крест на далекий Восток. Они вели жизнь в бедности и опасности; они были замучены, половина из них, как, наконец, святой Бонифаций. Но они делали свое дело, и, несомненно, они получили свою награду. Они сделали все, что могли, в соответствии со своим светом. Дай Бог, чтобы и мы, которым дано гораздо больше света, делали все возможное". Под началом этого великого гения учился юный Стурми. Обучен (как, возможно, и требовалось для тех, кто должен был выполнять такую работу в такое время) тому, чтобы не иметь ни жены, ни ребенка, ни дома, ни гроша в кошельке; но делать все, что от него требовалось, учиться всему, что он мог, и зарабатывать на жизнь собственными руками; жизнь в горьком самопожертвовании. Сейчас такая жизнь не нужна. Но, возможно, она была необходима тогда.

Поэтому святой Бонифаций взял Стурми с собой в путешествие и в конце концов передал его Вигберту, священнику, чтобы тот подготовил его к служению. "При нем, - говорит его старый летописец, - мальчик начал тщательно знать наизусть Псалтирь, понимать Священное Писание Христа с духовным смыслом, старательно изучать тайны четырех Евангелий и зарывать в своем сердце усердным чтением сокровища Ветхого и Нового Завета. Ибо день и ночь размышлял он в законе Господнем; глубокий в понимании, проницательный в мыслях, благоразумный в словах, прекрасный лицом, трезвый в поведении, благородный в нравах, безупречный в жизни, он сладостью, смирением и щедростью привлек к себе любовь всех".

Он вырос и стал мужчиной; в свое время его рукоположили в священники "по воле и согласию всех", и он "начал усердно проповедовать слова Христовы народу", и его проповедь творила чудеса среди людей.

Три года он проповедовал в своем рейнском приходе, снискав всеобщую любовь. Но на третий год "небесная мысль" пришла ему в голову, что он станет отшельником и поселится в диком лесу. А почему? Кто может сказать? Возможно, безбрачие показалось ему страшным искушением для молодого и красноречивого человека, и он жаждал скрыться от глаз той, которая не должна быть его. И это, в его обстоятельствах, не было глупым желанием. Возможно, ему хотелось хотя бы раз убежать от шума и толчеи внешних вещей и остаться наедине с Богом, Христом и собственной душой. И это не было глупым желанием. Джон Буньян тоже этого желал и нашел то, что хотел, в Бедфордской тюрьме, записал это и напечатал в "Прогрессе пилигрима", который будет жить, пока человек есть человек. Джордж Фокс жаждал этого и сделал себе одежду из кожи, которая не изнашивалась, и жил в дупле дерева, пока тоже не записал плоды своего уединения в дневнике, который будет жить, пока существует человек. Возможно, и юный Стурми жаждал хоть раз испытать, чего он стоит на Божьей земле; сколько он может вынести; какой силой он обладает, чтобы помочь себе, какой отвагой, чтобы жить собственным умом и Божьей милостью, питаясь корнями и плодами, как живут дикие существа. И, конечно, это было не такое уж глупое желание. По крайней мере, ему очень хотелось стать отшельником; но он держал свое желание при себе, пока не явился святой Бонифаций, его епископ, и тогда он рассказал ему все, что у него на душе.

И сказал святой Бонифаций: "Иди, во имя Божие", дал ему двух товарищей и отправил его в "пустыню, которая называется Букония, Буковый лес, чтобы найти место, пригодное для обитания слуг Господних. Ибо Господь в состоянии дать Своему народу дом в пустыне".

И вот эти трое отправились в дикий лес. И "три дня они не видели ничего, кроме земли и неба и могучих деревьев. И шли они дальше, молясь Христу, чтобы Он направил их стопы на путь мира. И на третий день пришли они к месту, которое называется Херсфелт (пух арта?), и обследовали его, и молились, чтобы Христос благословил это место для их обитания; и тогда они построили себе маленькие хижины из буковой коры и прожили там много дней, служа Богу святыми постами, и бдениями, и молитвами".

Разве это не странная история? Так совершенно не похожая на то, что мы видим сейчас; так совершенно не похожая на то, что мы должны видеть сейчас? И все же, возможно, в свое время она была хороша. Она смотрит на нас из глубины веков, как ископаемая кость какого-то старого чудовища, вылезшего из каменоломни. Но старый монстр был хорош в свое время и в своем месте. Бог создал его и нуждался в нем. Возможно, Бог создал этих трех бедных монахов и нуждался в них так же.

Что касается того, что их цели были суеверными, мы сможем судить об этом, когда увидим, что они собой представляли - какой дом они собирались построить для Бога. Что касается их корысти, то, несомненно, они думали, что должны принести пользу своим душам в этой жизни и в жизни будущей. Но вряд ли стоит винить их за это, не так ли?

Не обвинять же их в эгоизме и подлости, если бы они занимались коммерческой деятельностью? Почему же тогда, если речь идет о религии? Купец-авантюрист - часто благородный тип человека, которому мир обязан многим, хотя его руки не всегда чисты, а глаз - один. Монах-авантюрист средних веков - это, пожалуй, еще более благородный тип человека, которому мир обязан еще больше, хотя его глаз тоже не всегда был чист, как и его руки.

Что касается эгоизма, то следует помнить, что люди, ушедшие в этот мрачный "урвальд", должны были молиться в буквальном смысле "чтобы Христос направил их ноги на путь мира"; и, должно быть, они заботились о своих словесных интересах не меньше, чем те, кто марширует под пушечным выстрелом. Их жизни в том лесу не стоили и двадцати четырех часов, и они это знали. Неприятно безоружному человеку без компаса пробираться через буш Австралии или Новой Зеландии, где нет диких зверей. Но еще уродливее было пускаться в путь под темной крышей этого первобытного леса. Рыцари, выезжая на нем, шли вооруженные до зубов, как Синтрам, через темную долину, уповая на Бога и свой добрый меч. Казначей и купцы пробирались через него по нескольким тропам большими компаниями, вооруженные билами и луками. Крестьяне заходили в нее на несколько миль, чтобы нарубить дров и найти корм для своих свиней, и шептали дикие легенды о всяких гадостях, которые там водились, а иногда и вовсе не возвращались домой. Вдаль от прекрасного Рейнланда, волна за волной, дуб и ольха, бук и сосна, один Бог знал, как далеко, в страну ночи и чудес, и бесконечной неизвестности; полную лосей и бизонов, медведей и волков, рысей и обжор, и, возможно, еще более страшных зверей. Стурми и его товарищи могли бы встретить и более страшных зверей, если бы встретили их в человеческом обличье. Ведь там были бродяги и бродяжки варварства, куда более уродливые, чем все бродяги и бродяжки цивилизации, пограничные хулиганы крайнего запада, буканьеры Тропических ключей, цимаруны Панамских лесов; люди, превращенные в подобие зверей, дикие звери, хюнеры, людоеды, волки, сильные воры и разбойники, многие из которых, возможно, были просто жестокими маньяками; Голые, живущие в пещерах и

укрытиях, не знающие законов, кроме собственного голода, ярости и похоти, питающиеся часто человеческой плотью, и горе женщине, ребенку или безоружному человеку, попавшему в их безжалостные лапы. Орсон и подобные ему человеческие отродья дикой природы сейчас забавляют детей в сказках, а тогда они были уродливыми существами из плоти и крови. Там тоже были язычники, небольшими колониями: язычники саксы, самые жестокие из всех племен; они поклонялись Ирменсулу и вели старую кровную вражду с франками; язычники тюринги, убившие в Вюрцбурге святого Килиана Ирландца; язычники рабы разных племен, которые ввели в Европе обычай закалывать своих пленников; и горе христианскому священнику, попавшему в руки любого из них. Быть побитым головой перед каким-нибудь уродливым идолом было для них самой мягкой смертью. Они называли бы это мученичеством и вратами вечного блаженства; но они были не менее храбрыми людьми, чем те, кто пошел на это.

А помимо всего этого, и даже хуже, чем все это, существовали ужасы невидимого мира, очень реальные в глазах этих бедных монахов, хотя и не в наших. Там были никсы в ручьях, кобольды в пещерах, Тангейзер в темных сосновых лесах, которые ненавидели человека-христианина и заманивали его на смерть. Были там и прекрасные лебединые девы, и эльфийские девы, и сама госпожа Венера, и танцовщица Иродиада со всеми своими гуляками, которые соблазняли его на грех и, заставив продать душу, погубили бы и тело, и душу в аду. Сатана и все дьяволы тоже замыслили помешать христианину строить дом Господень и проповедовать Евангелие язычникам; они готовы были вызвать бури, наводнения и лесные пожары, сбросить с обрыва скалу или гниющее дерево на их незащитные головы - все это было реально и страшно в глазах этих бедных монахов, когда они шли, распевая псалмы и читая Евангелия, и молили Бога спасти их, ибо сами они спастись не могли; и направить их, ибо они, подобно Аврааму, не знали, куда идут; и указать им место, где они должны построить дом Господень и проповедовать праведность, мир и радость в Святом Духе окружающим язычникам. Мы до сих пор, хвала небесам, говорим о героях и понимаем, что должно означать это великое слово. Но разве эти бедные монахи не были героями? Рыцари-избавители от Бога, выполнявшие Его работу так, как умели. У нас Евангелие чище, чем у них: мы лучше понимаем наши Библии. Но если бы они не сделали того, что сделали, где бы сейчас было наше Евангелие и наша Библия? Мы не можем сказать. Старая мудрая фраза наших предков гласит: "Не говори плохо о мосте, который тебя перекинул".

Если у Стурми было "святое желание" попасть в дикий лес, то теперь у него было "святое желание" вернуться назад; найти святого Бонифация и рассказать ему, какое приятное место Херсфельт, и о качестве почвы, и о направлении водораздела, и о лугах, и о родниках, и о многом другом, в самом практическом смысле. И святой Бонифаций ответил, что место кажется достаточно хорошим, но он боится за них из-за диких язычников-саксов. Они должны углубиться в лес, и тогда они будут в безопасности. Тогда он вернулся к своим товарищам, и они смастерили себе каноэ, и пошли на веслах вверх и вниз по течению Фульды, под ольховыми ветвями, "пробуя устья горных потоков и высаживаясь, чтобы осмотреть холмы и хребты" - пионеры цивилизации, тем более что они прокладывали путь во имя Того, Кто сотворил землю и небо: но они не нашли ничего, что, по их мнению, могло бы подойти благословенному св. Бонифация, разве что остановились ненадолго в месте, которое называется Руохон-бах, "бурный ручей", чтобы посмотреть, подойдет ли оно; но оно не подошло. Тогда они вернулись в свои березовые хижины, чтобы снова поститься и молиться.

Через некоторое время святой Бонифаций послал за Стурми, вероятно, в Майнц, чтобы узнать о его успехах; и Стурми бросился перед ним на колени, а Бонифаций поднял его, поцеловал и заставил сесть рядом с собой, что было большой честью, ибо св. Бонифаций, монах без гроша в кармане, был в тот момент одним из самых могущественных людей Европы; он угостил Стурми хорошим обедом, в котором тот, несомненно, нуждался, и велел ему не падать духом и снова искать то место, которое Бог, несомненно, приготовил и откроет в свое время.

И на этот раз Стурми, вероятно, умудренный опытом, решил идти один, но не пешком. Поэтому он взял с собой надежного осла и столько еды, сколько смог навьючить на него, и с топором в руках ускакал в дикий лес, распевая свои псалмы. И каждую ночь, прежде чем лечь спать, он рубил сучья и ставил их кольцом вокруг себя и осла, чтобы обескуражить волков, которые очень хотели и до сих пор хотят полакомиться плотью осла. Это, несомненно, причудливая картина, но давайте уважать ее, хотя и улыбаться над ней, если мы тоже храбрые люди.

Однажды он попал в большую беду. Он подошел к старой дороге (римской, я полагаю; ведь тевтоны, будь то в Англии или в других странах, до трехсот лет назад и не думали делать дороги, а пользовались старыми римскими), которая вела из Тюрингенской земли в Майнц. И у брода через Фульду он встретил великое множество купальщиков, язычников-склавонцев, идущих на ярмарку в Майнц. От них так сильно пахло, от этих нечестивцев, что осел Стурми попятился и отказался с ними встречаться; да и сам Стурми был не в духе, ибо они стали насмехаться над ним (возможно, он чуть не проехал по голове осла) и собирались его обидеть.

Но, - говорит летописец, - сила Господня удержала их".

Тогда он пошел дальше, благодарный за то, что ему удалось избежать смерти, вверх и вниз, туда и обратно, исследуя и осматривая местность - с какой целью, мы увидим далее. И наконец он заблудился в месте, которое называется Айхен-лох, "поляна дубов", и на закате ночи услышал плеск воды, не зная, кто его издал - человек или дикий зверь. Не решаясь окликнуть, он постучал топором по стволу дерева (можно предположить, что это был знак какого-то деревенского жителя тех времен), и ему ответили. И пришел к нему лесник, ведя за собой лошадь своего господина; человек из Веттерау, знавший лес вдоль и поперек, и рассказал ему все, что он хотел знать. И спали они в ту ночь бок о бок, а утром благословили друг друга, и каждый пошел своей дорогой.

Да, в те давние времена были не только короли и войны, папы и советы; были и настоящие люди, такие, каких мы можем встретить на обочине в любой час, с человеческими сердцами и историями внутри. И мы будем благодарны, если хоть один из них, время от времени, вынырнет из тьмы двенадцати сотен лет, как тот добрый лесничий, посмотрит на нас человеческими глазами и снова пойдет своей дорогой, благословляя, а не оставаясь не благословленным.

Теперь Стурми знал все, что ему нужно было знать; и через некоторое время, следуя совету лесника, он пришел к "благословенному месту, давно приготовленному Господом". И когда он увидел его, то исполнился безмерной радости и продолжал ликовать, ибо чувствовал, что заслугами и молитвами святого епископа Бонифация это место было открыто ему. И он ходил вокруг него и около него полдня; и чем больше он смотрел на него, тем больше благодарил Бога"; и те, кто знает Фульду, говорят, что у Стурми были причины благодарить Бога, и, кроме того, у него был острый глаз на то, что необходимо человеку для богатства и процветания, на почву и воду, луг и лес. Поэтому он благословил это место, осенил его крестным знаменем

(в знак того, что отныне оно принадлежит не дьяволам и не феям, а его законному Господу и Создателю) и вернулся в свою келью, а оттуда проделал утомительный путь к святому Бонифацию, чтобы рассказать ему о прекрасном месте, которое он наконец-то нашел.

И отправился святой Бонифаций своим изнурительным путем то ли в Париж, то ли в Экс, к Пипину и Карломану, королям франков, и выпросил у них пожалование Айхен-лоха и всей земли на четыре мили вокруг, и получил его. И вельможи вокруг уступили ему свои права на оленину, и верту, и пастбища, и пастьбу свиней; и Стурми с семьей братьями отправился туда "в год Господа нашего 744, в первый месяц (предположительно апрель), в двенадцатый день месяца, на место, уготованное Господом", чтобы сделать что?

Чтобы построить аббатство. Да; но вопрос в том, что означало строительство аббатства не триста, не пятьсот, а одиннадцатый век назад - ведь столетия - дело долгое, и люди и их дела в них меняются.

А тогда это означало следующее: Расчистка леса для христианского поселения; промышленная колония, в которой каждый человек должен был потратить свою жизнь на то, чтобы делать добро - все и всякое добро, которое он мог сделать для своих собратьев. Все таланты, которыми он обладал, он вкладывал в общий фонд; и работал, как находил нужным, занимаясь земледелием, садоводством, плотничеством, писательством, врачеванием, преподаванием в школах или проповедью среди язычников. В своей общей церкви они собирались, чтобы поклониться Богу, а также попросить благодати и силы для выполнения своей работы, как христианизаторов и цивилизаторов человечества. То, что они знали о христианстве и цивилизации (а знали они больше, чем мы сейчас склонны считать), они свободно преподавали; и поэтому их любили, и на них смотрели как на высших существ, как смотрят сейчас на современных миссионеров, где бы они ни делали свою работу хотя бы прилично.

И вот, поскольку работа могла быть сделана именно так, и (насколько люди тогда или сейчас могут судить) никак иначе, Пипин и Карломан отдали Бонифацию дубовую поляну, чтобы тот расчистил девственный лес, расширил посеи и завоевал новые души для Христа, а не боролся, как короли мира сего, за уже расчищенную землю и людей, которые уже были христианами.

Через два месяца они вырубили большую часть леса; тогда к ним пришел сам святой Бонифаций, а с ним большая компания рабочих, и выбрали место для церкви. Святой Бонифаций поднялся на холм, который до сих пор называется Епископской горой, чтобы спокойно читать свою Библию вдали от королей и судов и шума злого мира; а его рабочие срубили бесчисленное множество деревьев и выкопали торф для выжигания извести; а затем все вернулись обратно и оставили поселенцев процветать и работать.

И они процветали и трудились, расчищая все новые земли, строя свою церковь, распахивая ферму, привлекая к себе все новых и новых язычников, все больше и больше язычников-школьников; а святой Бонифаций время от времени приезжал к ним, когда мог получить отпуск, и проводил счастливые дни в молитве и учебе со своим учеником и другом. А через десять лет, когда святой Бонифаций был наконец замучен фризландскими язычниками и умер, как и жил, как апостол Божий, все жители Майнца захотели привезти его труп домой, в свой город, потому что он был там архиепископом. Но он "явился во сне некоему диакону и сказал: "Почему вы медлите отнести меня домой в Фульду, на покой в пустыне, которую Бог приготовил для меня?".

Так святой Бонифаций уснул в Фульде, пока французские республиканские войска не выкопали его кости и не развеяли их, как развеивают святые вещи, по ветрам небесным. И все люди пришли поклониться его могиле, по моде тех дней. А Фульда стала благородным аббатством с церковью, библиотекой, школами, мастерскими, фермами, богадельнями и всем необходимым для такого места, в те времена, когда монахи действительно были монахами. И стал Стурми великим человеком, и прошел через многие беды и клеветы, и победил во всех них, потому что не было в нем изъяна, как в Данииле древнем; и умер в глубокой старости, оплакиваемый тысячами людей, которые, если бы не он, были бы язычниками. Айхен-лох стал богатой кукурузной землей и садом, а Фульда - аббатством и княжеством, где люди жили в мире под мягким правлением, в то время как феодальные князья ссорились и воевали снаружи; и великим литературным центром, чьи старые записи теперь ценны для копателей среди костей ушедших времен; и, наконец, Святой Стурми и Айхен-лох настолько развились, что последняя запись об аббатах Фульды, которую я видел, датируется примерно 1710 годом: -

"Герб славнейшего лорда и принца, аббата Фульды, архиканцлера светлейшей императрицы, примаса всей Германии и Галлии и князя Священной Римской империи". Развито, конечно: и не совсем в правильном направлении. Ведь вместо маленького пива, которое они обещали святому Бонифацию пить до конца света, у аббатов Фульды было лучшее вино в Германии, а также лучший стол. Как бы то ни было, но то, что они вырубили лес на Айхен-лобе, а вместо него посадили христианскую колонию, заставило Стурми надеяться, что он не напрасно читал свою Библию.

Несомненно, такие люди, как святой Стурми, были детьми мудрости, какой бы смысл вы ни вкладывали в это слово. В темный, запутанный, беззаконный, жестокий век, когда все решал меч, они обнаружили, что не смогут принести пользы ни себе, ни другим, если бросят меч на весы. Они станут людьми мира и посмотрят, что можно сделать таким образом. Разве это не мудро? И они принялись за работу. Они очень боялись Бога и ходили с Богом. Разве это не мудро? Они творили праведность, были милосердны и добры, в то время как цари и вельможи убивали вокруг них; чисты и умеренны, в то время как другие люди были похотливы и пьяны; справедливы и равны во всех своих путях, в то время как другие люди были несправедливы и капризны; служили Богу верно, по своему свету, в то время как люди вокруг них были наполовину или полностью язычниками; довольствовались тем, что хорошо делали свое дело на земле и ждали награды на небесах, в то время как короли и вельможи, владельцы земли, были полны безумных амбиций, каждый пытался отхватить клочок земли у своего соседа, как будто это сделает их счастливее. Разве это не мудро? Кто мудрее - вождь, убивающий людей, чтобы отнять у них несколько квадратных миль, которые люди уже возделали, или монах, оставляющий возделанную землю и уходящий в глушь, чтобы расчистить лес и возделывать девственную почву? Кто из них был дитя мудрости, спрашиваю я? И не говорите мне, что старый монах работал только ради фанатичных и суеверных целей. Это не так. Я хорошо знаю его фанатизм и суеверие, всю глубину его невежества и глупости: но в нем было нечто большее. Если бы не это, он не совершил бы ничего долговечного. Он был не только пионером цивилизации, но и знал, что является таковым. Он верил, что все знания исходят от Бога, даже те, что учат человека вырубать лес и сажать вместо него кукурузу; и он решил распространять такие знания, какие у него были, везде, где только мог. Он был мудрее язычников-саксов и даже христиан-франков, окружавших его; он был лучшим ученым, лучшим мыслителем, лучшим ремесленником, лучшим фермером; и он не держал свои знания при себе. Он не держал Библию при себе, как некоторые говорят вам. Это не так, и тем, кто так говорит в нынешнем поколении, должно быть стыдно за себя. Монах сам хорошо знал свою Библию и учил ее. Те, кто научился у него читать, научились читать и свои

Библии. Тех, кто не учился (а таких, конечно, было подавляющее большинство в те времена, когда не было книгопечатания), он учил проповедями, картинами, впоследствии - мистериями и пьесами о чудесах. Библия была запрещена для мирян только спустя столетия - и запрещена почему? Потому что миряне по всей Европе знали о Библии слишком много, а не слишком мало. Потому что первые монахи так укоренили в сознании масс всего христианства библейские истории, библейских персонажей, великие факты и великие доктрины из жизни нашего Господа, что массы знали слишком много; что они могли слишком легко и свободно противопоставить падшим и распутным монахам XV и XVI веков те библейские примеры, которым старые монахи веками ранее учили своих предков. Затем духовенство старалось скрыть от мирян, потому что это свидетельствовало против них самих, ту самую книгу, которую за много веков до этого они научили их любить и знать слишком хорошо. Одним словом, старый монах-миссионер преподавал все, что знал, всем, кто хотел учиться, точно так же, как это делают наши лучшие современные миссионеры; его любили, слушались и смотрели на него как на высшее существо, как и они.

Конечно, он не знал, как далеко распространится цивилизация. Он не мог предсказать железные дороги и электрические телеграфы, так же как и политическую экономию или санитарную науку. Но лучшее, что он знал, он преподавал - и делал тоже, работая своими руками. Он был верен в немногих вещах, и Бог сделал его правителем над многими вещами. Ибо из этих монастырей возникли - а что не возникло? Они вновь и вновь восстанавливали здравый закон и справедливое правление, когда старые добрые тевтонские законы, да и римские тоже, были попорчены ногами в беззаконных распрях честолюбия и ярости. Под их сенью возникли города с их корпоративными правами, средним классом, сословием ремесленников. Они были лекарями, подателями милостыни, помощниками, школьными учителями мира средних веков. Они впервые научили нас великому принципу разделения труда, которому мы обязаны тем, что в настоящее время Англия такова, какова она есть, а не покрыта ордой крестьян, каждый из которых делает и производит все для себя и голодает каждый на своем участке земли. Они переписали или составили все книги тогдашнего мира; многие из них всю жизнь занимались только писательством, и количество книг, даже тех, что можно найти в отдельных монастырях, с учетом утомительного труда по переписыванию, просто поражает. Они сохранили для нас сокровища классической древности. Они открыли для нас зародыши всех современных изобретений. Они принесли из-за границы искусства и новые знания; и в то время как они учили людей знать, что у них есть общее человечество, общий Отец на небесах, они также учили их извлекать пользу из мудрости друг друга, а не оставаться в изолированном невежестве. Они также были великими свидетелями против феодальных каст. Среди них не было ни высокородных, ни низкородных, ни богатых, ни бедных: достоинство было единственным критерием; самый захудалый крепостной, попавший туда, мог стать господином рыцарей и вассалов, советником королей и принцев. Люди могут говорить о демократии - эти старые монастыри были самыми демократичными учреждениями, которые когда-либо видел мир. В них не только говорили о демократии, но и проводили ее в жизнь - только не в анархии и не как прикрытие для разврата, а под теми гарантиями строгой дисциплины и почти военного порядка, без которых люди могут называть себя свободными, а на самом деле быть лишь рабами своих собственных страстей. Да, как это ни парадоксально, но в этих монастырях сохранялся священный огонь современной свободы на протяжении тех феодальных веков, когда весь внешний мир делал все возможное, чтобы его вытоптать. Вспомните, например, что в покоях аббата в Бери-Сент-Эдмундс была начертана Магна Харта, прежде чем ее представили Иоанну в Рунимеде. Я знаю, кем они стали после этого, лучше, чем многие здесь; слишком хорошо, чтобы

осквернять мои уста или ваши уши слишком правдивыми рассказами. Они сделали свое дело и ушли. Как и все, что рождается в свое время, они умерли и со временем истлели; старый порядок сменился новым, и Бог исполнил Себя во многих отношениях. Но в них Он тоже реализовал Себя. Это было лучшее, что видел мир; единственный способ христианизировать и цивилизовать полуварварскую Европу. Как и все человеческие планы и концепции, они содержали в себе первородный грех; идолопоклонство, безбрачие, бесчеловечный фанатизм - вот три корня горечи; и когда они принесли естественный плод безнравственности, монастыри пали с великим и справедливым разрушением. Но если бы эти монастыри не были хорошими и благородными вначале; если бы люди в них не были лучше и полезнее, чем люди снаружи, думаете ли вы, что они просуществовали бы века? Они бы даже не утвердились. В те бурные времена их бы быстро стерли с лица земли. Их часто использовали не по назначению, разграбляли и сжигали. Но люди обнаружили, что они хороши. Их собственные грабители обнаружили, что не могут без них обойтись, и раскаялись, и смирились, и снова возвели их, чтобы они стали центрами справедливости, милосердия и мира среди дикого бурлящего моря войн и страданий. Ибо все вещи выживают, даже в течение жизни одного поколения, только благодаря добру, которое в них есть. Духом Божиим в них они живут, как и все сотворенные вещи; а когда Он отнимает у них дыхание, они умирают и возвращаются в прах.

В чем же заключался их первородный грех? Вряд ли можно сказать, что это было их суеверное и отчасти ложное вероучение: ведь его они придерживались вместе со всей Европой. Скорее, в том, что они отождествили себя с одним из самых страшных заблуждений этого вероучения - celibатом - и попытались воплотить его на земле. Не будучи основанными на истинном и единственном основании всего общества - семейной жизни, они были всего лишь искусственными и своевольными договоренностями, придуманными человеком, которые не могли развиваться до какой-либо более высокой формы. И когда в эпоху Реформации была восстановлена святость брака, монастыри, отождествившие себя с безбрачием, естественно, пали. Они не могли принять участие в движении Реформации и подняться вместе с ним в какую-то более высокую форму жизни, как это сделали миряне снаружи. Я говорю, что это были совершенно искусственные вещи. Аббат мог называть своих монахов аббатом, отцом, но он не был их отцом - точно так же, как сейчас молодые девушки, играя в монашек, называют свою начальницу матерью: но все призывы в мире не сделают это священное имя фактом и реальностью, как они слишком часто убеждаются.

А безбрачие с самого начала принесло серьезное зло. Оно вызывало возбужденный, истерический тон ума, который наиболее примечателен в лучших мужчинах; буйных, сварливых, подозрительных, раздражительных, доверчивых, мечтательных; в лучшем случае более женственных, чем мужественных; попеременно в слезах и в восторге. В их сочинениях никогда не встретишь ничего от того мужественного спокойствия, которое мы так заслуженно чтим и к которому все стремимся. Они напыщенны, возбуждены, постоянно принимают ярость за силу, заставляя нас навсегда забыть об аллюциях пап. Прочтите труды одного из лучших монахов и людей, когда-либо живших на свете, великого святого Бернара, и вы будете больно поражены этим истерическим элементом. Дело в том, что правила их жизни, от самых ранних до самых поздних, от святого Бенедикта Казинского, "отца всех монахов", до иезуита Лойолы, были поставлены не слишком низко, а слишком высоко. Это был идеал, который, к добру или ко злу, могли воплотить в жизнь только новообращенные, люди, находящиеся в состоянии сильного религиозного возбуждения, и поэтому история монашеских орденов похожа на историю протестантских сект. Мы слышим о постоянных отпадениях от их первой чистоты; о постоянных волнениях, возрождениях и

основаниях новых орденов, которые надеялись достичь совершенства, которого не смогли достичь старые ордена. Вы должны помнить об этом, читая историю Средневековья. Вы будете недоумевать, почему постоянно возникают новые правила и новые порядки. Это было так много возрождений, так много пуристских попыток создать новые секты. Это очень хорошо видно на примере трех великих возрождений, оказавших такое огромное влияние на историю XIII, XVI и XVII веков, - я имею в виду появление сначала францисканцев и доминиканцев, затем иезуитов и, наконец, порто-роялистов. Каждый из них исповедовал восстановление монашества в том виде, в каком оно было изначально; воплощение неестественного и невозможного идеала.

Еще один серьезный недостаток этих монастырей можно отнести к их искусственной системе celibата. Я имею в виду их скупость. Всего через одно поколение после святого Стурми Карлу Великому пришлось издавать возмущенные законы против аббатов, которые пытались прибрать к рукам имущество всех окружающих: но тщетно. Аббаты становились все более и более крупными землевладельцами, пока их власть не стала невыносимой. Причины этого достаточно просты. У аббатства не было детей, между которыми можно было бы разделить его богатство, и поэтому все новые и новые земли постоянно притекали, концентрировались и никогда больше не распадались; в то время как почти каждый аббат оставлял свое личное имущество, все свои личные сбережения и приобретения своему преемнику.

Затем, в несчастный час, они обнаружили, что самый легкий способ разбогатеть - это убедить грешников и слабых людей обеспечить безопасность своих душ, оставив землю Церкви в обмен на молитвы и мессы монахов; и эта позорная шахта богатства разрабатывалась ими на протяжении веков, несмотря на смертные статуты и другие ограничения, которые накладывала на них гражданская власть, очень часто самыми отвратительными способами. Мы шокированы тем, что хорошие люди поддаются на такие подлые уловки: но мы должны помнить, что среди людей всегда существовала общественная и частная совесть, и эти два понятия, увы, обычно сильно различаются. Старая поговорка гласит, что "комитеты не имеют совести", и это очень верно. Тело людей, действующих согласованно ради общественной цели, совершает поступки, от которых они бы с отвращением отказались, если бы этот трюк просто положил деньги в их личные кошельки; и это слишком часто случается, когда общественная цель хороша. Тогда цель, кажется, освящает средства, почти до любой степени сутяжничества.

Так было и с теми старыми монахами. У аббатства не было совести. Орден монахов не имел совести. Бенедиктинец, доминиканец, францисканец, не имевший ни гроша в мире и никогда не собиравшийся его иметь, пускался на уловки, лгал, обманывал, клеветал, подделывал ради чести и богатства своего ордена, тогда как для себя и в себе самом он мог быть вполне честным богобоязненным человеком. Так оно и было; еще один уродливый плод противоестественной попытки быть не хорошими людьми, а чем-то большим, чем люди; пытаясь быть большим, чем люди, они в итоге стали меньшими, чем люди. В этом был их грех, и этот грех, зародившись, породил смерть.

ЛЕКЦИЯ X ЛАНГОБАРДСКИЕ ЗАКОНЫ

Я пытался показать вам, как тевтонские народы были христианизированы. Я попытался объяснить вам, почему духовенство, обратившее их в христианство, тем не менее, более или менее постоянно враждовало с ними. В дальнейшем мне придется рассказать вам об одном из самых известных примеров этого антагонизма: об уничтожении латинским духовенством

вольностей лангобардов. Но сначала вы должны узнать кое-что о нравах лангобардов, а это лучше всего сделать, изучив их Кодекс.

Они ценны для вас как образец законов древнего тевтонского народа. Вы можете с пользой сравнить их со старыми готскими, франко-салическими, бургундскими, англосаксонскими и скандинавскими законами, сформированными по одной и той же первобытной модели, часто совпадающими в мельчайших деталях и указывающими на одно первобытное происхождение, ужасающую древность. Изучив их, вы сможете получить некоторое представление о той первобытной свободе и самоуправлении, которые сначала были присущи всей расе, но сохранились только в Англии, и к которым потомки этих самых лангобардов в данный момент так усердно возвращаются.

Эти законы были собраны и опубликованы в письменном виде королем Ротаром в 643 году н.э., через 76 лет после прихода Альбоина в Италию. Причиной, по его словам, было постоянное изнурение бедных, излишние поборы и даже насилие со стороны сильных по отношению к слабым. Это "законы наших отцов, насколько мы узнали их от древних людей, и изданы они с совета и согласия наших князей, судей и всего нашего наиболее процветающего войска", то есть баронов, или свободных людей, способных носить оружие; "и подтверждены по обычаю нашего народа *garathinx*", то есть, насколько я могу судить по "Немецкому праву" Гримма, путем предоставления залога, *garant*, или ордера на сделку.

У лангобардов, как и у наших английских предков, когда человек делал, то есть дарил, подарок или завещание кому-либо, он должен был, согласно закону *clxxii.*, сделать это перед *gisiles*, свидетелями, и дать *garathinx*, или залог, своего завещания - кусок соломы, дерн, чашку напитка, кусок денег, как и сегодня скотовод скрепляет свою сделку шиллингом, а торговый путешественник - стаканом спиртного. То ли Ротар передал *гаратинкс* своим баронам, то ли бароны ему, я не понимаю: но, по крайней мере, из употребления этого слова ясно, что издание этих законов было "общественным договором" - четким соглашением между королем и народом. Из всего этого вы сразу поймете, что эти лангобарды, как и все тевтоны, были свободным народом, живущим в условиях грубой конституционной монархии. Они бы со смехом встретили современную басню о божественном праве королей, если бы под этим подразумевали, что воля короля - закон, или что старший сын определенной семьи имеет какое-то данное Богом *ipso-facto* право наследовать своему отцу. Шестнадцать королей, говорится в предисловии, правила от Агилмунда до Ротара; и семь раз менялся королевский род. То, что король должен принадлежать к одной из семей, ведущих свою родословную от Водина, и то, что сын должен, как и положено, наследовать отцу, было старым правилом: но бароны, как показывает вся история, не стали бы короновать младшего сына вместо старшего, если бы младший был героем, а старший - "арга" - ленивым бездельником; и они также не стали бы отбрасывать всю королевскую семью и короновать того, кто лучше всех справится с их делами. Король, как явствует из этого предисловия и этих законов, был главнокомандующим экзерцитов, ополченцев, а значит, и всех свободных людей в государстве (ибо все обязаны были сражаться, когда это требовалось). Он также был верховным судьей, главой исполнительной власти, распространителем и источником закона: но у него было не больше полномочий принимать законы, нарушать их или произвольно лишать человека его собственности, чем у английского суверена сейчас; и его власть была *quamdiu se bene gesserit*, и не более, как доказывает история на каждой странице.

Доктрина божественного права королей, как ее понимали в Англии в XVII веке и до сих пор понимают в некоторых континентальных странах, была, насколько я могу судить, изобретена первыми папами не для того, чтобы возвысить королей, а для того, чтобы поработить их, а

через них и народы. Король и сыновья его сына имели божественное "право управлять неправильно" не от Бога, а от наместника Бога и преемника святого Петра, которому Бог дал власть над всей землей и который имел право помазывать или низлагать, кого пожелает. Даже в этих старых законах мы видим, как пробивается эта новая идея. "Сердце царя", - говорится в одном из них, - "в руке Божьей". Это текст Писания. Что он означал, сомневаться не приходится, как и то, кем он был вставлен. Канцлер, или кто там еще переписывал эти законы на латынь, был, конечно же, клириком, священником или монахом. От его руки исходит первый намек на произвол власти; первое маленькое пятно на длинном темном пятне абсолютизма, которому предстояло потемнеть и углубиться на протяжении веков тирании и позора.

Но утверждать божественное право королей в стране, которая отбросила свою верность папе, значит утверждать заключение силлогизма, главная и второстепенная посылки которого отрицаются самим утверждающим. Аргументы в пользу такого права, почерпнутые из Ветхого Завета, которые были распространены среди высокоцерковной партии от Якова I до Якова II и Нонджуроров, действительно слишком бессодержательны, чтобы вызывать лишь мимолетную улыбку. Как можно доказать, что царь имеет право издавать законы, на основании истории еврейского народа, когда эта самая история представляет его на всем протяжении как связанного первобытным и богооткровенным законом, которому в равной степени подчинялись и цари, и народ? Как можно доказать, что старший сын старшего сына имеет божественное право носить корону как "помазанник Божий", когда сами люди, которым дается этот титул, как правило, либо не являются старшими сыновьями, либо вообще не принадлежат к королевскому роду? Правило, согласно которому старший сын старшего сына должен быть наследником, было доказано опытом, что на практике оно является самым превосходным: но оно опирается, как в Англии, так и в Ломбардии, или Испании, или Франкрейхе в старые времена, просто на согласие баронов и волю веча или парламента.

В наши дни растет сентиментальное восхищение "империализмом" под претенциозными названиями "поклонение героям" и "сильное правительство", а британская конституция представляется как неуклюжее и искусственное устройство 1688 года. 1688 год после Рождества Христова? 1688 год до Рождества Христова был бы более точным. По своей сути она так же стара, как и то время, когда не только все тевтоны составляли одно племя, но когда тевтоны и скандинавы все еще были едины - и когда это было, кто осмелится сказать? Мы, по крайней мере, принесли с собой британскую конституцию из болот Ютландии, вместе с нашими плащами и кожаными гетрами, коричневыми счетами и каменными топорами; и она сослужила нам хорошую службу, и будет служить, пока мы не разнесем ее по всему миру.

Что касается этих лангобардских королей, то они возникли следующим образом. После смерти Альбоина лангобарды десять лет находились под властью герцогов, и наступили плохие времена, когда каждый делал то, что было правильно в его собственных глазах; они расширяли свои границы, убивая римских землевладельцев и заставляя оставшихся в живых отдавать им часть своих земель, как это делали сначала Одоакер, а затем остготы. Наконец, устав от беззакония, раздоров и слабости и, видимо, опасаясь вторжения франкского короля Чилдеберта, они избрали себе короля, Автариса, сына Клефа, и назвали его Флавием, под этим римским титулом впоследствии были известны лангобардские короли. Более того, они согласились отдать ему (я заключаю только один раз для всех) половину всего своего имущества, чтобы поддержать королевство. После этого в казну короля каждые три года вносились определенные дани; доход составляли штрафы, а также некоторые части

имущества тех, кто умер без прямых наследников. В результате, говорит Павел, наступили совершенный мир и справедливость.

Теперь о законах, которые были записаны примерно через шестьдесят лет после этого. Первое, что вы заметите в этих законах, - это то, что дуэль, пари на бой под щитом, "*diremptio causæ per pugnam sub uno scuto*", является самой ранней формой разрешения судебных споров. Если вы не можете договориться, сражайтесь честно, либо сами, либо с чемпионом или кемпером, и Бог защитит право". Затем следует "фаида", кровная месть, передающаяся из поколения в поколение. Чтобы прекратить ее, человеку разрешается очистить себя клятвой; своей собственной и некоторых соседей, двенадцати человек в целом, которые поклянутся в своей невиновности. Это было характерно для северных народов и послужило началом нашего суда присяжных. Если преступник виновен, он должен заплатить *wasgeld*, или законную цену, установленную за нанесенный им ущерб. Когда композиция выплачена, вражда прекращается; если после получения композиции истец мстит за себя, он должен вернуть ее обратно. Отсюда наша система штрафов.

Этот метод взыскания штрафов проходит через все тевтонские законы и делает наказание смертью, по крайней мере среди свободных людей, очень редким.

Наказания в виде порки, тюремного заключения, жестоких или унижительных методов не существует. Личность свободного человека священна: "*Vincire et verberare nefas*", как сказал Тацит об этих немцах за 600 лет до того.

К преступлениям, абсолютно наказуемым смертью, относятся: измена жизни короля; трусость в бою; укрывательство разбойников; мятежи и попытки бегства из королевства; и, следовательно (при тогдашней военной организации), уклонение от обязанности каждого свободного человека носить оружие для защиты земли.

Более сотни этих законов определяют различные штрафы, или "вагелды", которыми наказывается каждое преступление, начиная с 900 солиди ауреев, золотых монет, за убийство, и заканчивая самым незначительным нарушением мира. Каждая конечность имеет свою особую цену. За потерю глаза нужно заплатить половину стоимости всего человека. Передний зуб стоит 16 с., *solidi aurei*; его потеря - это уродство; но задний зуб стоит только 8 с. Зуб раба, напротив, стоит всего 4 с.; и в каждом случае вагельд раба гораздо меньше, чем у свободного человека.

Следует отметить святость домашнего хозяйства и сильное чувство индивидуальных прав собственности. Того, кого застанут ночью в "дворе", *courtledge* (или *homestead*) (как мы говорим на староанглийском), могут убить. Вы знаете, смею заметить, что во многих тевтонских и скандинавских народах принцип, согласно которому дом человека - его крепость, был настолько силен, что людям не разрешалось входить в дом осужденного, чтобы увести его на казнь; если же он не выходил, можно было только сжечь дом над его головой. Стрельба или метание копья в усадьбу любого человека стоит 20 с. Оберос" или "*curtis ruptura*", то есть насильственное проникновение в чужой дом, также стоит 20 пенсов. Кроме того, тайно, не спрашивая разрешения, вынести свои вещи из чужого дома также наказывалось как *oberos*.

Так же и с личной честью. Оскорбление, например, назвать человека аргой, то есть ленивым бездельником, - серьезное преступление. Если ответчик признается, что сказал это в порыве страсти, и даст клятву, что никогда не знал истца арга, он должен заплатить 12 с.; если же он останется при своем слове, то должен драться на дуэли, *sub uno scuto*.

Личность, по той же причине, была священна. Если человек подстерегал свободного человека "cum virtute et solatio", с доблестью и удобством, то есть с вооруженными людьми для поддержки, и обнаруживал его стоящим или просто идущим, и позорно удерживал его, или "battiderit", совершал нападение и побои, он должен был заплатить половину его wasgeld; "turpiter et ridiculum" считалось для свободного человека вдвое хуже, чем смерть. В частной жизни, как и в общественной, вы найдете vincere et verberare nefas.

Если же кому-то вздумалось потерять 80 шиллингов золота, ему достаточно совершить преступление "meerworpin", слово, которое вас несколько озадачит, пока вы не поймете, что оно означает "mare warping", то есть исказить или сбросить соседа с его кобылы или лошади.

Удар закрытым кулаком, опять же, стоит три шиллинга, а удар открытой рукой - шесть. Последний удар является как оскорблением, так и травмой. Свободного человека бьют кулаком, а раба - ладонью. Разбить человеку голову стоит шесть солидов. Но если человек проломил череп, то (как и в алеманнских законах) он должен заплатить двенадцать шиллингов, и еще двенадцать за каждый перелом до трех, после чего они не считаются. Но при этом должен выйти кусок кости, который издаст звук, если его бросить в щит на расстоянии двенадцати футов; эти футы должны быть измерены футами человека среднего роста". Из этого странного закона можно сделать вывод не только о прочности ломбардского мозгового щита, но и о крайней необходимости определения каждой детали, чтобы предотвратить последующие споры, за которыми может последовать кровная месть, передающаяся от отца к сыну. Ведь принимая законный штраф, пострадавший прямо отказывался от своего первобытного права на феод.

Затем следуют любопытные законы в пользу мастеров Комо, Magistri Comacenes, которые, по-видимому, были гильдией архитекторов, возможно, первоначальным зародышем великого общества вольных каменщиков, принадлежавших, несомненно, к римскому населению, которые обосновались в районе озера Комо и нанимались по контракту (как гласят сами законы) строить для лангобардов, которые, конечно, не умели делать ничего, кроме палатки из шкур или бревенчатого дома.

Затем следуют законы против поджигателей; штраф за ущерб от случайного пожара в доме, если преступник перенес огонь более чем на девять футов от очага; закон о запрете оставлять огонь горящим во время путешествия, как сейчас в австралийских колониях. Затем законы о защите мельниц; в те времена это было очень важно, поскольку лангобарды не знали об этом до своего прихода в Италию.

Затем законы о наследовании, по которым я замечу, что природные сыновья, если они свободны, должны иметь часть наследства своего отца, но меньше, чем законные сыновья, но что природный сын, рожденный от рабыни, остается рабом, "nisi pater liberum thingaverit". Этот жестокий закон был законом Рима и церкви; наши англосаксонские предки, к их чести, придерживались обратного правила. 'Semper a patre, non a matre, generationis ordo texitur'. Далее, следует заметить, что ни одна свободная женщина не может жить в Ломбардии или, как я полагаю, в любом тевтонском государстве, если она не находится под чьим-то "mundium". Вы должны понимать это слово "мунд". Среди большинства тевтонских рас женщины, рабы и юноши, по крайней мере не достигшие возраста, позволяющего носить оружие, находились под чьей-то властью. Конечно, прежде всего отца, главы семьи, а если он умирал, то дяди, старшего брата и т. д. Замужняя женщина, разумеется, находилась под властью своего мужа. Он отвечал за хорошее поведение всех, кто находился под его

властью; он должен был платить штрафы, если они совершали правонарушения; с другой стороны, он обязан был защищать их всеми законными способами.

Эта система до сих пор сохраняется в правовом статусе женщин в Англии, как во благо, так и во зло; муж несет большую или меньшую ответственность за долги жены; жена до недавнего времени не могла получить собственность без контроля мужа; предполагается, что в некоторых случаях жена действует по принуждению мужа. Все это и многое другое - реликты старой системы мунда для женщин; и эта система, я искренне верю, преуспела. Она, как никакая другая система, пробудила в мужчине рыцарские качества. Она заставила его почувствовать, что защита физически слабого пола - это долг и честь. Она заставила женщину почувствовать, что ее влияние, будь то в государстве или в семье, должно быть не физическим и юридическим, а моральным и духовным, и что, следовательно, оно покоится на более благородной и глубокой почве, чем мужское. Современные эксперименты по эмансипации женщин от всего брэнного и постановке их на физическое и юридическое равенство с мужчиной могут быть правильными и в конечном итоге успешными. Мы не должны поспешно предрешать их. Но в этом мы можем быть почти уверены: в случае успеха они вызовут широкомасштабную революцию в обществе, главной опасностью которой будет уничтожение рыцарского чувства и последующая брутализация мужского пола.

Затем следуют законы, касающиеся брака и женщин, из которых я могу отметить, что (как и во времена Тацита), женщина приносит мужу свое приданое, или "fader fee", и что на следующее утро после свадьбы она получает от него, если он доволен ею, свой morgen gar, или утренний подарок; который остается ее частной собственностью, если только она не ведет себя плохо.

Женская честь, как на самом деле, так и в виде славы, защищена многими суровыми законами, среди которых я отмечу лишь то, что называть свободную женщину "стригой" (ведьмой) строго наказуемо. Если это сделает тот, кто имеет с ней мунд, кроме ее отца или брата, он лишается своего мунда.

В целом положение женщины уступает мужскому по некоторым пунктам, но превосходит по другим. Например, вагельд женщины - цена ее жизни - составляет 1200 солидов, в то время как у мужчины - только 900. Ибо он может защитить себя, а она - нет. С другой стороны, если мужчина убьет свою жену, он заплатит только 1200 солидов и потеряет ее приданое: если же она убьет его, то умрет.

И еще. Если свободный человек будет пойман на воровстве в размере 20 силикв, бобов, *то есть* одного золотого куска - хотя папа Григорий делает солид (aureus) 24 силикв - он заменяет кражу и платит 80 солидов, или умирает; а раб - половину, или умирает.

Но если воровство совершено у свободной женщины, она только заменяет его; ибо она пострадала за свой проступок и должна приписать себе позор, что пыталась совершить "operam indecentem", т.е. грязное дело. А если ворует альдия или рабыня, ее хозяин заменяет кражу и платит 40 солидов, за вычетом стоимости украденного, а после этого, полагаю, бьет ее, если захочет.

А теперь о рабах, которые, похоже, делились на три класса.

Альдий и Альдия, мужского и женского пола, которые были более высокого ранга, чем другие рабы.

Альдий мог жениться на свободной женщине, в то время как раб, женившийся на свободной женщине, карался смертью; и, как *experimentum crucis*, если альдий женился на альдии или

свободной женщине, дети следовали за отцом. Если же он женился на рабыне, дети следовали за матерью и становились рабами своего господина.

Альдий, опять же, не мог продавать землю или рабов своего господина, что указывает на то, что он владел землей и рабами своего господина.

Что означает это слово, Гримм, похоже, не знает. Он считает его синонимом слова "литус", о котором мы слышим уже во времена Тацита, как об одном из четырех сословий: знатные, свободные, литы, рабы; и, следовательно, *libertus* - вольноотпущенник. Но это слово означает, по-видимому, не просто раба, наполовину освобожденного своим хозяином, а скорее наследственно полусвободного и держащего ферму при своем господине.

Однако говорят, что *Dió* - это старое немецкое слово, обозначающее раба; и возможно, что *aldius* (слово, известное, кажется, только в Ломбардии) первоначально означало старого раба, старого римского колона или крестьянина, которого завоеватели находили на земле и позволяли сохранять и обрабатывать ее, передавая от отца к сыну. У нас, в Англии, было такое же различие между "лэтами", или "злодеями", поселившимися на земле, *glebæ adscripti*, и простыми рабами, чистыми и простыми рабами. Несомненно, условия для таких рабов были бы лучше, чем для простых *mancipia* - рабов, взятых на войне или купленных, - по той простой причине, что они были бы земледельцами, практиковались в римской обработке земли, понимали тайны орошения, искусственных трав и чередования культур, а также выращивали виноградники, фрукты и оливки.

Рядом с ними находятся различные виды рабов: *Servus massarius*, который, кажется, также был *rusticanus*, тот, кто заботится о хозяйстве своего господина, и ему полагается пекулий, кажется, несколько собственных животных, которых он не может продавать, хотя и может дарить их. И снова *servus doctus*, образованный домашний раб, чей *wasgeld* выше, чем у других.

Законы, касающиеся беглых рабов, кажутся настолько милосердными, насколько это вообще возможно; к тому же лангобарды всегда славились как добрые и покладистые хозяева.

С беглыми рабами связаны законы о портунариях, паромщиках, которые, как вы знаете, фигурируют в старых балладах как очень важные и, как правило, грозные люди. Поединок между фон Тронег Хагеном и старым паромщиком в "Нибелунгах" - знаменитый пример мастерства древних паромщиков. Можно легко понять, насколько необходимы были строгие законы, чтобы не допустить, чтобы эти паромщики перевозили беглых рабов, преступников и вообще кого-либо без должной осторожности; ведь каждый человек обязан был оставаться в своей провинции, чтобы быть готовым, когда его призовут на военную службу; а на путешественника в чужие края смотрели как на дезертира, покинувшего своего сеньора и страну.

Далее следует множество законов, на мой взгляд, одновременно забавных и поучительных, поскольку они дают нам некоторое представление о сельской жизни лангобардов в VIII веке.

На обширных лесах и болотах были разбросаны небольшие фермы, огороженные рвами, столбами и перилами, с которых, если украдешь рельс, налагался штраф в 1 шиллинг, если столб - в 3 шиллинга. Были и заборы с кольями, которые нужно делать с осторожностью, потому что если лошадь сама себя заколотит, прыгнув внутрь, вы ничего не заплатите, но если она сделает это, выпрыгнув наружу, вы заплатите цену лошади. Кроме того, вы не

должны оставлять острых кольев вне изгороди, ибо если человек или зверь ранит себя ими, проходя мимо, вы должны заплатить полный вагельд.

Ходить по засеянной земле или посылать для этого женщину из вашего мундира, согласно древнему суеверию, - тяжкое преступление; так же как и повреждать виноградник или снимать с лозы более трех увэ (гроздьев винограда, я полагаю). Повреждение вырезанных на деревьях знаков (theclaturas и signaturas) или любого другого межевого знака строго наказывается как для раба, так и для свободного человека.

В обширных лесах водятся стада свиней, а на пастбищах - лошади, о которых заботятся по закону; ведь взять в залог стадо свиней или выводковых кобыл без разрешения короля карается смертью или штрафом в 900 ливров. В качестве залога можно брать быков или лошадей, приученных к ярму, но только с разрешения короля или шульдхайса (местного магистрата), если будет доказано, что у должника нет другого имущества; ведь на них он зарабатывает себе на жизнь. Однако если вы обнаружите, что в вашем загоне бродят свиньи, вы можете убить одну из них, с некоторыми ограничениями, но не "sornpair", кабана, который "battit et vincit" всех остальных кабанов в "sounder" (старое английское слово, означающее "стадо").

Конкурирующие свинопасы, как и следовало ожидать, 'battidunt inter se', и 'scandalum faciunt', достаточно часто. В этом случае закон советует им подраться, а затем урегулировать ущерб между собой.

О лошадях заботятся. Прокатиться на чужой лошади стоит 2 шиллинга; запрячь или стреножить ее - в восемь раз больше; и так далее при нанесении вреда чужой лошади. Кроме того, если на вас летит собака вашего соседа, вы можете ударить ее палкой или маленьким мечом и убить, но если вы бросите за ней камень и убьете ее, то, будучи вне опасности, вы должны отдать хозяину новую собаку.

Кроме того, существуют причудливые законы об охоте и ущербе, причиненном дикими зверями, попавшими в силки или натасканными. Раненый олень принадлежит тому, кто его ранил, в течение двадцати четырех часов, а после этого - любому. Прирученных оленей, как можно заметить, держат; убить лань или олененка стоит 6 с., убить самца - 12 с. Прирученные ястребы, журавли и лебеди, если их поймать в силки, стоят 6 шиллингов. Но любой человек может брать ястребов в лесу своего соседа, но не в Gaïas Regis, королевском гегаже, гаях, живых изгородях или закрытых парках.

А теперь мне осталось упомянуть еще один закон - дай Бог, чтобы он действовал и в последующие века.

Пусть никто не смеет убивать чужую альдию или анциллу, как стригу, ведьму, которую называют маска; потому что христианские умы не верят, что женщина может съесть живого мужчину изнутри; и если кто-либо сделает это, он должен заплатить 60s. в качестве ее цены, а за свою вину - половину ее хозяину, а половину королю".

Этот последний странный закон заставляет нас задаться серьезным вопросом, который, возможно, не раз приходил вам в голову на протяжении всей моей лекции. Если это были старые тевтонские законы, эта старая тевтонская свобода, уважение к мужчине как к мужчине, к женщине как к женщине, то откуда взялся противоположный элемент? Как получилось, что эти свободы были утрачены почти во всей Европе? Как получилось, что на всем континенте вплоть до Французской революции господствовала и до сих пор

господствует в слишком многих странах система права, прямо противоположная всему этому?

Боюсь, что я должен ответить: главным образом благодаря влиянию римского духовенства в средние века.

Изначальное расовое различие между духовенством и тевтонскими завоевателями, на которое я уже указывал вам, имело любопытный эффект, который сохраняется и по сей день. Оно поставило церковь в более или менее открытый антагонизм с гражданским правосудием. Священник смотрел на преступника скорее как на страдальца, которого нужно освободить, чем как на преступника, которого нужно наказать. Все, кто знаком с житиями святых, наверняка помнят случаи, когда святой совершал даже чудеса от имени осужденного. Средневековые сказания полны примеров того же чувства, которое побуждало итальянских разбойников даже в наше время носить в шляпе свинцовый образ святого в качестве оберега. Например, в одной старой французской сказке мы читаем, как некий разбойник с большой дороги всегда обращался с молитвами к Пресвятой Деве, прежде чем отправиться убивать и красть; и эта практика принесла ему хорошие плоды. Когда его схватили и повесили, Богоматерь положила ему под ноги свои "mains blanches" и незримо поддерживала его целый день, пока палач, не найдя возможным убить его, не был вынужден позволить ему мирно удалиться в монастырь, где он благочестиво жил и умер. Мы можем посмеяться над подобными фантазиями или, если угодно, выразить свое отвращение к их безнравственности, но полезнее будет разобраться в причинах, которые их породили. Они, по-видимому, были двоякими. Во-первых, Церковь не рассматривала тевтонские законы, будь то франкские, бургундские, готские или ломбардские, как закон вообще. Ее закон, церковный или гражданский, был сформирован по римскому образцу, и только по нему она желала судить себя и тех, кто находился под ее защитой. Далее - и этот пункт полностью относится к ее чести - закон, каким бы он ни был, слишком часто применялся, особенно франками, капризно и жестоко; в то время как подневольное население, всегда составлявшее огромное большинство, едва ли можно назвать находящимся под защитой закона вообще. Никто не может читать страницы Фредегария или Григория Турского, не видя, что еженедельно, даже ежедневно, происходили случаи, призывавшие духовенство, во имя справедливости и гуманности, избавить, если возможно, бедняка от того, кто его портит; которые полностью оправдывали рост права святилища и льгот духовенства, впоследствии так сильно злоупотребляемых; Это делало благочестивым долгом прелатов добиваться власти при дворе и там, в качестве "канцлеров" принцев, пытаться добиться чего-то похожего на регулярное правосудие; и, естественно, переделывать законы каждой нации по проверенной временем и научной римской форме. Тем не менее, антагонизм церкви к национальному и светскому праву сохранялся на протяжении веков. Пожалуй, первым он угас в Англии после подписания Magna Charta. Ибо тогда английские прелаты начали занимать ту истинно протестантскую и национальную позицию, которая вылилась в великую Реформацию: но он все еще сохраняется в Ирландии и в Италии. Оно сохранялось во Франции вплоть до Французской революции, что можно увидеть, в частности, в рассказе о казни маркизы де Бринвилье, рассказанном священником, который ее обслуживал. Ужас перед ее зверскими преступлениями полностью поглощается в сознании доброго отца сочувствием к ее страданиям; толпа выхватывает ее кости из погребальной кучи и хранит их как мощи святой.

Но и это еще не все. В то время как римское духовенство принесло Европе реальную пользу, сохранив научные элементы римского права, оно принесло вред, сохранив вместе с ними другие элементы - римский шиканье и римскую жестокость. В этом отношении, как и в

других, "Рим победил своих завоевателей"; и потомки тех римских юристов, которых честные тевтоны называли гадюками и, как гадюки, убивали их, со временем уничтожили тевтонскую свободу.

Но этими потомками, увы, было духовенство. Слабые, они рано начали перенимать то оружие пререканий и лукавства, которое религиозные люди слишком часто воображают себе как оружие "святых" против "мира". Относясь к человеческой природе с подозрением и презрением, они рано поддались дикарской максиме, что каждый человек может быть виновен, пока не будет доказана его невиновность, и поэтому разрешили глупые жестокости пыток для получения признания. Считая самоуничижение добродетелью, а независимость - плотским пороком; превознося себя рабами, пока под именем святого послушания не становились "perinde ac cadaver" - идеалом хорошего монаха; привыкнув к унижительным телесным наказаниям, они не гнушались применять пытки, даже к мальчикам и женщинам, столь же отвратительные, сколь и непристойные. Глядя на мир и будущее человеческой расы сквозь призму, по сравнению с которой самые мрачные фантазии современного фанатика выглядят ярко и четко, они не стеснялись применять наказания, от одного упоминания о которых стынет кровь. Подозревая, а то и попеременно завидуя и презирая всех женщин, которые не были монахинями; открыто писали о том, что весь пол (пока он не размножился) является ловушкой и проклятием человечества; одержимые манихейской верой в силу и присутствие бесчисленных демонов, особыми жертвами которых были женщины, они возвели охоту на ведьм в науку; Они потворствовали, фактически формализовали и оправдывали на научных основаниях самые жестокие и трусливые суеверия толпы; и снова и снова поднимали буквальные крестовые походы против женщин, пытая, разоблачая, сжигая молодых и старых, не только во время мании ведьм XVII века, но и в течение всего средневековья. Это отвратительная страница истории. Я прошу тех, кому мое утверждение может показаться преувеличенным, обратиться к оригинальным источникам. Пусть они сравнят закон Ротара о невозможности колдовства со страницами "Malleus Maleficarum", "Fornicarium" Нидера или иезуита Дельрио и сами убедятся, кто был лжеучителем. А если им скажут, что жестокости инквизиции были лишь теми, что входили в моду согласно светскому закону того времени, пусть вспомнят, что разработчиками этого закона были не кто иные, как безбрачное римское духовенство.

Я не отрицаю, что во всем этом была справедливая, хотя и ужасная Немезида. В чем же заключался основной недостаток этих лангобардских законов - впрочем, как и всех тевтонских кодексов? В том, что для свободного человека существовал один закон, а для раба - другой. Церковное владычество было необходимо, чтобы создать один закон для всех сословий, даже если бы это был закон общего рабства. Как свободные поступали с рабами, так же, но гораздо хуже, поступало с ними римское духовенство. Альбигойские гонители, сжигавшие в один день шестьдесят дам; Конрад Марпургский, бичевавший свою собственную государыню, святую Елизавету; бритоголовый граф Саим, сжигавший знатных дам почти без суда; Шпренгер и его подручные, предлагавшие по всей Германии гекатомбы женщин самой высокой крови; английские епископы, сжигавшие в Смитфилде Анну Эскью, незадачливую придворную красавицу, и ее товарища по суду мистера. Ласкеллеса, как если бы они были эссекскими или беркширскими крестьянами; все эти злодеи сваривали различные классы европейских народов, объединяя их страданием, в нации; в убеждение, что у свободного и раба одна кровь, одна человечность, одна совесть, одна способность страдать; наконец, одна способность восстать и сделать общее дело, высокое и низкое, против того, кто царствовал в Италии под "Romani nominis umbram".

И если наше английское право, наши английские представления о справедливости и милосердии сохранили, более чем большинство европейских кодексов, свободу, правдивость, доброту старых тевтонских законов, мы обязаны этим тому факту, что Англия более других земель избежала запятнанности постылой римской цивилизацией; что она первой из земель в XII веке восстала против и первой из них в XVI веке сбросила ультрамонтанское иго.

И, несомненно, так будет в свое время с потомками этих самых лангобардов. Мы видели, как в эти самые годы они восстали из пыли и позора веков и снова решили стать лангобардами. Мы видели, как среди них появился герой с истинно тевтонской печатью, достойно носящий имя, которое его предки принесли через Альпы вместе с Альбоином-Гарибальдом, "смелым в войне". Пусть они преуспеют в той же благородной борьбе, в которой преуспели мы, и, вернувшись, не по букве, а по духу, к старым законам Ротара и своих свободных предков, станут ведущей расой свободной и объединенной Италии!

ЛЕКЦИЯ XI- РИМСКИЕ ПАПЫ И ЛАНГОБАРДЫ

"Богоматерь наша, даже Дева Мария, вместе с нами протестует перед вами, возлагая на вас великие обязательства, и наставляет и повелевает вам, а вместе с ней престолам, господствам, всем небесным ангелам, мученикам и исповедникам Христовым, от имени города Рима, преданного нам Господом Богом, и овец Господних, обитающих в нем. Защитите и освободите его поскорее от рук преследующих лангобардов, чтобы тело мое, претерпевшее мучения за Христа, и дом мой, в котором оно покоится по повелению Божию, не были заражены людьми лангобардов, виновных в столь беззаконном лжесвидетельстве и гордых нарушителях Божественного Писания. Так и я в судный день награжу вас своим покровительством и приготовлю для вас в Царстве Божием самые сияющие и славные скинии, обещая вам награду вечного воздаяния и бесконечные радости рая.

Бегите, истинным и живым Богом увещаю вас, бегите и помогайте, пока не иссяк живой источник, у которого вы были освящены и возрождены, пока не погасла искра, оставшаяся от того яркого пламени, от которого вы познали свет, пока ваша духовная мать, святая Церковь Божия, в которой вы надеетесь получить вечную жизнь, не была унижена, захвачена, нарушена и осквернена нечестивцами.

А если нет, то пусть ваши провинции и владения будут захвачены людьми, которых вы не знаете. Не отделяйте себя от моего римского народа, чтобы не быть вам пришельцами и не отделиться от Царства Божия и жизни вечной. Ибо, чего бы вы ни попросили у меня, я непременно дам вам и буду вашим покровителем. Помогайте моему римскому народу, вашим братьям, и старайтесь больше, ибо написано: "Никто не получит венца, если не будет стараться законно".

Заклинаю вас, возлюбленнейшие, Богом живым, не оставляйте больше город мой Рим на растерзание лангобардам, чтобы тела и души ваши не были вечно терзаемы и мучимы в огне неугасимом и тартарском с дьяволом и ангелами его вредными; и пусть не рассеиваются более овцы стада Господня, которые есть народ римский, чтобы Господь не рассеял вас и не изгнал, как рассеян был народ Израиля".

Вы, несомненно, придете к выводу, что этот любопытный документ не может быть ничем иным, как папским посланием. Его особый стиль (ошибочно полагают, что его придумали пуритане, которые всего лишь переняли его у старого римского духовенства), а также самодовольство, с которым судьба всего мира зависит от процветания маленького полуразрушенного города в Италии, будут для вас достаточным признаком римской руки. Но

вы несколько ошибетесь. Вряд ли это послание преемника святого Петра. Оно утверждает, что является посланием самого святого Петра, отправленным им через руки папы Стефана III Пипину, королю франков, в 755 году. Из него вы также заключите, что католическое христианство находится в крайней агонии, что поклонение и имя нашего Господа, а также источники сакраментальной благодати вот-вот погаснут навсегда, и что за этим не может последовать ничего, кроме ереси или язычества. Тогда вы сильно ошибаетесь. Эти лангобарды - благочестивые католики. Они строят церкви и монастыри, собирают мощи римских мучеников, чтобы перенести их в церкви Милана и Павии. Они только что дали папе Стефану самое яркое доказательство своего благоговения перед его личностью и должностью. Но они ссорятся с ним из-за границ его владений для вотчины святого Петра. Они считают, что он и его предшественники грубо обманывали их в разные времена, а теперь, в последний раз, призвав иноземных захватчиков, они стоят у ворот Рима, опустошая страну, и требуют выкуп в виде налога. Вот и все.

Причины, которые привели к этой ссоре, следует искать далеко в истории. Оригинальными документами, в которых вы найдете факты, будут Paulus Diaconus, вплоть до смерти короля Луитпранда; затем "Жизнь и труды" Григория Великого; а затем "Анналы" Барония, особенно его цитаты из "Жизни Стефана III" Анастасия, Помня, что, как и в случае с остготами, мы располагаем только историей римского папы; что лангобарды никогда не излагали свою версию, даже через Павла Диякона, который, будучи священнослужителем, благоразумно держит язык за зубами по этому поводу. Но, безусловно, лучший рассказ можно найти в книге Дина Милмана "Латинское христианство", тома I и II. I. и II. Рим, как вы должны понимать, постепенно стал вотчиной святого Петра; папы - практические короли Рима, владеющие от имени Церкви большой землей вокруг Рима и многими поместьями, разбросанными по всей Италии и даже в Сицилии, Галлии, Африке и на Востоке - поместьями, вероятно, завещанными благочестивыми людьми. Они получили эту юрисдикцию просто по умолчанию. Они управляют Римом, потому что больше никому им управлять. Мы видим, как святой Григорий Великий кормит нищие массы Рима в первый день каждого месяца из плодородных кукурузных поместий на Сицилии; поддерживает "Панем", но заменяет, слава Небесам, "Цирцеи", по крайней мере, церковными службами. Конечно, человек, который мог сохранить жизнь римскому народу, должен был стать, *ipso facto*, его монархом.

Папа, конечно, признает определенную верность императору в Константинополе и, соответственно, его представителю, экзарху Равенны: то есть он встречает их лаской, когда они работают на его стороне, и гневом, когда они выступают против него. Он также интригует с ними против лангобардов, когда может это сделать безопасно.

Таким образом, за четыре века, прошедшие после разрушения Западной империи, папа стал единственным уцелевшим представителем этой империи. Он - глава "gens togata"; "Senatus Populusque Romanus". В его лице Рим снова восстал из могилы, чтобы вновь внушить народам благоговение перед римским именем; и основать новую империю, не как прежде, на физической силе и благоговении перед видимой властью, а на более глубоком и прочном основании духовной силы и благоговения перед невидимым миром.

Империя, говорю я. С V по VIII век папы становились не просто владыками Рима, но владыками Западной Церкви. Их духовная империя, надо отдать им должное, не столько сознательно стремилась к ним, сколько была навязана им. Как духовенство было во всей империи представителем угнетенных римлян, так и оно, естественно, тяготело к Вечному

городу, своей древней хозяйке. Как и все дисциплинированные и организованные тела, они чувствовали потребность в единстве, в монархии. А где они могли найти ее, как не в Риме? Рим все еще оставался, практически и фактически, источником их доктрины, их высшей цивилизации; и подчинение папе римскому было их единственным средством поддержания единой веры, единой практики и силы, которая приходит от союза.

Посадить Папу на трон Сезаров; приписать ему полномочия, более весомые, чем все, которыми обладали Сезары... Это была великолепная идея. И политическая идея тоже; ведь она покрывала священство всем престижем Древнего Рима и позволяла ему противостоять варварам от имени того великого народа, память о котором до сих пор внушает ему ужас; на чьи бани, акведуки, дворцы он смотрел как на дело рук демонов; чьи мудрецы и поэты были для него чародеями; чьи драгоценные камни, выкопанные из руин ночью, в страхе и трепете, обладали магическим воздействием для лечения, для сохранения, для удачи в мире или войне.

Политично, а в их глазах - правдиво. Достаточно легко, чтобы в них искренне поверили люди, которые уже искренне верили в свою собственную божественную миссию. Они были представителями Христа на земле. В этом факте ни тогда, ни сейчас не было и не может быть никаких сомнений. Какая бы истина, свет, праведность ни существовали на Западе, они пришли туда через них. А Христос был Царем царей. Но Он задержал Свое пришествие: в некоторые моменты казалось, что Он покинул землю и оставил человечество разрывать себя на части, дико воюя и правя. Но так не могло быть. Если Христос отсутствовал, Он должен был, по крайней мере, оставить за Собой власть, которую Он мог бы занять до Своего прихода; главу и правителя для Своей угнетенной и смятенной Церкви. И кто же это мог быть, если не Папа Римский?

Так должно быть, думали они. И для людей в таком настроении доказательства того, что так оно и есть, быстро находились под рукой и накапливались из поколения в поколение; пока наконец папа не стал провозглашать, более того, верить, что Бог отдал весь мир святому Петру, а через святого Петра - ему; и что он - единственный источник власти, закона, царской власти, который может ставить и свергать, кого пожелает, в качестве наместника Бога на земле.

Такие притязания, конечно, росли медленно. Только в 875 году, через 180 лет после того времени, о котором я говорю, папа Иоанн VIII отчетливо заявил о своем праве, как представитель древней Римской империи, создать Сезара; и сообщил Синоду Павии, что он "избрал и утвердил Карла Лысого с согласия его братьев-епископов, других служителей Святой Римской церкви и" (знаменательные, хотя и пустые слова) "римского сената и народа".

В то время, о котором я говорю, эта власть была еще в зародыше, росла, проходя через множество битв, но росла уверенно и сильно, и ей было суждено быстро отомстить за падение Рима простым варварам, которые рвали друг друга на куски из-за ее трофеев.

Нелегко объяснить стойкую и наследственную ненависть пап к лангобардам. Ее происхождение достаточно просто, но не ее продолжение. Почему в глазах папы Григория Великого они должны были быть неандиссами, понятно: но почему через 100 лет после этого они все еще должны быть неандиссами и "не называться народом лангобардов", вызывает недоумение.

Сначала, конечно, Папа мог смотреть на них только как на новую орду варварских завоевателей; наполовину язычников, наполовину ариан. Их добродетельная и верная

жизнь в границах завоеваний Альбоина, о которых Павлус Диакон говорит, что насилие и предательство были неизвестны, что никто не угнетал, никто не грабил, что путешественник шел куда хотел в полной безопасности - все это было бы скрыто от Папы тем очевидным фактом, что они постоянно расширяли свою границу в сторону Рима; что они основали два полунезависимых герцогства - Беневентум и Сполето, что Аутарис пронесся по Южной Италии и въехал на своем коне в море у Реджио, чтобы пробить копьем колонну в волнах и воскликнуть: "Здесь кончается королевство лангобардов".'

Папе (речь идет о Григории Великом) оставалось только вспомнить, что во время беззакония, предшествовавшего коронации Автариса, независимые лангобардские герцоги разграбили церкви и монастыри, убили духовенство и уничтожили народ, который "снова вырос, как кукуруза".

Но шли годы, и эти арианствующие лангобарды стали добрыми католиками, и это при жизни Григория Великого.

Теоделинда, баварская принцесса, к которой Автарис отправился под прикрытием двора ее отца и признался только при его отъезде, приподнявшись в стременах и вонзив свой боевой топор в ствол дерева с возгласом "Так поражает Автарис лангобардов", - эта Теоделинда, говорю я, вышла замуж после его смерти за Агильвульфа, своего двоюродного брата, и сделала его королем лангобардов.

Она была католичкой, и через нее Григорий Великий обратил в христианство Автариса и весь лангобардский народ. Ей он адресовал эти свои знаменитые диалоги, полные как истинного благочестия и искренности, так и детского суеверия. Но, осуждая их и его, мы должны помнить, что эти лангобарды стали католиками, по крайней мере, благодаря ему, и что ариане верили в суеверия так же, как и католики. И, конечно, лучше верить в великую истину плюс некоторые ошибки, которые ничуть не влияют на нее, чем в великую ложь плюс те же самые ошибки. Что лучше - верить, что дорога в Лондон лежит через Бишопсторфорд, и что на ней встречаются собакоголовые люди, или что она лежит через Эдинбург, но и на этой дороге встречаются собакоголовые люди?

Теоделинда построила в Модикее, в двенадцати милях от Милана, прекрасную базилику Иоанна Крестителя, обогащенную ею и лангобардскими королями и герцогами "коронами, крестами, золотыми столами, украшенными изумрудами, гиацинтами, янтарем, карбункулами и жемчугом, золотыми и серебряными алтарными покрывалами и той восхитительной чашей из сапфира", которая сохранилась до восемнадцатого века. Там же находилась и знаменитая железная корона Ломбардии, которую Австрия до сих пор считает своей; названная так из-за вставленного в нее тонкого железного кольца, сделанного из гвоздя настоящего креста, который Григорий послал Агильвульфу; точно так же он послал Чилдеберту, франкскому королю, опилки цепей святого Петра; которые, однако, по его словам, не всегда позволяли опиливать свои святыни.

Взамен Агильвульф вернул разграбленное им церковное имущество, восстановил епископов; и почему же все не пошло на лад? Почему эти лангобарды до сих пор остаются самыми злыми из людей?

Опять же, в начале восьмого века наступили дни доброго Луитпранда, "мудрого и благочестивого, любителя мира и сильного в войне; милосердного к обидчикам, целомудренного и скромного, постоянного в молитвах, щедрого на милостыню, равного философам, хотя и не знавшего букв, питателя своего народа, увеличителя законов". Именно он, поссорившись с папой Григорием II и выступив в поход на Рим, был остановлен у ворот

Ватикана молитвами и угрозами понтифика. На него снизошел священный трепет; смиренно войдя в собор Святого Петра, он поклонился там, возложил на гробницу апостола свое королевское оружие, серебряный крест и золотую корону, и, выведя войско, с миром отправился домой. Но почему добрые дела этого великого короля по отношению к папе и католической вере были вознаграждены тем, что мы можем назвать лишь отвратительными интригами и предательством?

Опять же; Лев, император-иконоборец, уничтожил святые изображения на Востоке и послал приказ экзарху Равенны уничтожить их в западной Италии. Папа Григорий II ответил отказом от верности константинопольскому императору и двумя знаменитыми письмами, которые сохранились до наших дней; в них он говорит императору-иконоборцу, что, "если бы он обошел гимназии в Риме, дети бросили бы ему в голову свои роговые книги... что он умолял Христа послать императору дьявола, для уничтожения его тела и спасения его души... что, если бы он попытался послать дьявола. ...что если бы он попытался уничтожить изображения в Риме, то понтифик укрылся бы у лангобардов, и тогда он мог бы с таким же успехом гнать ветер, что папы были посредниками мира между Востоком и Западом, и что взоры народов были прикованы к смирению папы, и обожали как Бога на земле апостола святого Петра. И что благочестивые варвары, разгораясь от ярости, жаждали отомстить за гонения Востока". Тогда Луитпранд встал на защиту папы и его изображений, а также толпы, разъяренной потерей своих идолов, и пошел на Равенну, которая открыла перед ним свои ворота, так что он стал хозяином всего Пентаполиса; и поклонение изображениям, которому некоторые простодушные люди дают более суровое название, было спасено в Италии на веки вечные. Почему же Григорий II в ответ призвал Орсо, первого венецианского дожа, изгнать из Равенны того самого Луитпранда, который сражался за него, и восстановить Равеннский экзархат, который, по общему признанию, своими гражданскими распрями, злоупотреблениями и поборами превратил в самое жалкое правительство в Италии? И почему он вступил в тайные переговоры с франками, чтобы те пришли и вторглись в Италию?

И снова, когда Луитпранд хотел урезать герцогства Беневент и Сполето, которые он считал мятежниками против него, своего феодального сюзерена; почему следующий папа, Григорий III, снова послал через Альпы к Карлу Мартелю, чтобы тот пришел и вторгся в Италию и избавил Церковь и народ Христа от гибели?

И кто были эти франки, предки той великолепной, но расточительной аристократии, гибель которой наши деды наблюдали в 1793 году? Я намеренно воздержался от их описания, пока они не появятся на сцене Италии и не примут участие в ее судьбах, которые тогда были судьбами всего мира.

Впервые они появляются на римской границе в 241 г. н.э. и с тех пор не успокаиваются, пока не завоюют север Галлии. Предполагается (и не без оснований), что они вовсе не были расой или племенем, а представляли собой конфедерацию воинов, которые были просто "франками", "свободными"; "свободными спутниками" или "свободными копьями", как их называли бы несколько столетий спустя; которые набирали себя из любого племени, готового присоединиться к ним для войны и грабежа. Если дело обстояло именно так; если они отбросили, как авантюристы, многое из старого тевтонского уважения к закону, к королевским расам, к семейной жизни, к священным узам родства, то многие их особенности объяснимы. Ложь, жестокость, беззаконие, невежество и жестокость по отношению к покоренным римлянам были их особыми грехами, а их особой и, по сути, единственной добродетелью была та неукротимая смелость, которую они передавали своим потомкам на протяжении многих сотен лет. Бакканы молодого мира, они были невосприимчивы ко всем влияниям, кроме суеверия. При Хлодвиге они стали

ортодоксальными христианами, но их обращение, если судить по известным историческим фактам, мало улучшило их нравы. Страницы Григория Турского по тоскливому однообразию ужасов сравнимы разве что с "Историей пиратов" Джонсона.

Но, как хорошо замечает М. Сисмонди хорошо замечает, что само их невежество и жестокость делали их еще более легким орудием римского духовенства: "Эта высокая вера в Церковь и их святая ортодоксия были тем более легки в сохранении, что, не делая никаких исследований и не споря ни о чем, они не знали вопросов, вызывавших споры, и давали духовенству мощных помощников. Франки, по всей видимости, были настроены на то, чтобы преследовать ариан, сражаться с ними и отбиваться от них, не понимая их; евреи, в свою очередь, не проявляли должной щепетильности в отношении остальных нравственных основ религии: ils fermèrent les yeux sur les violences, le meurtre, le dérèglement des mœurs; ils autorisèrent en quelque sorte publiquement la polygamie, et ils prêchèrent le droit divin des rois et le devoir de l'obéissance pour les peuples[279] ."

Болезненная картина союза: но, боюсь, слишком правдивая.

Историю этих франков вы должны прочитать сами. Вы найдете ее хорошо изложенной на страницах Сисмонди и в превосходной книге мистера Перри "Франки". Сейчас достаточно сказать, что во времена Луитпранда эти франки, после веков смятения и кровопролития, объединились в одну великую нацию, простирающуюся от Рейна до Луары и моря, и непрерывно вторгающуюся на юг и восток. Управление уже давно перешло из рук сладострастных меровингских королей в руки полунаследственных майордомов, или мэров дворца; Карл Мартель, возможно, самый великий из этой расы великих людей, только что стал мэром Аустразии (настоящего тевтонского центра жизни и власти франков), Нейстрии и Бургундии. Он сокрушил Эвдо, герцога романизированной Аквитании, и окончательно избавил Францию и христианство от вторжения сарацинов. На его франках и лангобардах Италии покоятся, на данный момент, судьбы Европы.

Тем временем появилось еще одно предвестие, на этот раз с далекого Востока. Еще один рой разрушителей пронесся над землей. Дикие арабы пустыни, пробудившиеся к внезапной жизни и цивилизации под влиянием нового вероучения, захлестнули весь Восток, весь север Африки, уничтожив последние остатки римской и греческой цивилизации, а вместе с ними и постылое и полуйдолопоклонническое христианство империи. Все труды Нарсеса и Белисария пошли прахом. Арабские эмиры правят в старом королевстве вандалов. Новый людской потоп перешел через проливы в Европу. Вестготы, изнеженные роскошным климатом Испании, отступили перед мусульманскими захватчиками. Родерик, последний король готов, скитается безвестным кающимся в искупление своего греха против прекрасной Кавы, который обрушил (так гласят легенды и баллады) бич Божий на незадачливую землю; И остатки старых вестготов и суэвов теснятся в горных крепостях Астурии и Галлисии, чтобы затем, спустя долгие века, возродиться в виде благородной испанской нации, выкованной в кузницах испытаний в подобие закаленной стали и призванной отвоевать, нога за ногу, свою родную землю у мусульманского захватчика.

Но в настоящее время Полумесяц был хозяином Креста, а за Пиренеями царили рабство и "нечистоплотность". Арабы, вторгшиеся во Францию в 732 году несметными тысячами, были отброшены назад в великой битве при Туре с такой резней, что возбужденное воображение Паулуса Диякона видит на поле 375 000 убитых, в то время как погибло всего 1500 франков. Но домашние проблемы не позволили "молоту мавров" продолжить свою победу. Сарацины вернулись в 737 году, а затем в 739 году. Они все еще удерживали Нарбонну. Опасность была неминуема. Не было никаких причин, почему бы им не предпринять третье вторжение.

Почему бы им не распространиться вдоль берегов Средиземного моря, закрепиться там, как они уже делали это на Сицилии, и угрожать Риму как с севера, так и с юга? Поэтому объединить две великие католические тевтонские державы, франкскую и лангобардскую, для защиты христианства - такова должна была быть политика того, кто называл себя главным понтификом в христианстве. Однако перед лицом этой великой опасности папа предпочел подтолкнуть тевтонские народы к уничтожению друг друга, а не объединить их против мусульман.

Взятка, предложенная франку, была значительной - титул римского консула; кроме того, он должен был получить оковы Святого Петра и ключ от его гробницы, чтобы сохранить его тело и душу от всякого зла.

Чарльз не пришел. Он был слишком благороден, чтобы по приказу священника выступить против Луитпранда, своего старого брата по оружию, к которому он отправил мальчика Пипина, своего сына, чтобы Луитпранд взял его на колени, остриг свои длинные королевские волосы и стал его отцом-воином, по старой доброй тевтонской моде; Луитпранд, который со своими лангобардами помог ему спасти христианство во второй раз от мусульман в 737 году. Папа, надо думать, должен был помнить о том добром деле доброго лангобарда, о котором поется в его эпитафии,

"Deinceps tremuere feroces
Usque Saraceni, quos dispulit impiger, ipsos
Cum premerent Gallos, Karolo poscente juvari".

Так Карл Мартел принял от папы титул патриция, но не послал ему войска; ссора продолжалась, а Карл восполнял меру своего беззакония, посягая на церковное имущество в Галлии, которое его меч спас от полчищ сарацин; и теперь, как видел в видении святой Евхерий (или епископ Хинкмар), оно корчится в самой низкой бездне ада.

Так проходит еще одно поколение, и вот Пипин ле Бреф, возмужав, становится менее щепетильным, чем его отец. Он связан с Папой благодарностью. Папа утвердил его в качестве короля, позволив свергнуть королевский дом Меровингов, и таким образом взял на себя право назначать королей - право, о котором будущие папы не забудут.

Тем временем папа уговорил лангобардского короля Рахиса уйти в монастырь. Астульф захватывает корону и нападает на Равенну. Против него выступает сменивший его папа Стефан III, который идет на Рим, угрожая взять его штурмом, если горожане не выкупят свои жизни налогом на опрос.

Стефан решает сам отправиться к Пипину, чтобы попросить помощи: и так ужасны стали имя и личность папы, что ему разрешают это сделать; разрешают пройти без оружия через ту самую землю, на которую он собирается обрушить все ужасы захватнических войн.

Это странная и поучительная фигура. Ужас перед невидимым, страх перед духовной силой охватил диких тевтонов, как франков, так и лангобардов. Папа и его духовенство для них - волшебники, против которых не поможет ни меч, ни копье; которые могут исцелить больного и взорвать звук; которые могут призвать на помощь из облаков тот пантеон полубогов, которыми под именем святых они населили небо; которые могут напустить на них легионы извергов, обитающих в каждой пещере, каждом лесу, каждой развалине, каждом облаке; которые могут, приговорив к отлучению, уничтожить в аду и тело, и душу. Они очень не хотели бояться Бога, эти дикие тевтоны; поэтому им пришлось, как и всем людям, не желающим бояться Бога, бояться дьявола.

И вот папа Стефан отправляется к Пипину, старшему сыну Церкви. Тот обещает прийти со всеми своими франками. Совесть Стефана, кажется, тронута: он старается не воевать, а вести переговоры, но уже слишком поздно. Астольф не хочет слышать ни о каких условиях; Пипин переваливает через Альпы и у ворот Павии диктует лангобардам свои условия. Старый лангобардский дух, кажется, угас.

Пипин снова возвращается, а Астольф отказывается выполнять свои обещания. Папа посылает Пипину письмо от самого святого Петра, с которого началась эта лекция.

Астольф дошел, как мы слышали, до стен Рима, опустошая землю, вырубая виноградники, унося освященные сосуды, оскорбляя таинство алтаря. По словам папы, лангобарды совершали насилие над монахинями и пытались их убить; хотя, если бы они действительно пытались, не видно, почему бы им это не удалось. На самом деле истерические ораторские речи папы Стефана в адрес Пипина следует воспринимать с крайней осторожностью. Ни один католический историк той эпохи не заботится о том, чтобы проверить истинность фактов, которые говорят в его пользу; ничто не может быть слишком плохим, чтобы сказать о враге: и действительно, человек, который подделал бы письмо Святого Петра, мог бы осмелиться сказать несколько меньших неправд в сделке. Пипин не может не подчиниться столь величественному вызову; и вот он снова в Италии, и лангобарды не смеют ему сопротивляться. Он захватывает не только все, что Астольф отнял у папы, но и Пентаполис и Экзархат, собственность греческих императоров, и дарит их Стефану, папе и "святой Римской республике".

Уполномоченные папы получили ключи от городов, которые были положены на алтарь святого Петра; и это, дотация Пипина, дотация экзархата, было первым законным временным суверенитетом пап: рожденный в грехе и зачатый в беззаконии, как вы можете видеть.

Теперь власть лангобардов быстро распалась. Лангобарды Сполето уступили двойному давлению франков и римлян, попросили "принять их на службу святому Петру" и обрезают свои длинные немецкие локоны по римской моде.

Карлу Великому в его последнем вторжении оставалось сделать совсем немного. Он подтвердил дар Пипина и даже, хотя вряд ли сдержал обещание, расширил его, включив в него всю Италию от Ломбардии до границ Неаполя, а сам стал королем Ломбардии и получил железную корону.

И вот французские войска - уже не в последний раз - оттеснили Папу на его незаконно полученный трон.

Но одной лишь поддержки французских армий было недостаточно, чтобы Папа надежно уселся на трон западных кесарей. Требовались документальные доказательства того, что они владели Римом не как вассалы франкских кайзеров или варваров-тевтонов, а по своему праву, как наследственные государи Рима. И документы, когда потребовались, были готовы. Под именем святого Исидора какой-то готовый писец составил слишком известные "Декреталии" и "Доношение Константина", и папа Адриан I не видел причин против того, чтобы опубликовать их Карлу Великому и всему миру.

Благодаря этим замечательным документам неожиданно выяснилось, что Константин Великий был исцелен от проказы, а затем крещен папой Сильвестром; что в благодарность за исцеление он передал папам свой западный трон, вотчину святого Петра и суверенитет Италии и Запада; и что это было истинной причиной того, что он основал Константинополь как новое место правления для остатков своей империи.

Эта поразительная ложь, конечно же, была смиренно принята неграмотными тевтонами; и в течение последующих столетий она делала свое дело. Говорят - надеюсь, это неправда, - что она до сих пор числится среди постановлений канонического права, хотя и порицается всеми просвещенными римскими католиками. Как бы то ни было, на основании этого документа папы стали брать на себя практически деспотический суверенитет над западным миром и тевтонскими народами, и завоевание Римом своих покорителей наконец-то было завершено.

Каковы же причины ненависти пап к расе, которая была доброй и набожной католичкой на протяжении последних 200 лет их правления?

Были глубокие политические причины (в самом строгом и, боюсь, самом низком смысле этого слова); но помимо них, очевидно, существовали и моральные причины, которые лежали еще глубже.

Такие свободные, простодушные, практичные люди, как эти лангобарды, живущие по своим законам, не верящие в колдовство и, похоже, мало что делающие для монашества, вряд ли могли найти расположение в глазах пап. Они не были тем материалом, из которого папство могло бы слепить неаполитанский идеал "маленьких святых и маленьких ослов". Эти лангобарды не были суеверной расой; они, как франки и англосаксы, не толпились в монастырях. Во всей истории Паулюса я могу найти только четыре случая, когда лангобардские государи основывали монастыри. Один из них, как ни странно, принадлежит тому самому Астульффу, против которого папа так громко издевался в письме святого Петра, которое я вам читал.

Кроме того, справедливости ради надо сказать, что лангобарды очень презирали римлян. Как и все тевтоны. "Мы, лангобарды, - говорит епископ Луитпранд, - саксы, франки, лотарингцы, баварцы, суэвы, бургунды, считаем достаточным оскорблением называть нашего врага римлянином; под этим одним именем римлянина мы понимаем все, что является неблагородным, трусливым, скупым, роскошным, лживым, одним словом, все пороки". Если таково было чувство всей тевтонской расы - что весьма вероятно - и если в ответ на него римляне презирали "варварство" и "невежество" тевтонов, то каковы же должны были быть чувства между римлянами и лангобардами? Контакт должен был ожесточить взаимное презрение до крайней и междоусобной ненависти, в которой Папа, как представитель римского народа, не мог не участвовать.

Что касается политических причин, то они достаточно ясны. Нелепо говорить, что они хотели освободить Италию от лангобардских тиранов. Что они делали, как не передавали ее франкским тиранам? Нет. Истинная причина заключалась в следующем. Постепенно в умах всех пап, начиная с Григория Великого и далее, зародилась идея духовного верховенства, независимого от всех земных королей. Это была великая идея, как показали события: благотворная для Европы, но губительная для Италии. Ведь папы не довольствовались духовной властью. Они не могли представить себе ее отдельно от мирской власти, а мирская власть означала землю. Как рано они устремили свои сердца на Равеннский экзархат, мы никогда не узнаем: очевидно, что для них это был виноградник Навуфея, и чтобы получить его, они призвали франков.

Очевидно, они боялись, что лангобарды станут хозяевами всей Италии. Объединенная Италия соответствовала их представлениям тогда не больше, чем сейчас. Они не только считали Рим по-прежнему центром западного мира, но и, более того, их торговые запасы находились в Риме. Цепи святого Петра, гробницы святых Петра и Павла, катакомбы, наполненные костями бесчисленных мучеников, - все это было предметом их торговли. Даря

их, продавая их, творя с ними чудеса, призывая паломников со всех концов христианства посетить их на месте, они поддерживали свою власть и свое богатство. Я не обвиняю их в том, что они злоупотребляли этой властью и этим богатством в те дни. Напротив, они использовали их лучше, чем власть и богатство когда-либо использовались в мире до этого. Но они зависели от святости, которую придавали определенному месту; и любую власть, которая, подобно лангобардской, стремилась дать Италии другой центр, кроме Рима, они боялись и не любили. Ломбардская базилика под Миланом со всеми ее сокровищами, должно быть, была в их глазах грозным соперником. Еще страшнее им было видеть, как Астульф, расположившись лагерем перед стенами Рима, искал мощи мучеников и уносил их в Милан. Именно это, по всей видимости, и послужило поводом для поездки Стефана к Пипину. Этот Астульф был добрым католиком. Он основал женский монастырь и отдал в него своих дочерей. Что может быть более достойным поступком в глазах Папы? Но он отнял у церкви земли и, что еще хуже, мощи - резервный капитал, на который церковь покупала земли. Это было поистине преступление, которое можно было искупить только ужасами франкского нашествия.

По тому же принципу папы поддерживали экзархов Равенны, а также независимые герцогства Сполето и Беневентум. Хорошо или плохо они управлялись, были иконоборцами или нет, но они были необходимы, чтобы сохранить Италию разделенной и слабой. И получив от Пипина и Карла Великого то, что хотели, они были заинтересованы в том, чтобы продолжать ту же политику; отстаивать свою независимость, как они это делали с Карлом Великим и его преемниками, защищая притязания иностранных королей на суверенитет остальной Италии. Такова была их политика на протяжении веков. Это их политика и сейчас; и эта политика стала проклятием Италии. Этот роковой дар достояния Святого Петра - как видел Данте, как видел Макиавелли, как видели все ясновидящие итальянцы, как видим мы сейчас, в эти самые дни - держит ее разделенной, раздираемой гражданскими войнами, завоеванной и вновь завоеванной иностранными захватчиками. Не имея возможности, как безбрачный церковник, создать в своих владениях сильное наследственное королевство; не имея возможности, как иерофант священнической касты, объединить свой народ в узы национальной жизни; не имея возможности, как пытался Борджиа, завоевать для себя остальную Италию; и превратить ее в королевство, достаточно большое, чтобы иметь вес в балансе сил; Папа был вынужден снова и снова удерживаться на своем троне, интригуя с иностранными принцами и призывая иностранное оружие; и бич Италии, со времен Стефана III. до Пия IX, была временная власть папы.

Но и на пап обрушилась Немезида. Строя свою власть на римских реликвиях, на басне о том, что Рим - вотчина Петра, они опирались на ложь; и эта ложь отомстила за себя.

Если бы они не зависели от местоположения Рима, если бы они были действительно духовными императорами, став космополитами, путешествуя, возможно, от народа к народу в регулярных прогрессиях, то их власть могла бы быть настолько безграничной, насколько они когда-либо желали ее иметь. Заняв ложное положение мелких королей мелкого королевства, они вынуждены были терпеть постоянные предательства и тиранию со стороны своих иностранных союзников; видеть, как не только Италия, но и сам Рим оскорбляется и даже разграбляется правоверными католиками; и с течением веков все больше и больше становиться орудием тех самых королей, которых они хотели сделать своими орудиями.

Правда, защищались они долго, с поразительным мастерством и мужеством. Источников их силы было два: мораль и тауматургия; и они использовали их оба: но когда первая не

справлялась, вторая становилась бесполезной. Пока их моральная сила была реальной; пока они и их духовенство были в целом, несмотря на огромные недостатки, лучшими людьми в Европе; пока люди верили в них, а также в их тауматургические реликвии. Но они отнюдь не стали лучшими людьми в Европе. Тогда они стали думать, что в конце концов легче работать с материалом, чем с моральной силой, легче работать с костями, чем с праведностью. Они были обмануты. И вот! Когда праведности не стало, кости отказались работать. Люди стали сомневаться в достоинствах костей и спрашивать: "Мы можем поверить, что кости могли творить чудеса для хороших людей, но для плохих? Мы проверим, творят ли они вообще какие-либо чудеса. И тут, вот, выяснилось, что кости не творили чудес и что, возможно, они вовсе не были костями святых; и тогда разразилась буря: ложь, как и всякая ложь, сама себя наказала. Соль потеряла свой вкус. Тевтонский интеллект обратился от своих старых хозяев к Богу, к Божьей вселенной фактов и освободился раз и навсегда. Те, кто были светом Европы, стали ее тьмой; те, кто были первыми, стали последними; предупреждение человечеству до конца времен, что от Истины и Добродетели зависит единственная неизменная сила.

ЛЕКЦИЯ XII-СТРАТЕГИЯ ПРОВИДЕНИЯ

Я не знаю, знаком ли кто-нибудь из вас с теорией войны. Я сам знаю очень мало. Но кое-что из нее вы обязаны знать, как профессор истории. Ведь, к сожалению, большая часть истории человечества - это история войны, а историк, как человек, который хочет знать, как все происходило - в отличие от философа, который хочет знать, как все должно было происходить, - должен знать немного о первом из человеческих искусств - искусстве убивать. То немногое, что я знаю, я использую сегодня, чтобы объяснить вам вторжение тевтонов с так называемой механической точки зрения. Я хочу показать вам, как столь малочисленный и нецивилизованный народ смог покорить столь обширный и цивилизованный; и какие обстоятельства (которые вы можете приписывать каким угодно причинам, но я - Богу) позволили нашей расе победить в самой обширной и важной кампании, которую когда-либо видел мир.

Я называю это кампанией, а не войной. Хотя она длилась 200 лет и более, она кажется мне (думаю, покажется и вам), если вы посмотрите на карты, всего лишь одной кампанией: Я чуть было не сказал - одна битва. Есть только одна проблема, которую нужно решить; и поэтому действия нашей расы приобретают некое единство. Вопрос в том, как взять Рим и удержать его, разрушив Римскую империю.

Давайте рассмотрим две противоборствующие стороны - их численность и расположение.

Один взгляд на карту покажет вам, кто из них наиболее многочисленный. Если окинуть взором просторы Римской империи с востока на запад - Италию, Швейцарию, половину Австрии, Турцию и Грецию, Малую Азию, Сирию, Египет, Северную Африку, Испанию, Францию, Британию - и сравнить их с узкой полоской Германии, протянувшейся от устья Дуная до устья Рейна, то разница в площади окажется огромной; по крайней мере, в десять раз; возможно, и больше, если принять, как я склонен делать, теорию доктора Лэтхема, согласно которой мы всегда были в числе наших соседей. Лэтхема, что мы всегда были "маркменами", жителями Марша, занимавшими узкую границу между славянами и Римской империей; и что Тацит включил в число германцев, по слухам, многие племена внутренних районов Богемии, Пруссии и Польши, которые были славянами или другими; и что численность и площадь нашей расы были, по мнению Тацита, сильно преувеличены.

В чем же тогда заключались причины успеха тевтонов? Мужество и сила туземцев?

Они обладали ими, но вы должны помнить, что я говорил вам, что именно эти качества были использованы против них; что они были наняты в большом количестве в римскую армию, чтобы сражаться против своих же братьев.

Единодушие? Увы, об этом мало что можно сказать. Великая тевтонская армия должна была не только сражаться с римлянами, но и бороться с каждой бригадой, с бригадой перед ней, чтобы заставить их двигаться дальше, и с бригадой позади нее, чтобы не дать им перешагнуть через себя; слишком часто две бригады ссорились, как дети, и уничтожали друг друга на месте.

В чем же тогда причина их успеха? Я думаю, что в значительной степени это должно быть связано с их восхитительным военным положением.

Взгляните на карту Европы; поместив себя сначала в точке, которую нужно атаковать, - в Риме, и, глядя на север, проследите за германской границей от Эвксинского моря вверх по Дунаю и вниз по Рейну. Это выпуклая дуга: но не такая длинная, как вогнутая дуга противостоящей ей римской границы. Римская граница перекрывает ее на северо-западе всей Британией, на юго-западе - частью Турции и всей Малой Азии.

Казалось бы, это делает ее слабой и подверженной обстрелу с любого фланга. На самом деле это делало ее сильной.

Оба немецких крыла упирались в море: одно - в Эвксинское, другое - в Северное. Само по себе это не давало силы, ведь римские флоты были хозяевами морей. Но земли в тылу, на обоих флангах, представляли собой пустыни, неспособные поддержать армию. Какова была бы судьба войска, высадившегося в устье Везера на севере или в устье Днестра на западе? Голодная смерть среди диких болот, трясин и степей, если бы они попытались покинуть базу своих операций на побережье. Римляне видели это и никогда не пытались применить этот план. Защищать центр своей позиции было самым безопасным и простым планом.

Посмотрите на этот центр. Он сложный. Римская позиция защищена стенами Италии, гигантскими земляными сооружениями Альп. Взять их штурмом невозможно. Но справа и слева от них германская позиция имеет две замечательные точки-стратегические пункты, решившие судьбу мира.

Это два выдающихся угла, мысы германской границы. Один из них находится к северо-востоку от Швейцарии; страна Оллмана, между верховьями Дуная и верхним Рейном, Базель - его вершина. Менц - его северная точка, Ратисбон - южная. В этот треугольник заключен конец Шварцвальда; Шварцвальд - первобытный дубовый лес. Эти дубы спасли Европу.

Преимущества такого угла при вторжении в страну противника очевидны. Вы можете вырваться с любой стороны и сразу же вернуться в свою страну по "внутренней линии"; в то время как врагу придется маршировать вокруг угла, три фута на один, по "внешней линии". Ранние германские захватчики видели это и снова и снова врывались в Галлию под таким углом. Римляне тоже это видели (восхитительные стратеги, какими они были) и построили стену Адриана прямо через нее, от Мэна до Дуная, чтобы сдержать их. А почему стена Адриана не сдержала их? Из-за Шварцвальда. Римляне никогда не осмеливались смотреть ему в лицо, пытаться прорвать наш центр и спасти Италию, перенести войну в сердце Германии. Они знали (в чем, к сожалению, убедятся захватчики Англии), что тесный лес - это более грозная преграда, чем сами Альпы. Шварцвальд, говоря я, был ключом к нашей позиции и спас нашу расу.

С этого выгодного угла и вдоль всего Рейна выше него западные тевтоны могли бросить свои массы в Галлию; франки, вандалы, аланы, суэвы, следуя друг за другом в эшеллоне. Вы знаете, что такое эшеллон? Когда войска движутся в линиях, параллельных друг другу, но каждый несколько сзади другого, так что вся их позиция напоминает эшель - лестницу. Такой способ атаки имеет два больших преимущества. Противник не может обойти его с фланга, и он не смеет концентрировать свои силы на передовой дивизии и бить дивизии по частям. Если он попытается это сделать, то сам окажется во флангах, и его могут детально отбить постоянно прибывающие войска. Таким образом, в бой одновременно вступает только часть его линии. Теперь племена двигались вниз именно *en échelon*, в силу необходимости. Они не могли следовать сразу друг за другом, потому что две армии, идущие друг за другом, не смогли бы прокормиться в одной и той же стране. Они должны были идти параллельными линиями; те, кто был ближе к Италии, двигались первыми, образуя таким образом огромный эшеллон, передовой левый фланг которого упирался в Альпы и был защищен ими.

Но вы должны помнить (и это важно), что все эти западные атаки вдоль Рейна и Роны были ошибкой в той мере, в какой они были направлены на Рим. Тевтоны, полагаю, не знали, что Альпы поворачивают на юг между Галлией и Италией и спускаются прямо к Средиземному морю. Там они обнаружили, что по-прежнему отрезаны ими от Рима. О переходе Ганнибала через Монт-Сени они, похоже, не знали. Им пришлось спуститься к Средиземному морю, повернуть на восток вдоль геноуэзского побережья у Ниццы, а затем, вдали от места своих действий, снова и снова оказываться отрезанными от Рима, как отрезанными Марием были кимвры и тевтоны. Все попытки взять Рим со стороны пьемонтского входа в Италию провалились. Но эти западные атаки имели огромные последствия. Они разрезали римскую позицию на две части.

И тогда обнаружилась настоящая слабость этой великой злосчастной империи, завоеванной ради завоевания. На северо-западе римляне расширили свою линию далеко за пределы того, что они могли защитить. Вся Северная Галлия была захвачена франками. Британия оказалась в изоляции, и ее пришлось бросить на произвол судьбы. Южную Галлию, расположенную ближе к Италии, они могли защищать, что и делали, как великолепные солдаты; но эта оборона только вредила им. Она отбросила передовые колонны врага в Испанию. Испания находилась слишком далеко от их базы, чтобы ее можно было защищать, и она была потеряна и захвачена вандалами и суэвами. Истинная точка атаки находилась под другим важным углом нашей позиции, на правом римском фланге.

Вы знаете, что Дунай, когда вы поднимаетесь по нему, течет на восток и запад от Черного моря до Белграда; но выше того места, где в него впадает Спас, он поворачивает на север почти под прямым углом. Это второй переломный момент, настоящий ключ всей Римской империи. Ибо с этой точки германцы могли угрожать в равной степени Константинополю и Турции справа (я всегда говорю, стоя в Риме и глядя на север) и Италии и Риму слева. После пересечения Дуная между ними и Константинополем не было ничего, кроме богатых холмистых земель Турции; между ними и Римом не было ничего, кроме легких перевалов Карнийских Альп, от Лайбаха до Триеста. Триест был ключом к римской позиции. Он был и всегда будет важнейшим пунктом. Он может стать центром великого королевства. Нация, которая им владеет, должна потратить последний патрон на его защиту.

Тевтоны, как вы знаете, перешли Дунай в 376 году и одержали великую победу, в которой не было ничего, кроме моральной силы. Они долго ждали в Моззии, прежде чем узнали о сделанном ими важном шаге. Гений Алариха впервые обнаружил ключ к римской позиции и понял, что она находится в его собственных руках.

Я не утверждаю, что до него никто из германцев не пересекал Лайбахский перевал. Напротив, маркмены, квады, вандалы, похоже, перешли его уже в 180 году и появились под стенами Аквилеи. Конечно, кто-то должен был пройти первым, иначе Аларих не узнал бы об этом. Карт тогда не было, по крайней мере у нашей расы. Их великим полководцам приходилось прощупывать дорогу нога за ногу, полагаясь на слухи старых авантюристов, дезертиров и прочих, чтобы узнать, плодородная ли страна или непроходимая пропасть, великий город или край света находится в двадцати милях перед ними. Да, среди них были великие полководцы, и Аларих, пожалуй, самый великий.

Если вы рассмотрите походы Алариха с 400 по 415 год н. э., то увидите, что их планировал гениальный глаз. Ему, как и всем тевтонам, был нужен Рим. Он был близок к Италии, под тем углом, о котором я только что говорил; но вместо того, чтобы идти туда, он решил пойти на юг и уничтожить Грецию, и ему это удалось. Тем самым, если хотите знать, он разрезал Римскую империю на две части. Он парализовал и уничтожил правое крыло ее сил, которые могли бы, если бы он направился прямо в Италию, подойти из Греции и Турции, чтобы взять его во фланг и тыл. Он не позволил им сделать это; тем же уничтожением он предотвратил их морскую помощь Италии. И тогда он мог свободно двинуться на Рим, зная, что не оставляет на своем левом фланге ни одного сильного места, кроме самого Константинополя, и что остготы и другие племена, оставшиеся позади, замаскируют его для него. Затем он двинулся в Италию через Карнийские Альпы и в первый раз был отбит при Поллентии. Он не пал духом; он удалился в Венгрию, подождал пять лет, повторил попытку и добился успеха после двухлетней кампании.

Да. Он был великим полководцем. Чтобы безопасно провести огромные массы людей через враждебную страну и перед лицом вражеской армии (не считая женщин и детей), требуется талант, которым наделены немногие. Аларих мог это сделать. Дитрих Остроготский мог это сделать. Альбоин Ломбардский мог это сделать, хотя и не при таких страшных недостатках. Были генералы и до Мальборо, и до Наполеона.

И не думайте, что работа была легкой; что римляне настолько выродились, что стали легкой добычей. Аларих, безусловно, был выбит из Италии, даже если победа при Поллентии была преувеличена. А в 405 году Радагаст с 200 000 человек попытался взять Рим по пути Алариха, но из-за недостатка полководческого таланта был вынужден капитулировать под стенами Флоренции, а остатки его армии были проданы в рабство.

Почему Алариху повезло больше? Потому что он был великим гением. А почему, когда он умер, готы потеряли всякий план и дико блуждали по Италии и Испании? Потому что великого гения больше не было. Храбрость коренных тевтонов не могла обеспечить постоянный успех в борьбе с римской дисциплиной и стратегией, если только ими не руководили такие люди, как Аларих или Дитрих.

Можно было бы подумать, что кампания уже закончилась, но это было не так. Вдоль Дуная, от Эвксинского моря до Альп, у тевтонов еще оставалось преимущество внутренних линий, и огромные массы людей - герулы, гепиды, остготы, лангобарды - спускались вниз в огромном эшелоне, подобном тому, что форсировал Рейн; чтобы форсировать Италию в том же роковом пункте - Венеции. Победит та сторона, которая сумеет собрать последний резерв, как это обычно и бывает. А последние резервы были у нашей расы. Они должны победить. Но не сейчас. За это время они заняли вогнутую линию, большой дугой огибающую весь запад Средиземноморья - Италию, Францию, Испанию, Алжир, вплоть до Карфагена. Они не могли перебрасывать войска по такому протяженному побережью так быстро, как римляне могли перебрасывать их по морю, и у них не было флота. Несмотря на то что они завоевали

Западную империю, они оказались в очень опасном положении, и их едва не постигла гибель.

Ведь римляне, в свою очередь, меняли фронт более чем под прямым углом. Сначала они находились на северо-западе и юго-востоке. Во времена Юстиниана они лежали на севере и юге. Справа от них был Константинополь, слева - Пентаполис; между этими двумя точками они владели Грецией, Малой Азией, Сирией и Египтом - богатство неисчислимо. При этом, как мы всегда должны помнить, они были хозяевами моря, а значит, и внутренних линий действий. Они были вынуждены занять это положение, но, подобно римлянам, смирились с ним. С безграничным здравым смыслом расы (какой бы падшей, развратной, педантичной она ни была), они его реализовали, и с ужасным эффектом.

Их право на Константинополь было настолько сильным, что они нисколько не заботились о нем, хотя это был единственный незащищенный пункт. Они защищали его, нанимая варваров, а когда не могли заплатить им, отправляли их убивать друг друга; в то же время они спокойно втягивали в Константинополь безграничные урожаи Азии, Сирии и Египта.

Сила Константинополя была безгранична - он покорял два моря и два континента. Это, как видел гений Константинополя, как видел гений царя Николая, самое сильное место, возможно, в мире. Именно этот факт позволил империи Юстиниана возникнуть вновь, а Белисарию и Нарсесу - вновь завоевать Африку и Италию. Вспомните об этом и поймете, насколько сильны были римляне.

Тевтоны тем временем сменили фронт, завоевав Западное Средиземноморье, и становились слабыми, поскольку были рассеяны по внешним линиям, что представляло для них чрезвычайную опасность.

Я не могу преувеличить опасность этой позиции. Она позволила римлянам быстрыми движениями своих флотов вновь завоевать Африку и Италию. Оно могло бы позволить им сделать гораздо больше.

Белисарий, проявив великую мудрость, начал с нападения на вандалов в Карфагене с крайней правой стороны. Они оказались в изолированном положении и были уничтожены без посторонней помощи. Затем он двинулся на Италию и остготов. Он собирался детально форсировать позиции и оттеснить их за Альпы. То, что не успел закончить он, сделал Нарсес; и тевтоны действительно были отброшены за Альпы на несколько лет.

Но Нарсесу пришлось остановиться на Италии. Даже если бы его не отозвали, он не смог бы идти дальше. Следующим шагом должна была стать Испания, если бы у него действительно были силы в Италии. Но атаковать Испанию из Константинополя означало бы уйти слишком далеко от дома. Франки перешли бы Пиренеи и обрушились на его фланг. Вестготов, даже если бы они были разбиты, можно было бы только оттеснить через Гибралтарский пролив, чтобы вновь завоевать вандальское побережье Африки; а взять войска из Италии для любой такой цели означало бы впустить лангобардов - кто бы ни пришел, впущенный или нет. В Германии еще оставались резервы, о чем Нарсес прекрасно знал; ведь он видел, как 5000 лангобардов, помимо герулов, гуннов и аваров, сражались за него при Нуцерии и уничтожили остготов; и он хорошо знал, что они могут, если захотят, сразаться против него.

С другой стороны, у Римской империи не было резервов, а кампания как раз подошла к тому моменту, когда побеждает тот, кто сможет подтянуть последний резерв. Наши резервы были настолько далеки от истощения, что самые тяжелые из них, франки, вступили в бой, более сильные, чем когда-либо, через 200 лет.

Но римские резервы были исчерпаны. Если бы Греция, Малая Азия, Египет были хранилищами выносливого народа, римляне могли бы еще сделать - одному Небу известно, что. По крайней мере, они могли бы еще раз расширить свой фронт до линии Карфагена, Сицилии, Италии.

Но народ Сирии и Египта был таким, каким он был. Из них, насколько мне известно, не набирали рекрутов. Если бы они были, то оказались бы лицом к лицу с франком, или лангобардом, или вестготом, да что там - не с сикхом, рохиллой или гхоркой, а с настоящим бенгальцем - и оказались бы лицом к лицу с англичанином. Тысяча варангов могла бы пройти от Константинополя до Александрии без единого сражения, если бы им противостояли только греки и сирийцы.

Таким образом, римляне становились все слабее. Если мы проигрывали, то проигрывали и они. Каждый дикий тевтон, спустившийся вниз, чтобы погибнуть, перед смертью уничтожал римлянина, а то и не одного. Каждая колонна, уничтоженная благодаря восхитительному мастерству и мужеству римлян, ослабляла их не меньше, а может быть, и больше, чем ее уничтожение ослабляло тевтонов, и, изнуряя страну, уничтожала возможность римлян получать припасы. Италия и Турция, наконец, стали слишком бедны, чтобы вообще быть местом боевых действий.

Но вот появляется один из самых странных новых элементов в этой странной эпопее - Мухаммед и его арабы.

Внезапно эти арабские племена под влиянием нового мусульманского вероучения вырываются вперед с неведомого Востока. Они берут Восточную империю в тыл; такой атаки с тыла мир не видел ни до, ни после; они рассекают ее надвое; пожирают ее; и тем самым спасают Европу.

Это может показаться странной речью. Я должен объяснить ее. Я рассказал вам о том, что Восточная империя и ее военное положение были чрезвычайно сильны; что Константинополь был великой морской базой, хозяйкой Средиземноморья. Что мешало римлянам вновь завоевать все берега этого моря и укрепиться в Морее, или на Сицилии, или в Карфагене, или в любом другом центральном пункте? Что заставило их цепляться за Константинополь и впредь вести проигрышную кампанию? Да все просто: мусульмане заняли их позиции с тыла и лишили их Сирии, Египта, Африки.

Но тевтоны не смогли бы им противостоять. В VII веке лангобарды в Италии были ленивы и разобщены, готы в Испании еще более ленивы и разобщены, франки раздирали себя на части гражданскими войнами. Годы с 550 по 750 гг. н.э. и возвышение династии Карловингов стали для нашей расы периодом истощения, которое наступает после великих побед и последующей резни и краха.

Это был критический период тевтонской расы; о нем мало говорят, потому что мало знают: но он очень опасен. Тем не менее, что бы ни делала Восточная империя, сарацины помешали ей это сделать; и если вы согласны со мной, что благополучие тевтонской расы - это благополучие всего мира, то, не говоря уже ни о чем другом, сарацинское вторжение, покалечив Восточную империю, спасло Европу и нашу расу.

А теперь, господа, была ли эта огромная кампания проведена без генерала? Если Трафальгар не мог быть выигран без ума Нельсона или Ватерлоо без ума Веллингтона, то неужели не было единого ума, чтобы возглавить эти бесчисленные армии, от успеха которых зависело будущее всего человечества? Неужели никто не выстроил их в неприступный

выпуклый фронт от Эвксинского до Северного моря? Никто не направил их к двум великим стратегическим центрам - Шварцвальду и Триесту? Никто не заставил их, слепых варваров без карт и науки, следовать тем правилам войны, без которых победа в затяжной борьбе невозможна; и под напором гуннов, стоящих позади, побудить их слабеющие мириады к предприятию, которое по простоте своей сначала казалось им непосильным для смертных людей? Верьте в это, кто хочет: но я не могу. Мне могут сказать, что они притянулись на свои места, как притягиваются камни и грязь. Пусть будет так. Конечно, они подчинялись естественным законам, как и все вещи на земле, когда они подчинялись законам войны: это тоже естественные законы, объяснимые на простых математических принципах. Но если я верю, что ни один камень, ни одна горсть грязи не притягивается на свое место без воли Божьей; что много веков назад было предписано, в какое именно место должна быть смыта каждая крупинка золота с австралийского кварцевого рифа, чтобы определенный человек мог найти ее в определенный момент и в определенный кризис своей жизни; - если я достаточно суеверен (а я, слава Богу, таковым являюсь), чтобы придерживаться этого убеждения, разве я не должен верить, что хотя у этой великой войны не было генерала на земле, у нее мог быть генерал на небесах? И что, несмотря на все свои грехи, воинство наших предков было воинством Божиим?

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПРЕДЕЛЫ ТОЧНЫХ НАУК В ПРИМЕНЕНИИ К ИСТОРИИ.

С чувством благоговения, я бы даже сказал страха, я нахожусь в этом месте и выполняю это поручение. Ответственность преподавателя истории в Кембридже сама по себе очень тяжела: но вдвойне тяжела в случае того, кто видит среди своей аудитории многих людей, подходящих, а может быть, и более подходящих, для того, чтобы занять эту кафедру: и еще тяжелее, когда человек становится преемником человека, чья образованность, как и его достоинства, никогда не может надеяться сравняться с ним.

Но профессор, я верю, как и другие люди, способен совершенствоваться; и великий закон "docendo discas" может быть исполнен в нем, как и в других людях. А пока я могу только обещать, что те небольшие силы, которыми я обладаю, будут честно посвящены этому профессорскому званию; и что я постараюсь преподавать современную историю по методу, который удовлетворит правителей этого университета.

Я полагаю, что лучше всего это получится, если я буду помнить об уроках, которые я, как и тысячи других, усвоил от моего мудрого и доброго предшественника. Я имею в виду не только терпение в исследованиях и точность в фактах. Они необходимы всем людям, и им можно научиться у многих. Но чему особенно должны научить нас жизнь и труды сэра Джеймса Стивена, так это красоте и ценности милосердия; того великодушного человеколюбия, которое сочувствует всем благородным, щедрым, искренним мыслям и начинаниям, в какой бы форме они ни проявлялись; милосердия, которое, не ослабевая и не лениво путая вечные законы добра и зла, может сделать поправку на человеческие слабости; может отделить добро от зла в людях и в теориях; может понять и простить, потому что любит. Кто может читать работы сэра Джеймса Стивена, не испытывая более доброго отношения ко многим людям и многим формам мышления, против которых он был более или менее предубежден; не испытывая более доброжелательного взгляда на человеческую природу, более обнадеживающего взгляда на человеческую судьбу, более полной веры в великое изречение, что "Мудрость оправдывает всех своих детей"? Кто может читать эти произведения и не видеть, как милосердие просветляет разум, как фанатизм омрачает его; как события, которые для теоретика и педанта просто чудовищны и бессмысленны, могут

достаточно легко объясниться для человека, который поставит себя на место своих собратьев; который отдаст им должное за то, что они люди с такими же страстями, как у него самого; который увидит их глазами, почувствует их сердцем и возьмет за девиз: "Homo sum, nil humani a me alienum puto"?

Я прошу джентльменов, которые в будущем будут посещать мои лекции, помнить об этом последнем изречении. Если они хотят понять историю, они должны сначала попытаться понять мужчин и женщин. Ибо история - это история мужчин и женщин, и ничего больше; и тот, кто досконально знает мужчин и женщин, лучше всего поймет прошлую работу мира и сможет продолжить ее сейчас. Люди, которые в конечном итоге управляли миром, были теми, кто понимал человеческое сердце; и поэтому по сей день именно государственный деятель держит бразды правления в своих руках, а не простой студент. Он - человек мира; он знает, как управлять своими людьми; и поэтому он может добиться выполнения работы, которую простой студент (возможно) учил его делать; но которую простой студент, тем более простой торговец или экономист, не смог бы сделать; просто потому, что его люди, скорее всего, не стали бы его слушать и, конечно, перехитрили бы его. Конечно, пропорционально глубине, ширине, обоснованности его концепции человеческой природы, будет и величие и полнота его власти. Он может апеллировать как к самым низменным, так и к самым возвышенным мотивам. Он может быть лисой или орлом, Борджиа или Гильдебрандом, Талейраном или Наполеоном, Марией Стюарт или Елизаветой: но какой бы ни была его власть, какой бы благородной она ни была, она одинакова по своей сути. Он творит историю, потому что понимает людей. А вы, если хотите понять историю, должны понимать людей.

Поэтому, если кто-то из вас спросит меня, как изучать историю, я отвечу: "Берите непременно биографии, а где возможно, и автобиографии, и изучайте их. Наполняйте свои умы живыми человеческими фигурами, людьми с такими же страстями, как у вас самих; смотрите, как каждый из них жил и работал в то время и в том месте, в которые его поставил Бог. Поверьте мне, что, подружившись с умершим, оживив его и позволив ему научить вас видеть его глазами и чувствовать его сердцем, вы начнете понимать больше о его поколении и его обстоятельствах, чем вам могли бы рассказать все учебники по истории того времени. В той мере, в какой вы понимаете человека, и только так, вы начнете понимать элементы, в которых он работал. И не только понимать, но и запоминать. Имена, даты, генеалогии, географические подробности, костюмы, моды, манеры, затертые обрывки старых законов, которые вы, возможно, вычитывали и снова забывали, потому что они не укоренились, а застряли в вашем мозгу, как булавки в игольнице, чтобы выпасть при первом же толчке, - все это вы будете помнить; потому что они будут располагаться и организовываться вокруг центральной фигуры человека: Точно так же, как, изучая портрет какого-нибудь великого художника, вы не можете думать о лице, не вспоминая также свет и тень, тон колорита, платье, детали фона и все аксессуары, которые искусство художника сгруппировало вокруг; каждый из них имеет свою цель, и поэтому каждый должным образом закрепляется в вашем сознании. Кто, например, не обнаружил, что может узнать больше французской истории из французских мемуаров, чем даже из всех истинно ученых и восхитительных историй Франции, которые были написаны в последние годы? Есть и те, кто скажет о жизни старого доброго Плутарха (ныне, как мне кажется, слишком пренебрегаемого) то же, что какой-то великий человек говорил о Шекспире и английской истории - что всю древнюю историю, которую они действительно знали, они почерпнули у Плутарха. Я могу смело признаться, что то небольшое, что я знаю о средних веках, о том, какими они были, как они стали такими, какими были, и как они вылились в Реформацию, я узнал не столько из изучения книг о них

(хотя они многочисленны и мудры), сколько из многолетнего перелистывания полумифических житий святых Сурия и Болландистов.

Несомненно, история подчиняется, и всегда подчинялась, в долгосрочной перспективе, определенным законам. Но эти законы проявляются и обнаруживаются не в вещах, а в людях, в поступках людей, и в той мере, в какой мы понимаем людей, мы понимаем и законы, которым они подчиняются или которые мстят за их непослушание. Это может показаться трюизмом: если это так, то мы не можем слишком часто повторять его себе сейчас, когда быстрый прогресс науки искушает нас смотреть на людей скорее как на вещи, чем как на личности, и на абстракции (под названием законы) скорее как на личности, чем как на вещи. Обнаруживая, к нашему справедливому восторгу, порядок и закон вокруг нас, в тысяче событий, которые казались нашим отцам случайными и произвольными, мы ослеплены великолепной перспективой, открывающейся перед нами, и слишком часто впадаем в более чем одну серьезную ошибку.

Во-первых, студенты слишком часто пытаются объяснить все факты, с которыми они сталкиваются, очень немногими законами, которые они знают; и особенно моральные феномены физическими или, по крайней мере, экономическими законами. Этой последней ошибке есть оправдание. Многое, что несколько веков назад считалось принадлежащим духовному миру, теперь оказывается принадлежащим материальному; и к врачу обращаются там, где раньше вызывали экзорциста. Но из этого следует несколько поспешный вывод, который вряд ли найдет поддержку в этом университете, что моральные законы и духовные силы не имеют никакого отношения к истории человеческой расы. Надеюсь, мы не будем склонны объяснять крестовые походы гипотезой о переполненности рынков труда на континенте, как это пытался сделать кое-кто в последнее время.

Мы также не будем склонны относить те же крестовые походы к "народным заблуждениям" и простым вспышкам глупости и безумия. Это очень простой и, к сожалению, весьма распространенный метод избавления от фактов, которые не вписываются в слишком распространенную в последнее время теорию о том, что нужда и жадность всегда были и должны быть главными мотивами человечества. Нужда и жадность, видит небо, достаточно сильны: но я думаю, что тот, кто имеет в себе нечто более благородное, чем нужда и жадность, будет иметь глаза, чтобы разглядеть нечто более благородное, чем они, в самых фантастических суевериях, в самых яростных вспышках самых необученных масс. Слава Богу, что те, кто проповедует противоположную доктрину, так часто опровергают ее счастливой непоследовательностью; что тот, кто объявляет корысть главной движущей силой мира, может жить жизнью добродетельного самопожертвования; что тот, кто отрицает, вместе со Спинозой, существование свободы воли, может опровергнуть свою теорию, желая, подобно Спинозе, среди всех соблазнов мира, жить жизнью, достойной римского стоика; И тот, кто представляет людей марионетками материальных обстоятельств и поэтому не имеет логического права ни восхвалять добродетель, ни порицать порок, может здоровым восхищением первыми и здоровым презрением ко вторым показать, как мало его сердце испорчено *eidola specus*, фантомами изучения, угнетавшими его мозг. Но хотя люди, хвала небесам, часто бывают лучше своих доктрин, все же доброта человека не делает его доктрину хорошей; и безнравственно, равно как и нефилософски, называть вещь жестокими именами только потому, что ее нельзя вписать в нашу теорию вселенной. Безнравственно, потому что все резкие и поспешные оптовые суждения безнравственны; нефилософски, потому что единственный философский метод взглянуть на самые странные явления - это поверить, что они тоже являются результатом закона, возможно, здоровым результатом; что их не следует осуждать как продукт болезни, пока не доказано, что они таковы; и что если это

продукт болезни, то болезнь имеет свои законы, как и здоровье, и является предметом не для проклятия, а для индукции; так что (вернемся к моему примеру), если бы было доказано, что каждый человек, когда-либо участвовавший в крестовых походах, был просто сумасшедшим, нашим единственным делом было бы выяснить, почему он сошел с ума по этому особому поводу и в это особое время. А для этого мы должны начать с того, что вспомнить, что в каждом человеке, отправившемся в крестовый поход или в любое другое странное приключение человечества, было целое человеческое сердце и мозг, такой же силы и слабости, таких же надежд, таких же искушений, как и наши собственные; и выяснить, что могло свести его с ума, рассмотреть, что свело бы с ума нас на его месте.

Позвольте мне несколько расширить эту тему? Как вы знаете, в настоящее время существует спрос на философию истории. Всеобщее распространение индуктивной науки пробудило этот аппетит; восхитительные современные французские историки ускорили его, подкармливая; и чем больше порядка и последовательности мы находим в фактах прошлого, тем больше мы хотим найти. Так должно быть (иначе зачем человек был создан разумным существом?), и так оно и есть; и требования более образованных людей становятся настолько императивными, что многие мыслящие люди готовы сказать (мне жаль поддерживать их мнение), что если история не изучается в соответствии с точным научным методом, то ее вообще не нужно изучать.

Один очень способный анонимный писатель недавно выразил эту общую тенденцию современной мысли таким ясным и убедительным языком, что я должен попросить разрешения процитировать его: - "Шаг за шагом, - говорит он.

Шаг за шагом, - говорит он, - представление об эволюции по закону преобразует всю область наших знаний и мнений. Под его влияние попадает не один порядок представлений, а вся сфера наших идей, а вместе с ними и вся система наших действий и поступков. Не один только физический мир стал достоянием индуктивной науки, но и моральный, интеллектуальный и духовный дополняют ее империю. Две согласованные идеи пронизывают видение каждого мыслителя, физика или моралиста, философа или священника. В физическом и моральном мире, в естественном и человеческом, всегда видны две силы - неизменное правление и постоянное движение вперед; закон и действие; порядок и прогресс; эти две силы гармонично работают вместе, и в результате - неизбежная последовательность, упорядоченное движение, непреодолимый рост. В физическом мире, конечно, наиболее заметен порядок, в нравственном - прогресс, но и то, и другое существует в равной степени, как в одном, так и в другом. В масштабах природы, по мере того как мы поднимаемся от неорганического к органическому, идея изменения становится еще более отчетливой; точно так же, когда мы поднимаемся по грациям нравственного мира, идею порядка становится все труднее постичь. Последней задачей астронома было показать вечные изменения даже в грандиозном порядке нашей Солнечной системы. Венец философии - увидеть непреложный закон даже в сложных действиях человеческой жизни. В последней, правда, ясны лишь первые зародыши. Ни один рациональный мыслитель не надеется обнаружить больше, чем несколько первичных действий закона и приблизительную теорию роста. Многое темно и противоречиво. Предлагается множество теорий, различающихся по методу и степени, и мы не можем решать между ними. Мы настаиваем только на том, что принцип развития в моральном, как и в физическом, был определенно признан; и нечто похожее на концепцию одной великой аналогии во всей сфере знаний почти стало частью популярного мнения. Большинство людей отказываются от широкого изложения этого принципа, хотя все в некоторых особых случаях принимают его. Он окружает каждую идею нашей жизни и распространяется в каждой отрасли знаний.

Пресса, трибуна, лекционный зал и кафедра звенят им в самых разных формах. Бессознательные педанты доказывают это. Она мелькает в регистрах статистиков; она направляет руку простого филантропа; ей повинуются инстинкт государственного деятеля. Нет ни одного акта нашей общественной жизни, который бы не признавал этого. Никто не отрицает, что существуют определенные и даже практические законы политической экономии. Это не что иное, как законы общества. Конференции социальных реформаторов, конгрессы по международной статистике и социальным наукам свидетельствуют о его силе. Повсюду мы слышим о развитии конституции, публичного права, общественного мнения, институтов, форм общества, теорий истории. Одним словом, какие бы взгляды на историю ни прививали университетам романисты или эпиграмматисты, несомненно, что лучшие умы и духи нашего времени трудятся над тем, чтобы увидеть больше того неизменного порядка и того принципа роста в жизни человеческих обществ и великого общества человечества, который почти все люди, в большей или меньшей степени, признают, а частично и бессознательно подтверждают".

Этот отрывок, как мне кажется, прекрасно выражает тенденции современной мысли к добру и злу.

К добру. Ведь это, конечно, хорошо, и за это надо благодарить Бога, что люди все больше и больше ожидают порядка, ищут его, приветствуют его. Но и во зло тоже. Ведь молодым наукам, как и молодым людям, свойственно время удивления, надежды, воображения, а также страсти, поспешности и фанатизма. Ослепленные, и это простительно, красотой немногих открытых ими законов, они слишком склонны возводить их в боги и объяснять ими все дела на небе и на земле; и также склонны, как, я думаю, делает этот автор, латать их там, где они слабее всего, этим опаснейшим сочленением туманных и величественных эпитетов, которые очень часто содержат, каждый из них, предположение гораздо более важное, чем закон, к которому они привязаны.

Таковыми, несомненно, являются слова, которые так часто встречаются в этом отрывке - "неизменный, постоянный, неизменный, неизбежный, неодолимый". В этих словах есть двусмысленность, которая может привести - и, как мне кажется, приводит - к самым нефилософским выводам. Они используются как синонимы, и не только в этом отрывке, но и в устах людей. Знаете ли вы, что те, кто легкомысленно поступает так, ставят крест на всех вековых спорах между необходимостью и свободой воли? Каковы бы ни были права в этом споре, они, конечно же, не должны быть приняты в мимолетном эпитете. Но что еще остается делать писателю, который говорит нам, что неизбежная последовательность, непреодолимый рост существуют как в моральном, так и в физическом мире; а затем, как бы тождественно, утверждает, что видеть непреложный закон даже в сложных действиях человеческой жизни - это венец философии?

Венец философии? Несомненно, это так. Но не тот венец, который, как мне кажется, был прибережен в качестве особой славы последних дней. Очень рано, по крайней мере в известной истории человечества, философия (под скромными именами Религии и Здравых смыслов) увидела в сложных действиях человеческой жизни самые неизменные и даже вечные законы, даже законы добра и зла; и назвала их Вечными Судибами Божьими, на которые должен был смотреть сбитый с толку и измученный работой человек, и утешаться, ибо все наконец-то будет хорошо. Путем честной индукции (как я полагаю) человек открыл, более или менее ясно, эти вечные законы: путем многократных проверок их в каждый век человек поднимался и еще поднимется к более ясному пониманию их сущности, их границ, их практических результатов. И если это те старые законы добра и зла, которые этот автор и его школа называют неизменными и непреложными, то мы, полагаю, от всей души

согласимся с ними, только удивляясь, почему нравственное управление миром кажется им таким недавним открытием.

Но мы не согласимся с ними, я полагаю, когда они будут представлять эти неизменные и непреложные законы как результат какой-либо неизбежной последовательности или непреодолимого роста. Мы не будем отрицать последовательность - разум запрещает это; или рост - опыт запрещает это: но мы будем недоумевать, почему закон, поскольку он сам по себе неизменен, должен приводить к неизбежным результатам; и если они будут цитировать факты материальной природы против нас, мы будем готовы встретить их на этом самом основании и спросить: "Вы говорите, что, поскольку законы материи неизбежны, так же, вероятно, неизбежны и законы человеческой жизни? Пусть так: но в каком смысле законы материи неизбежны? Потенциально или на самом деле? Даже в самом, казалось бы, едином и универсальном законе мы находим неизбежное или непреодолимое? Разве в природе нет вечной конкуренции закона против закона, силы против силы, приводящей к самым бесконечным и неожиданным результатам? Не может ли каждый закон в любой момент быть нарушен другим законом, так что первый закон, хотя он и борется за господство, на неопределенное время оказывается полностью побежденным? Закон гравитации достаточно непреложен: но все ли камни неизбежно падают на землю? Конечно, нет, если я поймаю один и буду держать его в руке. Он остается там по законам; и закон гравитации тоже присутствует, заставляя его чувствовать себя тяжелым в моей руке: но он не упал на землю, и не упадет, пока я не позволю ему. Вот вам и неизбежное действие законов гравитации, как и других. Потенциально он неизменен, но фактически его могут победить другие законы.

Прошу прощения за то, что занимаю вас подобными трюизмами: но я должен напомнить о них студентам этого университета, пока слишком многие современные мыслители предпочитают их игнорировать.

Даже если бы, как мне кажется, история человечества зависела только от физических законов, аналогичных тем, что управляют остальной природой, для нас было бы безнадежной задачей обнаружить неизбежную последовательность в истории, даже если бы мы могли предположить, что таковая существует. Но пока человек обладает таинственной способностью нарушать законы собственного бытия, такая последовательность не только не может быть обнаружена, но и не может существовать. Ведь человек может нарушать законы своего бытия, будь то физические, интеллектуальные или моральные. Он нарушает их каждый день и всегда нарушал.

Большому числу из них он не может подчиниться, пока не узнает их. И слишком многие из них он не может узнать, увы, пока не нарушит их и не поплатится за свое невежество. Он, подобно животному или растению, живет не по законам, которые не осознает, а по законам, которые постепенно осознает и которые в конце концов может не соблюдать. И поэтому мне кажется очень похожим на жонглирование словами, чтобы проводить аналогии с физическим и иррациональным миром и применять их к моральному и рациональному миру; и очень неразумно перекидывать мост через пропасть между ними с помощью таких прилагательных, как "непреодолимый" или "неизбежный", таких существительных, как "порядок, последовательность, закон" - которые должны иметь совершенно разное значение, в зависимости от того, применяются они к физическим существам или к моральным.

Действительно, двусмысленность настолько очевидна, что я не могу представить, что она ускользнула от автора и его школы; и вынужден, из простого уважения к их логическим

способностям, предположить, что они не имеют в виду никакой двусмысленности вообще; что они не представляют себе иррациональные существа как отличающиеся от рациональных, или физические от моральных, или тело человека от его духа, по виду и свойству; И что неизменные законы, которые они представляют как управляющие человеческой жизнью и историей, не имеют ничего общего с теми законами добра и зла, которые я намерен изложить вам как "вечные суды Божьи".'

В таком случае, боюсь, они должны идти своим путем, а мы - своим; признавая, что для человека существует порядок и закон, и что если он нарушит этот порядок или каким-либо образом преступит закон, то они окажутся слишком сильными для него, вновь заявят о себе и пойдут вперед, стирая его в порошок, если он упрямо попытается остановить их путь. Но мы также должны утверждать, что его неповиновение им, даже на мгновение, нарушило естественный ход событий, нарушило ту неизбежную последовательность, которую мы можем найти в своем воображении, пока сидим с книгой в кабинете, но которая исчезает, как только мы выходим из практического контакта с жизнью, и, вместо того чтобы радостно говорить о необходимом и упорядоченном прогрессе, мы более склонны плакать вместе с циничным человеком мира:

"Все ветреные пути людей,
лишь пыль, которая поднимается вверх;
И легко ложится вновь".

Обычно на этот аргумент отвечают, что человек слаб и невежествен, и укрываются в бесконечной неизвестности. Человек, говорят, конечно, может немного вмешаться в некоторые из менее важных законов своего бытия, но кто он такой, чтобы бороться с более обширными и отдаленными? Если он может предотвратить падение камешка, то должен ли он полагать, что может изменить судьбы народов, бороться с "вечностью и беспредельностью" и т. д.? Аргумент очень весомый, но он скорее действует на воображение, чем на разум. В конце концов, это еще одна форма старого *omne ignotum pro magnifico*; и мы можем ответить, я думаю, справедливо: о вечностях и беспредельности мы ничего не знаем, не побывав там; но это простое предположение - предполагать без доказательств, что более отдаленные и непроницаемые законы более обширны в смысле большей силы (единственный смысл, который действительно имеет отношение к аргументу), чем законы, которые ощутимо действуют вокруг нас в течение всего дня; И если мы способны вмешаться почти во все законы человеческой жизни, которые нам уже известны, то философски более обоснованно полагать (пока это не опровергнуто реальной неудачей), что мы можем вмешаться в те законы нашей жизни, которые мы можем узнать в будущем. Будет ли нам выгодно вмешиваться в них, это уже другой вопрос. Неразумно вмешиваться в законы здоровья, и, возможно, не следует вмешиваться в другие законы, которые будут открыты в будущем. Я лишь утверждаю, что человек может не подчиняться законам своего бытия; что такая способность всегда была тревожной силой в прогрессе человеческой расы, которую современные теории слишком поспешно упускают из виду; И что наука истории (если не отрицать существование человеческой воли) должна принадлежать скорее к моральным наукам, чем к той "позитивной науке", которая, как мне кажется, склонна сводить все человеческие феномены к физическим законам, поспешно принятым, по старому заблуждению *εἰς αὐτὸν ὅλον*, для применения там, где нет никаких доказательств, что они применяются или даже могут применяться.

Что касается вопроса о существовании человеческой воли, то я, надеюсь, не собираюсь спорить об этом. Я лишь попрошу разрешения предположить ее существование для практических целей. Мне могут сказать (хотя я верю, что не в этом университете), что это, как

и волнообразная теория света, нефилософская "гипотеза". Как бы то ни было, очень удобно (и, возможно, еще несколько столетий) сохранять упомянутую "гипотезу", как сохраняют волнообразную теорию; и по той простой причине, что с ее помощью можно сносно объяснить феномены, а без нее их вообще не объяснить.

Страх (возможно, полубессознательный) перед этим последним практическим результатом, похоже, овладел умом автора, которого я комментировал; ибо он честно признается (а он пишет как честный человек), что в человеческой жизни "ни один рациональный мыслитель не надеется открыть больше, чем несколько первичных действий закона и некоторую приблизительную теорию роста". У меня больше надежд на возможную науку истории; потому что я опираюсь на те старые моральные законы, которые, как мне кажется, он хочет игнорировать: но я могу представить, что он этого не сделает, потому что он не может, исходя из своих собственных определений закона и роста. Они (если я правильно его понимаю) должны быть непреодолимыми и неизбежными. Я же утверждаю, что это не так, даже в случае с деревьями и камнями; тем более в мире человека. Факты, когда он перейдет к проверке своих теорий, оставят ему лишь несколько первичных действий закона, очень слабую приблизительную теорию; потому что его теории, говоря простым языком, не работают. На первом же шаге, на каждом шагу, они будут остановлены теми мешающими силами или, по крайней мере, мешающими феноменами, которые до сих пор и, вероятно, в будущем будут приписываться (как единственное их объяснение) существованию, во благо и во зло, человеческой воли.

Давайте подробно рассмотрим некоторые из этих нарушений, напоминающих неизбежное или непреодолимое движение. Не признаемся ли мы с первого же взгляда - боюсь, что слишком рано, - что здесь всегда были дураки; дураки, о которых никто не мог догадаться, да и не может до сих пор, что они собираются делать дальше и почему они собираются это делать? И как, скажите на милость, мы можем говорить о неизбежном перед лицом этого прискорбного факта человеческой глупости, будь то по невежеству или по страсти, но глупости все равно? Возможно, существуют законы глупости, как существуют законы болезни; и независимо от того, есть они или нет, мы можем научиться мудрости у глупости; мы можем увидеть, каковы истинные законы человечества, наблюдая наказания, которые наступают за их нарушение; но что касается законов, которые действуют сами по себе, непреодолимым движением, - как мы можем обнаружить их в прошлом, в котором каждый закон, который мы знаем, нарушался снова и снова? Возьмем один из самых ярких примеров - прогресс человеческого интеллекта - я имею в виду не только распространение сознательной науки, но и той бессознательной науки, которую мы называем здравым смыслом. Какая у нас надежда установить точные законы его развития в мире, где он тысячу раз игнорировался, оскорблялся, подавлялся, иногда в целых нациях и целых поколениях, глупостью, тиранией, жадностью, капризами одного правителя; а если не так, то простым суеверием, ленью, чувственностью, анархией толпы? Как, опять же, мы можем вывести точные законы увеличения населения в расе, которая с самого начала имела ненормальную и поистине чудовищную привычку убивать друг друга не ради пищи - ведь в расе нормальных каннибалов соотношение увеличения или уменьшения можно было бы легко вычислить, - а бесполезно, из ярости, ненависти, фанатизма или даже простого безрассудства? Никто, кроме меня, не склонен недооценивать жизненную статистику и ее и без того замечательные результаты: но как они могут помочь нам и как мы можем помочь им, глядя на такое прошлое, как у трех четвертей народов мира? Посмотрите - как на один пример из многих - на эту благороднейшую нацию Германии, которую захлестнули и ошеломили крестьянские войны, тридцатилетние войны, французские войны, и после каждого урагана она снова расцветала мужественной промышленностью и мужественной мыслью, чтобы в свою очередь быть

отрезанной новым ураганом, прежде чем она могла принести полные плоды: Тем не менее, вопреки таким ужасным недостаткам, нация никогда не делала такой работы; и доказывая тем самым, что она могла бы сделать для человечества, если бы ее, мать всей европейской жизни, не пожирала, поколение за поколением, ее собственные неестественные дети. Тем не менее, она по-прежнему остается их матерью, а ее история, как я полагаю, - корневой историей Европы: но ее трудно читать - листья сибиллионов так причудливо изорваны, а символы так вычеркнуты слезами и кровью.

И если такова история не одного народа, а всего человечества, то как, спрашивается, мы можем делать расчеты относительно такого вида, как человек? Многие современные ученые хотят вывести нормальные законы человеческой жизни из среднестатистического человечества: Я сомневаюсь, что им это удастся; потому что я считаю, что средний человек - это не нормальный человек, демонстрирующий нормальные законы, а очень ненормальный человек, больной и калека. Но даже если бы их метод был правильным, он мог бы работать на практике, только если бы судьбы людей всегда решались большинством: и если допустить, что большинство людей обладает здравым смыслом, то неужели меньшинство глупцов не считается ни с чем? Неужели они бессильны? Разве они не имеют никакого влияния на историю? Разве они всегда были меньшинством, а не ужасным большинством, делая каждый то, что было правильным в его собственных глазах? Вы, несомненно, можете ответить на этот вопрос сами. Что касается моих небольших познаний в истории, то я думаю, что на основании фактов можно доказать, что любой народ, вплоть до самых низких дикарей, в любой период своей жизни знал гораздо больше, чем делал; знал вполне достаточно, чтобы жить комфортно, процветать и развиваться; если бы он только делал, чего не делает ни один человек, все, что знал, что должен и мог делать. Опыт святого Павла в отношении себя верен для всего человечества: "Доброго, которого я хотел бы, я не делаю; и злое, которого я не хотел бы, я делаю". Несоответствие между объемом знаний и объемом работы - один из самых очевидных и самых болезненных фактов, поражающих нас в истории человечества, и он не может быть объяснен никакой теорией прогресса человека как следствия неизбежных законов, или теорией, которая дает нам большую надежду на установление фиксированных законов для этого прогресса.

И имейте в виду, что глупцы не всегда бывают просто неумными и мешающими; порой они свирепы, опасны, безумны. В человеческой природе есть то, что Гете называл демоническим элементом, не поддающимся никаким законам и индукции; и, боюсь, по этой единственной причине мы можем так же легко вычислить прогресс человеческой расы, как мы можем вычислить прогресс виноградных лоз на склонах Итны, где лава готова вскипеть и захлестнуть их в любой момент. Давайте же, во имя Бога, извлечем все возможное из коротких промежутков среднего спокойствия и здравого смысла: пусть мы, а точнее наши внуки, извлекут из них ценные уроки для следующего периода здравомыслия. Но не стоит удивляться и тем более унывать, если после того, как мы узнаем совсем немного, какой-нибудь неожиданный и поистине демонический фактор, война анабаптистов, французская революция или что-то еще, повергнет все наши расчеты на ветер и заставит нас начать все заново, более печальными и мудрыми людьми. Несомненно, мы можем узнать еще больше реальных фактов человеческой природы, реальных законов человеческой истории из этих критических периодов, когда обнажаются корни человеческого сердца, добра и зла, чем из любых гладких и респектабельных периодов мира и изобилия: тем не менее их уроки не статистические, а моральные.

Но если человеческая глупость была мешающей силой для зла, то, несомненно, человеческий разум был мешающей силой для добра. Человек может не только не подчиняться законам своего бытия, но и выбирать между ними, в той степени, которую наука расширяет с каждым днем, и таким образом становится тем, кем он и должен был быть, - искусственным существом; искусственным в своих производствах, привычках, обществе, государстве - в чем угодно? Весь день у него есть свободный выбор между даже физическими законами, которых нет у простых вещей и которые делают законы простых вещей неприменимыми к нему. Возьмем самый простой случай. Если он упадет в воду, у него есть выбор, подчиниться ли ему законам гравитации и утонуть, или по другим законам совершить (для него) искусственный процесс плавания и выбраться на берег. Правда, по закону произойдет и то, и другое: но у него есть выбор, какой закон победит, тонуть или плыть. Нам еще предстоит узнать, почему целые народы, почему все человечество не может использовать ту же благоразумную власть в отношении того, какому закону они должны подчиняться, - какому, не нарушая его, они должны покоряться и подавлять, пока это кажется им благом.

Правда, природе нужно повиноваться, чтобы ее покорить: но тогда ее нужно покорять. В последнее время стало слишком модным пародировать эту великую сентенцию Бэкона и говорить: "Природе нужно повиноваться, потому что ее нельзя покорить"; тем самым провозглашая бессилие науки открыть что-либо, кроме ее собственного бессилия - результат, противоречащий фактам, как и надеждам самого Бэкона на то, что наука сделает для благосостояния человеческой расы. Ведь что такое все человеческие изобретения, как не преодоление и покорение одного естественного закона другим? Это практический ответ, который все человечество давало природе и ее притязаниям всякий раз, когда оно продвигалось хоть на шаг с момента основания мира: благодаря которому все первооткрыватели открывали, все учителя учили; благодаря которому утвердились все государства, королевства, цивилизации, искусства, производства; все, кто возвышался над толпой, сталкивались с ней и побеждали ее, распиная ее сначала и поклоняясь ей потом: Чем первый дикарь победил закон природы, по которому дикие звери живут в лесу, убив их; победил закон природы, по которому сырое мясо полезно, приготовив его; победил закон природы, по которому у дверей его хижины растут сорняки, выкорчевав их и посадив вместо них кукурузу; и получил свои первые шпоры в великой битве человека с природой, доказав тем самым, что он человек, а не обезьяна? Что еще, кроме этого? "Природа сильна, но я сильнее. Я знаю ее достоинства, но я знаю и свои собственные. Я доверяю ей и ее законам, но она будет моим верным слугой, а не тираном; и если она вмешается в мои идеалы, даже в мой личный комфорт, то мы с Природой будем бороться до последнего вздоха, и Небеса защитят право!

В забвении этого, по моему скромному мнению, кроется ошибка ранней, или *laissez faire*, школы политической экономии. Она была слишком склонна говорить людям: "Вы - марионетки определенных природных законов. Ваша собственная свобода воли и выбора, если они действительно существуют, существуют лишь как опасная болезнь. Все, что вы можете сделать, - это подчиниться законам и плыть по течению, куда бы они вас ни понесли, к добру или злу". Но не менее определенно то же самое обвинение можно было отнести и к французской социалистической школе. Она, хотя и была основана на восстании против "философии нужды, философии несчастья", как она называла школу *laissez faire*, все же сохранила худшее заблуждение своего противника, а именно, что человек является творением обстоятельств; и так же, как и ее антагонист, отказывала ему в обладании свободой воли или, по крайней мере, в праве использовать свободу воли в широких масштабах.

Школа *laissez faire*, безусловно, была более логичной из двух. У них, если человек был созданием обстоятельств, эти обстоятельства, по крайней мере, определялись для него внешними законами, которые он не создавал: в то время как социалисты, с Фурье во главе (как мне всегда казалось), впали в необычайный парадокс, полагая, что, хотя человек был созданием обстоятельств, он должен был стать счастливым, создавая те самые обстоятельства, которые впоследствии должны были создать его. Но оба они ошиблись, несомненно, игнорируя ту саморазрушительную силу человека, благодаря которой он может, во благо или во зло, восстать против обстоятельств и победить их.

Обращаясь к этой теме, я, конечно, не выхожу за рамки своих полномочий профессора истории. Справедливые представления о политической экономии абсолютно необходимы для справедливых представлений об истории; и я хотел бы, чтобы те молодые джентльмены, которые могут посещать мои лекции, сначала, если это возможно, пошли к моему более ученому брату, профессору политической экономии, и получили от него не только точные привычки мышления, но и знания, которые я не могу дать, но которыми они должны обладать. Ибо, если брать самый низкий уровень, то первый факт истории гласит: "Буш всегда"; что бы люди ни делали или не делали, они всегда ели или пытались есть; и законы, регулирующие снабжение первыми жизненными потребностями, - это, в конце концов, первое, что следует изучать, и последнее, что следует игнорировать.

Однако более современная школа политической экономии, хотя и придает должное значение обстоятельствам, отказывается признать их в качестве силы, которая должна определять всю человеческую жизнь; а наш величайший из ныне живущих политэкономов в своем "Эссе о свободе" выступил с непревзойденной со времен мильтоновской "Ареопагитики" мольбой за самоопределяющую силу индивида и за его право использовать эту силу.

Но я занимаюсь не правами, а фактами; и как факт, конечно, можно сказать, что этот изобретательный разум человека во все века вмешивался в нечто похожее на неизбежную последовательность или упорядоченный прогресс человечества. Некоторые из тех писателей, которые больше всего стремятся обнаружить точный порядок, громко жалуются на то, что ему мешает чрезмерное законодательство, и радуются, что человечество возвращается к более здоровому образу мыслей и оставляет природу в покое, чтобы она работала по-своему. Я не совсем согласен с их жалобами, но об этом я надеюсь рассказать в последующих лекциях. А пока я должен спросить, если (как говорят) большинство хороших законов в наши дни сводится к отмене старых законов, которые никогда не должны были приниматься; если (как говорят) великая вина наших предков в том, что они постоянно ставили все наперекосяк, вмешиваясь в дела политические, экономические, религиозные, которые следовало оставить в покое, чтобы они развивались своим собственным путем, то что же станет с неизбежными законами и непрерывным прогрессом человеческого разума?

Взгляните еще раз на будоражащую силу не только общего разума многих, но и гения немногих. Я не уверен, что одного того факта, что гении время от времени появляются в мире, недостаточно, чтобы помешать нам когда-либо обнаружить какую-либо закономерность в человеческом прогрессе, как в прошлом, так и в будущем.

Позвольте мне объяснить. В дополнение к бесконечному разнообразию постоянно рождающихся индивидуальных характеров (что само по себе является причиной вечного беспокойства), только человек из всех видов обладает способностью время от времени производить на свет индивидуумов, неизмеримо превосходящих средний уровень по тем или иным параметрам, которых мы называем гениальными людьми. Подобно счетной

машине мистера Бэббиджа, человеческая природа дает миллионы упорядоченных респектабельных результатов, которые любой статистик может классифицировать, и позволяет поспешным философам говорить: "Так было всегда; так должно быть всегда"; и вдруг, после многих миллионов упорядоченных результатов, появляется кажущийся беспорядочным, безусловно неожиданный результат, и закон кажется нарушенным (будучи на самом деле замененным каким-то более глубоким законом) для этого раза, и, возможно, никогда больше в течение веков. Так и с человеком, и с физиологическими законами, определяющими земной облик людей. Законы есть, не сомневайтесь, но они вне нас: и пусть наша индукция будет сколь угодно широкой, они ее запутают; и великая природа, как только нам покажется, что мы узнали ее секрет, улыбнется нам в лицо, когда явит миру человека, подобного которому мы никогда не видели, и не сможем объяснить, определить, классифицировать - одним словом, гения. Такие люди, как известно, становятся лидерами на совершенно новых и неожиданных путях и, во благо или во зло, накладывают свой отпечаток на целые поколения и расы. Как это ни печально, но именно это, как мне кажется, игнорирует большинство современных теорий человеческого прогресса. Они берут действия и тенденции среднего множества людей и на их основе строят свою схему: метод, возможно, не совсем безопасный, если бы они имели дело с растениями или животными; но что, если сама особенность этого фантастического и совершенно уникального существа, называемого человеком, заключается не только в том, что он время от времени развивает этих исключительных индивидуумов, но и в том, что они являются самыми важными индивидуумами из всех? Что его курс решают за него не средние многие, а необыкновенные немногие; что один Махоммед, один Лютер, один Бэкон, один Наполеон изменяют мысли и привычки миллионов? - Так что вместо того, чтобы говорить, что история человечества - это история масс, гораздо вернее было бы сказать, что история человечества - это история его великих людей; и что истинная философия истории должна объявить законы - назовем их физическими, духовными, биологическими или какими угодно, - по которым великие умы появлялись на свет, как необходимые результаты, каждый в своем месте и в свое время.

Это была бы настоящая наука; насколько мы еще далеки от нее, вы знаете не хуже меня. Пока что появление великих умов для нас так же необъяснимо, как если бы они упали к нам с другой планеты. Кто скажет нам, почему они возникли именно тогда, когда возникли, и почему они сделали то, что сделали, и ничего другого? Я не отрицаю, что такая наука мыслима; ведь каждый ум, каким бы великим или странным он ни был, может быть результатом неизменных и непреложных законов жизни: и также мыслимо, что такая наука может так прекрасно объяснить прошлое, что сможет предсказать будущее; и сказать людям, когда может появиться новый гений и какой формы будет его интеллект. Возможно: но, боюсь, только возможно; если не по другой причине, то хотя бы по этой. Мы можем спокойно допустить, что ум Лютера был необходимым результатом сочетания естественных законов. Мы можем пойти дальше и допустить, но отнюдь не безбоязненно, что Лютер был творением обстоятельств, что в нем не было самодвижущейся оригинальности, но что его возраст сделал его таким, каким он был. Для некоторых современных умов эти уступки снимают все трудности и загадки: но, надеюсь, не для наших умов. Ибо разве сама загадка *de quo agitur* не остается столь же реальной, а именно: почему средний из августинских монахов, средний из немецких мужчин, подвергаясь тем же средним обстоятельствам, что и Лютер, не стал тем, кем был Лютер? Но независимо от того, признаем ли мы, что Лютер был человеком с изначально отличным от всех других характером, или же считаем, что он был просто марионеткой внешних влияний, первым шагом к выяснению того, как он стал тем, кем он был, будет выяснение того, кем он был. Будет проще и, как ни прискорбно это признавать, привычнее заранее определиться с теорией и объяснить ею те части Лютера, которые ей соответствуют, а те, что не соответствуют, назвать жесткими именами. Так часто преподают

историю, и этот метод популярен и выгоден. Но мы здесь будем придерживаться мнения, я уверен, что мы можем узнать причины только через их следствия; мы можем узнать законы, которые породили Лютера, только изучив самого Лютера; проанализировав весь его характер; оценив все его силы; и это - если меньшее не может постичь большее - мы не сможем сделать, пока не станем больше, чем сам Лютер. Я повторяю это. Никто не может постичь человека, если он не превосходит его. Он должен быть не просто равен ему, потому что никто не может увидеть в другом элементы характера, которые он уже не видел в себе: он должен быть больше, потому что, чтобы понять его до конца, он должен быть в состоянии судить о недостатках этого человека, так же как и о его достоинствах; видеть не только, почему он сделал то, что сделал, но и почему он не сделал больше: одним словом, он должен быть ближе, чем его объект, к идеальному человеку.

И если предположить, что я спорю о словах "постичь" и "большой", что наблюдатель должен быть большим только потенциально, а не на деле; что все постижение, которое от него требуется, - это иметь в себе зародыши способностей других людей, не развивая их в жизни; я все равно должен оставаться при своем утверждении. Ибо в такой реплике игнорируется самый таинственный элемент всякого характера, который мы называем силой: в силу которой из двух, казалось бы, одинаковых характеров, пока один ничего не делает, другой совершает великие дела; пока в одном зародыши интеллекта и добродетели остаются сравнительно зачаточными, пассивными и слабыми, в другом эти же зародыши развиваются в мужественность, действие, успех. А в чем заключается эта самая сила, не может раскрыть даже драматическое воображение Шекспира. Что такое эти его душераздирающие сонеты, как не признание в том, что над всеми своими силами ему не хватало одного, и он не знал, чего именно, и где это найти, - быть сильным?

И все же тот, кто хочет дать нам науку о великих людях, должен начать с того, что у него большее сердце, более острая проницательность, более разнообразный человеческий опыт, чем у самого Шекспира; в то время как те, кто предлагает нам науку о маленьких людях и пытается объяснить историю и прогресс законами, выведенными из среднего человечества, оказываются в полном провале, как только вступают в контакт с теми самыми людьми, чьи действия делают историю, чьей мысли обязан прогресс. И почему? Потому что (так, по крайней мере, я думаю) новая наука маленьких людей не может быть наукой вообще: потому что средний человек - это не нормальный человек, и никогда им не был; потому что великий человек - это скорее нормальный человек, как приближающийся в большей степени, чем его собрат, к истинной "норме" и стандарту полного человеческого характера; И поэтому пройти мимо него, как мимо просто нерегулярной игры природы, случайного гиганта с шестью пальцами на руках и шести ногах, и обратиться к толпе за своей теорией человечества, будет (я думаю) так же мудро, как игнорировать Аполлона и Тезея, и определять пропорции человеческой фигуры по толпе карликов и калек.

Нет, давайте не будем утомлять себя узкими теориями, поспешными индукциями, которые через столетие будут служить лишь поводом для улыбки. Давайте ограничимся, по крайней мере в нынешнем младенческом состоянии антропологических наук, фактами, честным и терпеливым выяснением того, что было сделано; будем надеяться, что если мы станем хозяевами этих фактов, то некоторые лучи индуктивного света будут даны нам Тем, Кто действительно постиг человечество и знает, что есть в человеке, потому что Он - Сын Человеческий; у Которого есть Своя собственная истинная теория человеческого прогресса, Свой собственный разумный метод воспитания человеческого рода, совершенно доброго, совершенно мудрого и, наконец, совершенно победоносного; который, однако, если бы он

был открыт нам завтра, мы не смогли бы понять; ибо если тот, кто хочет постичь Лютера, должен быть больше, чем Лютер, то кем же должен быть тот, кто хочет постичь Бога?

Посмотрите еще раз на последствия великих изобретений - неожиданных, сложных, тонких, чудесных, - которые, благодаря будоражащей силе гения, перечеркивают и путь человеческой истории, и расчеты студента. Если бы физические открытия давали только физические или экономические результаты - если бы изобретение книгопечатания приносило только больше книг и больше знаний - если бы изобретение пороха приводило только к большему или меньшему числу убитых - если бы изобретение прялки приносило только больше хлопка, больше работы, а значит, больше людей, - то их последствия были бы, какими бы сложными они ни были, более или менее поддающимися точному вычислению.

Но так странно переплетены физическая и духовная история человека, что материальные изобретения постоянно приводят к самым неожиданным духовным результатам. Печатание становится религиозным средством, вызывает не просто увеличение количества книг, но протестантскую реформацию; затем, через иезуитскую литературу, способствует романистской контрреформации; а столкновение этих двух направлений является одной из главных причин Тридцатилетней войны, одной из самых разрушительных сдержек, которые когда-либо претерпевал европейский прогресс. Порох, опять же, не довольствуясь убийством людей, неожиданно становится политическим агентом; "злодейская селитра", как жалуются Ариосто и шекспировский пижон, "доводит до смерти многих добропорядочных джентльменов" и позволяет народным массам впервые столкнуться с рыцарями в доспехах; таким образом, он становится важнейшим фактором, способствующим росту средних классов; В то время как прялка, не довольствуясь предоставлением фактов для политэконома и работой для миллионов, помогает расширить рабство в Соединенных Штатах и порождает моральные и политические вопросы, которые могут иметь, прежде чем они будут решены, самые болезненные последствия для одной из величайших наций на земле.

Так далека последовательность человеческой истории от того, что мы можем назвать непреодолимым или неизбежным. Если бы кто-то осмелился прибегнуть к эпитетам, то "кривой", "непутевый", "загадочный", "неисчислимый" - вот что скорее предложит себе человек, пристально рассматривающий не несколько фактов здесь и там, и не торопливый набросок с высоты птичьего полета, который он решил назвать целым, а реальное целое, факт за фактом, шаг за шагом, и, увы! неудача за неудачей, и преступление за преступлением.

Поймите меня, я прошу. Я не хочу (Боже упаси!) препятствовать индуктивному мышлению; я не хочу недооценивать точные науки. Я лишь прошу не игнорировать моральный мир, который является таким же достоянием индуктивной науки, как и физический, честно признать огромные трудности анализа его явлений и отказаться от надежды, по крайней мере в настоящее время, создать какую-либо точную науку об истории; И я хочу предостеречь вас от слишком распространенной ошибки, когда вы пытаетесь объяснить тайны духовного мира несколькими грубо определенными физическими законами (ибо слишком большая часть нашей современной мысли делает не более того); и игнорировать как старомодные или даже суеверные те великие нравственные законы истории, которые санкционированы опытом веков.

Среди них на первом месте стоит закон, на котором я должен настаивать смело и постоянно, если хочу (а я хочу) идти по стопам сэра Джеймса Стивена: закон, который человек во все века, как и сейчас, пытался отрицать или, по крайней мере, игнорировать; хотя он мог бы увидеть его, если бы захотел, неуклонно действующим во все времена и у всех народов. А

именно: плод праведности - богатство и мир, сила и честь; плод неправедности - бедность и анархия, слабость и позор. Это древняя доктрина, и в то же время она вечно молода.

Древнееврейские пророки проповедовали ее давным-давно, в словах, которые исполняются вокруг нас каждый день и которые не отменяют никакие новые открытия науки, потому что они выражают великий корень-закон, послушавшись которого, сама наука не сможет получить слух.

Ибо не на разуме, господа, не на разуме, а на морали зиждется человеческое благополучие. Истинная субъективная история человека - это история не его мысли, а его совести; истинная объективная история человека - это история не его изобретений, а его пороков и добродетелей. Я считаю, что мораль не зависит от мысли, а мысль зависит от морали. В той мере, в какой нация праведна, в какой между человеком и человеком существует общая справедливость, мысль будет развиваться быстро, надежно, триумфально; ее открытия будут с радостью приняты и добросовестно исполнены, к благополучию всего общества. Но где нация развращена, то есть где большинство людей в ней дурны, и справедливость не соблюдается между человеком и человеком, там мысль увядает, и наука либо подавляется легкомыслием и чувственностью, либо используется в целях тирании, честолюбия, распутства, пока сама не погибнет среди всеобщего разрушения всего хорошего; как это было в Греции, в Риме, в Испании, в Китае и во многих других странах. Законы экономии, управления, здоровья, всего того, что делает человеческую жизнь достойной, могут игнорироваться и попирааться ногами, и это происходит слишком часто, каждый день, ради нынешней жадности, нынешней страсти; корысть может стать, и будет становиться, все более и более ослепленной, в той мере, в какой она не просвещена добродетелью; пока народ не дойдет, хотя, слава Богу, нечасто, до того состояния неистового безрассудства, которое Сальвиан описывает среди своих римских соотечественников в Галлии, когда, в то время как франки громили их ворота, а на неохраняемых улицах лежали голодные и полусгоревшие трупы, the remnant, like that in doomed Jerusalem of old, were drinking, dicing, ravishing, robbing the orphan and the widow, swindling the poor man out of his plot of ground, and sending meanwhile to the tottering Cæsar at Rome, to ask, not for armies, but for Circensian games.

Мы не видим, как наука могла бы улучшить этих бедных галлов. И мы можем представить себе, конечно, нацию, впавшую в такое же безумие и восклицаящую: "Давайте есть и пить, потому что завтра мы умрем", посреди железных дорог, прядильных фабрик, электрических телеграфов и хрустальных дворцов, с бесконечными синими книгами и научными трактатами, готовыми доказать им то, что они и так прекрасно знали, - что они делают очень невыгодное вложение и денег, и времени.

Ведь наука действительно велика, но она не самая великая. Она - инструмент, а не сила; благотворная или смертоносная, в зависимости от того, в чьих руках она находится - добродетели или порока. Но ее законной хозяйкой, единственной, кто может использовать ее правильно, единственной, под чьим началом она может по-настоящему расти, процветать и доказывать свое божественное происхождение, является Добродетель, подобие Всемогущего Бога. Еврейские пророки, не знавшие науки в одном смысле этого слова, не говорят об этом прямо, но это вытекает из их доктрины, и мы можем сами убедиться в этом, если посмотрим на народы, окружающие нас сейчас, если посмотрим на все народы, которые были. Даже сам Вольтер признавал это; и когда он указывал на китайцев как на самую процветающую нацию на земле, он приписывал их процветание исключительно их добродетели. Теперь мы знаем, что на самом деле он ошибался: ведь мы обнаружили, что

китайская цивилизация - это не мир и изобилие, а анархия и нищета. Но этот факт лишь подтверждает убеждение, которое (странное сопоставление!) было свойственно Вольтеру и древнееврейским пророкам, над которыми он насмехался, а именно: добродетель - это богатство, а порок - разорение. Ибо мы обнаружили, что эти китайцы, по крайней мере их правящие классы, - особенно несправедливый народ; они гниют на гниющих остатках мудрости и добродетели своих предков, которые теперь живут только на их устах в цветистых изречениях о справедливости, милосердии и истине, служащих прикрытием для практического лицемерия и злодейства; И мы также обнаружили, как очевидный факт, именно то, что еврейские пророки предсказали бы нам - что бедствия и ужасы, которые сейчас разрушают Китайскую империю, являются прямым и органическим результатом моральной распущенности ее жителей.

Более того, я не знаю ни одной современной страны, которая бы так убедительно, как Китай, иллюстрировала великий исторический закон, провозглашенный еврейскими пророками, а именно: как процветание народа зависит от его нравственности, так и его нравственность зависит от его теологии. Как ведет себя народ, так он и процветает; как он верит, так он и ведет себя. Каковы его боги, таков и человек; вплоть до той низшей точки, которой, кажется, достигли слишком многие китайцы, когда, не имея богов, он сам становится не человеком; но (как я слышал, вы видите его на австралийских раскопках) его презирают за его грязные преступления даже отбросы Европы.

Я не утверждаю, что теология всегда порождает мораль, так же как и то, что мораль всегда порождает теологию. Каждое из них, как мне кажется, является попеременно причиной и следствием. Люди создают богов по своему подобию; затем они копируют созданное ими подобие. Но какова бы ни была причина и каково бы ни было следствие, я считаю верным закон, что от них вместе зависит физическое благополучие народа. История дает нам множество примеров, когда суеверие, а также расточительность были основной причиной упадка нации. Насколько мне известно, она не приводит ни одного случая процветания и развития нации, когда она была бы глубоко заражена одним из этих двух пороков.

Эти широкие и простые законы морального возмездия мы можем увидеть в истории; и (я надеюсь) нечто большее, чем они; нечто вроде общего метода, нечто вроде восходящего прогресса, хотя и не непреодолимого или неизбежного. Ведь я не утверждал, что не существует ни порядка, ни прогресса - Боже упаси. Если бы не было порядка, что мог бы сделать студент с человеческим разумом, но в свое время сошел бы с ума? Если бы не было прогресса, что мог бы сделать студент с человеческим сердцем, но в свое время разбил бы свое сердце при виде хаоса глупости и несчастий, не поддающихся искуплению? Я только утверждаю, что порядок и прогресс человеческой истории не могут быть похожи на те, которые управляют иррациональными существами, и не могут (без крайней опасности) быть описаны метафорами (ибо они не имеют ничего более сильного), взятыми из физической науки. Если существует порядок, прогресс, то они должны быть моральными; пригодными для руководства моральными существами; ограниченными послушанием, которое эти моральные существа оказывают тому, что они знают.

И такой порядок, такой прогресс, как этот, я очень надеюсь, мы найдем в истории.

Мы обнаружим, как я полагаю, во все века, что Бог воспитывает человека; защищает его до тех пор, пока он не сможет идти самостоятельно, снабжает его предметами первой необходимости, учит его, направляет его, вдохновляет его, как мы должны поступать с нашими детьми; терпит его и прощает его, снова и снова, как мы должны делать: но при этом учить его (как мы должны делать, если мы мудры) в значительной степени на его

собственном опыте, заставляя его проверять на себе, даже путем неудач и боли, истинность законов, которые были ему даны; открывать для себя, насколько это возможно, новые законы или новое применение законов; и упражнять его волю и способности, доверяя ему самому везде, где ему можно доверять без его окончательного разрушения. Такова моя концепция истории, особенно современной истории, истории со времен Откровения Господа нашего Иисуса Христа. Я выражаю свои мысли достаточно слабо, я знаю. И даже если бы я мог выразить то, что имею в виду, в совершенстве, это все равно была бы лишь частичная аналогия, не требующая подробного изложения. Как я уже говорил, если бы завтра нам открыли истинный закон человеческого прогресса, мы не смогли бы его понять.

Ведь предположим, что верна теория, которую доктор Темпл из Регби недавно изложил столь благородными словами: предположим, что, как он говорит, "сила, благодаря которой настоящее постоянно собирает в себя результаты прошлого, превращает человеческий род в колоссального человека, чья жизнь простирается от сотворения до судного дня. Сменяющие друг друга поколения людей - это дни в жизни этого человека. Открытия и изобретения, характеризующие различные эпохи мира, - дело рук этого человека. Верования и доктрины, мнения и принципы сменяющих друг друга эпох - это его мысли. Состояние общества в разные времена - это его нравы. Он растет в знаниях, в самоконтроле, в видимых размерах, как и мы". Предположим все это; предположим также, что Бог воспитывает этого своего колоссального ребенка так же, как мы воспитываем своих собственных детей; из этого вряд ли следует, что его воспитание, как утверждает доктор Темпл, будет точно таким же, как наше.

Оно может быть аналогичным, но не точно таким же; и вот по какой причине: Коллективный человек, согласно теории, должен быть бесконечно более сложным в своей организации, чем индивидуумы, из которых он состоит. В то время как между воспитателем одного и другого существует просто разница между человеком и Богом. Насколько же сложнее должно быть его воспитание! Насколько непостижимо многое в нем для человеческого разума! - зачастую так же непостижимо, как наше обучение детей кажется птице, ухаживающей за своими птенцами в гнезде. Родительские отношения во всех трех случаях могут быть - Писание говорит, что они являются продолжением одного и того же великого закона; ключ ко всей истории может содержаться в этих великих словах: "Как часто собирал бы Я детей твоих, как курица собирает цыплят своих под крылья свои". Но даже здесь аналогия прерывается - "но ты не хотел" выражает новый элемент, которому нет места в обучении птенца у плотины, хотя он имеет место в нашем обучении детей; это своеволие, сила непослушания, которая является темной стороной прерогативы человека как разумного и саморазвивающегося существа. Здесь аналогия терпит крах, как мы и ожидали; и в сотне других моментов она терпит крах, или, скорее, настолько превосходит свой первоначальный тип, что в некоторые моменты человечество кажется просто марионеткой тех законов естественного отбора и конкуренции видов, о которых мы так много слышали в последнее время; И, если привести один пример, кажущаяся расточительность человеческой мысли, человеческих мук, человеческой силы кажется еще одним примером той непостижимой расточительности природы, по которой из тысячи желудей, падающих на землю, только один становится тем, чем он может стать, и вырастает в дуб-строителя, а остальные растаскиваются ближайшими свиньями.

И все же эти мрачные периоды человеческой жизни могут быть лишь необходимыми элементами сложного воспитания нашей расы; и в них столько же милосердия под страшной формой, сколько в нашей, когда мы кладем любимого ребенка под нож хирурга. По крайней мере, мы можем верить в это; верить, что они имеют нравственную цель, хотя эта цель и не

видна нам; и без поспешного и узкого исследования конечных причин (уловка, столь же фатальная для исторических исследований, как, по словам Бэкона, для науки) мы можем оправдать Бога верой там, где не можем оправдать его опытом.

Конечно, это и есть философский метод. Если нам кажется, что мы открыли закон, мы не отбрасываем его, как только обнаруживаем феномены, которые не могут быть объяснены с его помощью. Мы используем эти феномены, чтобы исправить и расширить наш закон. И эта вера в то, что история - это "Бог, воспитывающий человека", - не просто гипотеза; она является результатом наблюдений тысяч умов на протяжении тысяч лет. Она долгое время казалась - и, надеюсь, будет казаться и впредь - лучшим объяснением странных поступков этого странного существа, человека: и если мы находим в истории факты, которые, казалось бы, противоречат ей, мы не отбрасываем поспешно или со злостью ни ее, ни их: но если мы истинные ученики Бэкона, мы будем терпеливо и благоговейно использовать их для исправления и расширения наших представлений о самом законе и тем самым подниматься к более глубоким и справедливым концепциям образования, человека и - может быть - самого Бога.

Если мы будем смотреть на историю таким образом, искать действенные, а не конечные причины и довольствоваться тем, что Бог действует повсюду, не требуя от Него объяснения причин Его поступков, мы будем учиться в рамках разума, в равной степени удаленного от суеверия, с одной стороны, и от нутриционизма - с другой. Мы не будем бояться признавать естественные механизмы, но и не будем бояться признавать те сверхъестественные причины, которые лежат в основе всего существования, кроме только Божьего.

Мы будем говорить не только о всевластном Провидении. То, что оно существует, будет казаться нам очевидным фактом. Но нам покажется несколько манихейской вера в то, что мир создан плохо, человечество - неудачник, и что все, что Бог должен с ними делать, - это исправлять их то тут, то там, когда они идут нестерпимо неправильно. Мы будем верить не только в управляющее Провидение, но и (если я осмелюсь употребить это слово) в управляющее, которое установило для человечества вечные законы жизни, здоровья, роста, как физического, так и духовного; в окружающее Провидение, благодаря которому обстоятельства, то, что окружает человека, вечно упорядочены, можно сказать, предначертаны, чтобы каждый закон имел по крайней мере возможность действовать на нужного человека, в нужное время и в нужном месте; и в управляющее Провидение. Того, от кого исходит всякое истинное мышление, всякое правильное чувство; от кого, мы должны верить, только человек из всех известных нам живых существ наследует ту таинственную способность воспринимать закон, лежащий в основе явлений, благодаря которой он является *человеком*.

Но мы можем придерживаться всего этого, конечно, и в равной степени придерживаться всего, чему может научить нас естественная наука. Удерживать то, чему учит естественная наука? Мы не посмеем не придерживаться этого. В наших глазах это будет свято. Любой свет, который наука, политическая, экономическая, физиологическая или другая, может бросить на прошлое, будет приветствоваться нами, как исходящий от Автора всего света. Игнорировать его, даже принимать с подозрением и недоверием, мы будем считать грехом против Него. Мы не будем бояться "вторжения материализма", потому что будем стоять на той духовной почве, которая лежит в основе - а может быть, и в причине - материального. Все открытия науки, будь то политические или экономические, будь то законы здоровья или законы климата, будут приняты с доверием и радостью. И когда мы встретимся с такими поразительными предположениями, как те, что касаются влияния климата, почвы, пейзажа на национальный характер, которые в последнее время вызывают столько споров, мы будем

приветствовать их с первого взгляда, просто потому, что они дают нам надежду на порядок там, где мы видели только беспорядок, закон там, где мы представляли себе случайность: Мы будем терпеливо проверять их; исправлять их, если они нуждаются в исправлении; и если они подтвердятся, верить, что они работали и продолжают работать, οὐκ ἀνευ Θεοῦ, как факторы в великом методе Того, Кто назначил всем народам их времена и границы их обитания, если, может быть, они будут искать Его и найдут Его: хотя Он не далеко от любого из них; ибо в Нем мы живем, и движемся, и имеем наше существо, и являемся потомством Самого Бога.

На этом я заканчиваю то, что мне показалось нужным сказать в этой моей вступительной лекции; благодарю вас за терпение, с которым вы меня выслушали; и если я слишком часто говорил о себе и своих собственных мнениях, я могу только ответить, что это недостаток, к которому меня вынудило мое положение, и который больше не повторится. Мне казалось, что какое-то изложение моих убеждений необходимо, хотя бы из уважения к Университету, от которого я долгое время был отлучен и возвращение в который является для меня высокой честью и глубоким удовольствием; и я не могу не сознавать (лучше быть честным), что в умах лучших людей, чем я, существует предубеждение против меня из-за некоторых моих ранних трудов. Это предубеждение, я верю, с Божьей помощью мне удастся рассеять. По крайней мере, что бы мне ни не удалось сделать, в этом Университете найдут, что я сделаю одно, а именно - выполню апостольскую заповедь: "Учитесь быть спокойными и заниматься своими делами".

Сноски:

[1] Grimm, Grammatik, ii. p. 516.

[2] См. Grimm, Grammatik, (2nd edit.) vol. i. p. 108; vol. ii. p. 581.

[3] Лекции по науке о языке, т. ii. с. 232.

[4] Фёрстеманн упоминает латинскую надпись III века, найденную близ Висбадена, с дательным Toutiorigi.

[5] Немецкие классики, М. М., с. 12.

[6] Аноним. Валезиан. ad calcem Ann. Marcellin. p. 722. Гиббон, сар. xxxix; теперь известны, благодаря Моммзену, как Анналы Равенны.

[7] Grimm считает, что Charle-maigne и Charlemagne первоначально были искажениями Karlo-man, и были интерпретированы позже как Carolus magnus. Grimm, Grammatik, ii. 462; iii. 320.

[8] Weber, Lehrbuch der Weltgeschichte, § 245: "Bei Verona von Theoderich (daher Dietrich von Bern) besiegt, barg sich Odoaker hinter die Mauern von Ravenna. Гораздо больше возражений вызывает тот факт, что Симрок в своем переводе Эдды называет Тьодрекра Дитрихом, хотя сохраняет Теодольфа и другие подобные имена. Но в то же время это свидетельствует о широкой популярности этого имени.

[9] Grimm, Heldensage, p. 344.

[10] Gibbon, chap. xxxix. sub fin.

[11] Отто фон Фрейзинг в первой половине двенадцатого века (Chronicon 5, 3) придерживается противоположной точки зрения и считает, что басня произошла от истории:

"Ob ea non multis post diebus, xxx imperii sui anno, subitanea morte rapitur ac juxta beati Gregorii dialogum (4, 36) a Joanne et Symmacho in Aetnam praecipitatus, a quodam homine Dei cernitur. Hinc puto fabulam illam traductam, qua vulgo dicitur: *Theodoricus vivus equo sedens ad inferos descendit*.

[12] Grimm, Deutsche Heldensage, p. 36. Chronicon Urspergense, 85a: Haec Jordanis quidam grammaticus, ex eorundem stirpe Gothorum progenitus, de Getarum origine et Amalorum nobilitate non omnia, quae de eis scribuntur et referuntur, ut ipse dicit, complexus exaravit, sed brevius pro rerum notitia huic opusculo inseruimus. His perlectis diligenterque perspectis perpendat, qui discernere noverit, quomodo illud ratum teneatur, quod non solum *vulgarifabulatione* et *cantilenarum modulatione* usitatur, verum etiam in *quibusdam chronicis* annotatur; scilicet quod *Hermenricus* tempore Martiani principis super omnes Gothos regnaverit, et *Theodoricum Dietmari filium, patruelem* suum, ut dicunt, *instimulante Odoacre*, item, ut ajunt, *patruеле suo de Verona pulsum*, apud *Attilam Hunorum regem exulare coegerit*, cum historiographus narret, Ermenricum regem Gothorum multis regibus dominantem tempore Valentiniani et Valentis fratrum regnasse et a *duobus fratribus Saro et Ammio*, quos conjicimus eos fuisse, qui *vulgariter Sarelo et Hamidiecus* dicuntur, vulneratum in primordio egressionis Hunorum per Maeotidem paludem, quibus rex fuit Valamber, tam vulneris quam Hunorum irruptionis dolore defunctum fuisse, Attilam vero postea ultra lxx annos sub Martiano et Valentiniano cum Romanis et Wisigothis Aetioque duce Romanorum pugnassee et sub eisdem principibus regno vitaeque decessisse. . . . Hinc rerum diligens inspector perpendat, quomodo *Ermenricus Theodoricum Dietmari filium apud Attilam exulare coegerit*, cum juxta hunc historiographum contemporaneus ejus non fuit. Igitur aut hic falsa conscripsit, aut *vulgaris opinio fallitur et fallit*, aut alius Ermenricus et alms Theodoricus dandi sunt Attilae contemporanei, in quibus hujus modi rerum convenientia rata possit haberi. Hic enim Ermenricus longe ante Attilam legitur defunctus.

[13] Chronicon, 5, 3: Quod autem rursum narrant, eum Hermanarico Attilaeque contemporaneum fuisse, omnino stare non potest, dum Attilam longe post Hermanaricum constat exercuisse tyrannidem istumque post mortem Attilae octennem a patre obsidem Leoni Augusto traditum.

[14] Chronicon, 16, 481: Quod autem quidam dicunt, ipsum Theodoricum fuisse Hermenrico Veronensi et Attilae contemporaneum, non est verum. Constat enim Attilam longe post Hermenricum fuisse Theodoricum etiam longe post mortem Attilae, quum esset puer octennis, Leoni imperatori in obsidem datum fuisse.

[19] Ранние романтики, и особенно Ахилл Татий, дают слишком болезненные картины римского прародительского рабства, чтобы их цитировать. Римское домашнее рабство не может быть описано пером англичанина. И я должен выразить свое сожаление, что перед лицом столь очевидных фактов некоторые в последнее время пытаются доказать, что американское рабство так же плохо, как и римское, или даже хуже его. Боже упаси! Каковы бы ни были грехи южного джентльмена, он, по крайней мере, тевтон, а не римлянин; он на целое нравственное небо выше слабоумного негодя, который в IV и V веках называл себя сенатором и клариссимумом".

[101] Dr. Sheppard, p. 297.

[109] В самом ли деле он принял имя Теодорих, Теудерик, Дитрих, которое означает то же самое, что и "король народов"?

[158] У жителей западных стран "скрипеть" все еще означает карабкаться или тасовать.

[162] English Language, vol. i. p. 200.

[214] Cp. Montalembert. 'Moines d'Occident.'

[279] Sismondi *Hist. de la Chute de l'Empire Romain*, p. 187.